

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1981

Мама, поздравь!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

№ 34 (2823)

1923 года

22 АВГУСТА 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1981

Трудный разговор в приемной комиссии.

Час на подготовку. Алексей Мошков на устном экзамене по математике.

Юрий КОЗЛОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

В последний месяц лета, когда на деревьях появляются желтые листья, а в садах с яблонь падают в траву созревшие яблоки, во все высшие учебные заведения страны держат экзамены абитуриенты. Есть некая символика в этом совпадении. Природа находится в особенном пред-

осеннем состоянии, которое так и хочется сравнить с ожиданием — до осени совсем недолго! И тот, кто поступает в институт, тоже находится в состоянии нетерпения и ожидания: еще один экзамен, одна хорошая оценка, и человек перейдет в новое качество, на целых пять, а то и шесть лет станет студентом.

Эта атмосфера ожидания и нетерпения почти физически ощущается в длинных и прямых, как стрелы, коридорах

Окончание см. на стр. 3.

Сочинение...

АБИТУРИЕНТСКАЯ «СТРАДА»

Родители ждут...

В перерыве в буфете.

Во время встречи.

Телефото спец. корр. ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА с С. КАНЕЙ и В. ЯРУЗЕЛЬСКИМ

14 августа в Крыму Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с прибывшими по приглашению ЦК КПСС в Советский Союз с кратковременным дружественным рабочим визитом Первым секретарем ЦК ПОРП С. Каней и членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров и министром обороны ПНР В. Ярузельским.

В беседе приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр ино-

странных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Первый секретарь ЦК ПОРП и Председатель Совета Министров ПНР рассказали о проблемах, над решением которых работает ПОРП в свете итогов своего IX чрезвычайного съезда.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что советские коммунисты, все советские люди с серьезным внима-

ем следят за событиями в Польской Народной Республике. Советский Союз занимает последовательную интернационалистическую позицию в отношении социалистической Польши, желает, чтобы польские коммунисты и весь братский польский народ успешно осуществляли решения IX съезда партии, направленные на укрепление ПОРП как марксистско-ленинской партии и упрочение позиций социализма в стране. Были обсуждены проблемы развития широкого, всестороннего со-

трудничества между обеими странами.

Участники встречи выразили обоюдную готовность Советского Союза и Польши и в дальнейшем идти по пути всестороннего развития советско-польского сотрудничества и осуществления совместной миролюбивой принципиальной линии в международных делах.

Встреча прошла в атмосфере братской дружбы и товарищеского взаимопонимания.

ПОБЕДА НА ХЛЕБНОМ ПОЛЕ

Ставрополье — гигантская, богатая нива. Край славится умелыми хлеборобами. В первом же году нового пятилетия жатва здесь обрела богатырский размах (см. «Огонек» № 30). И вот последние хлебные валки обмолочены, государству продано более 2300 тысяч тонн зерна. С замечательной трудовой победой хлеборобов Ставрополья поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Больше, чем когда-либо ранее, продали хлеба прославленные ипатовцы: четверть миллиона тонн зерна.

А как-то дела сложились у новоалександровцев, о которых писал наш журнал? И они нынче в числе лучших: продали более

140 тысяч тонн. Передо мной письмо из Григориполисской. Секретарь парткома колхоза «Россия» Виктор Григорьевич Мирошниченко пишет в редакцию о трудностях жатвы, о настоячивости механизаторов: «Уже 29 июля закончилась битва за хлеб-81. Много суток шла борьба за каждый колос, за каждое зерно, тем радостнее сегодня сознавать: хлеб под надежной крышей».

На проводе — Ставрополь. Заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом крайкома КПСС Валентин Константинович Чабан сообщил:

— Действительно, уборка была не из легких. Но урожай достойно венчает усилия, мастерство ставропольцев. Назову лучших. Ком-

байновое звено из совхоза «Радуга» под руководством Александра Ивановича Столбина намолотило почти девяносто тысяч центнеров хлеба! Хлеборобы кочубеевского колхоза «Казьминский» собрали на круг по сорок четыре центнера с гектара. В колхозе имени Ленина, Апанасенковского района, урожай зерновых составил около тридцати шести центнеров, а ведь там почти полупустыня. Десятки хозяйств намолотили с каждого гектара по 35—37—40 центнеров, в том числе и хозяйства восточных районов края, где условия для пшеницы малоподходящие. Но сказалось мастерство агрономов и механизаторов...

Н. БЫКОВ

Убран хлеб с девяти тысяч гектаров новоалександровского колхоза «Россия», а у главного агронома М. Г. Соловьева и механизаторов новые заботы — об урожае следующего года.

Фото К. Тарусова (ТАСС)

АБИТУРИЕНТСКАЯ «СТРАДА»

Московского энергетического института, на десять факультетов которого, готовящих инженеров широкого профиля по сорока шести специальностям, держат экзамены сразу несколько тысяч абитуриентов. Конкурс в этом году примерно такой — два человека на место. На первый курс будет принято две с половиной тысячи человек.

Я разговаривал с заместителем председателя приемной комиссии института Александром Клименко, с ответственным секретарем комиссии Анатолием Князевым, с председателем экзаменационной комиссии Владимиром Нитусовым — людьми разного возраста, но опытными, знающими свое дело, не один год работающими в МЭИ. Казалось бы, ежегодные вступительные экзамены должны сделаться для них чем-то привычным... Но нет! Каждый отметил, что привыкнуть к этой поро, выработать определенный стереотип поведения невозможно, потому что в самом процессе вступительных экзаменов, когда на карту ставятся бессонные ночи, проведенные над учебниками, выношенные мысли о будущей профессии и в общем-то сама судьба, — во всем этом стереотип непустым. Вступительные экзамены — всегда черта, порог, и абитуриент независимо от того, станет студентом или нет, обязательно подводит после экзаменов итоги прожитой жизни. Но излишний пессимизм здесь неуместен. Жизнь продолжается.

Александр Клименко — еще молодой человек. Подтянутый, с юмором. Он сам шестнадцать лет назад поступал в МЭИ и, хотя сейчас уже десять лет преподает, все еще помнит, как волновался на вступительных экзаменах, как был ошарашен неожиданным вопросом по физике. Подумалось: это хорошо, когда за-

меститель председателя приемной комиссии (председатель — ректор МЭИ, профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР В. А. Григорьев) помнит, как сам поступал в институт.

Владимир Владимирович Нитусов — доцент кафедры паровых и газовых турбин, председатель экзаменационной комиссии. Казалось бы, уже по роду своих занятий должен больше интересоваться физикой и математикой. А он рассказал, какая это радость для всех преподавателей, принимающих экзамены, когда кто-то из абитуриентов пишет яркое, талантливое сочинение. В прошлом году, вспоминал он, одно такое сочинение надолго запомнилось. Все читали, все радовались!

Институт хорошо подготовился к вступительным экзаменам. И в плане, так сказать, бытовом и в плане учебном. Круглый год работал возглавляемый доцентом кафедры вычислительной техники А. К. Поляковым совет по новому набору. Профессора, преподаватели ездили по школам, рассказывали об институте, о том, какое имеет значение в наши дни энергетика.

Вообще впечатление такое, что тот, кто очень хочет поступить в МЭИ, рано или поздно туда поступит. Ведь существуют и платные вечерние, дневные, заочные подготовительные курсы для школьников и работающей молодежи. Есть вечерний подготовительный рабочий факультет, физико-математическая школа с очной и заочной формами обучения.

...Тем временем из аудиторий стали выходить написавшие сочинение. Все они говорили, что за дни экзаменов успели сжиться с институтом, привыкнуть к нему. И об истории МЭИ уже наслышаны. Институту в прошлом году испол-

нилось полвека, за годы Советской власти выпустил более восьмидесяти пяти тысяч инженеров.

Беседовали мы и с абитуриентами.

...Наташа Яковлева. Ей семнадцать лет, она из Тамбова. Пока сдаёт хорошо. Поступает сразу после школы. Выбрала электромеханический факультет. «В любом случае, — сказала Наташа, — от специальности не отступлюсь. Поступлю — здорово! Нет — пойду работать, буду штурмовать специальность «снизу».

...Саша Черкесов. Тоже только окончил школу. Но ему еще и семнадцати не исполнилось. Он из Мурманской области, из города Мончегорска. МЭИ когда-то окончила его мать. Сейчас она начальник лаборатории. Отец — начальник цеха. Так что он, Саша, потомственный «технар».

Аудитории постепенно пустели. На черных стенных досках белели написанные мелом темы сочинений. Почему-то я вспомнил старую преподавательницу русского языка и литературы Таисию Афанасьевну Орлову. Больше тридцати лет принимала она у абитуриентов вступительные экзамены в МГУ. Ее называли самым строгим преподавателем. Она, помнится, говорила, что чувствует себя прощенной за все двойки, что поставила раньше, когда слышит прекрасный ответ абитуриента. И еще говорила, что вся жизнь человека — пора сплошных экзаменов и вступительные экзамены в институт — еще далеко не самые серьезные. Прежде чем решиться поступать в вуз, молодой человек должен сдать экзамен своей совести: правильный ли выбрал путь, не претендует ли на чужое место, хватит ли у него сил идти избранной дорогой? И честно ответить самому себе, трезво оценить свои способности — вот главный экзамен на зрелость.

«Огонек» на «Атоммаше»

Здесь будет пионерская республика «Донские орлята».

«МИРНЫЙ АТОМ» — У СКРЕПЕРИСТОВ

Если год назад скреперистов можно было отыскать без особого труда — они готовили площадки для гигантских корпусов «Атоммаша», — то теперь обладателей кубка «Огонька» «Мирный атом» я нашел далеко за городом. Представьте такую картину: величавый Дон, белоснежные лайнеры, крикливые чайки, ковыльная степь и... шесть мощных скреперов, которые с натужным ревом снимают черноземный слой и отвозят его в специальные бурты.

А будет здесь не завод, не складская база, но пионерская республика «Донские орлята».

И как приятно в канун Дня строителя было видеть, что при обсуждении кандидатов на обладание кубком «Мирный атом» все единогласно проголосовали за бригаду скреперистов В. И. Ушакова, которая готовит, казалось бы, отнюдь не главный объект. Но за строительством пионерской республики внимательно следит весь город — от мала до велика.

Когда я беседовал с Г. В. Лядским, С. К. Береговым, Ф. Ф. Чухряевым, В. В. Журавским, Г. П. Березанцевым, Н. Г. Гузевым — а все они высококлассные специалисты, работающие на строительстве «Атоммаша» чуть ли не с первого дня, — то скреперисты в один голос заявили: «Сделаем все от нас зависящее, чтобы объект сдать досрочно и с отличным качеством».

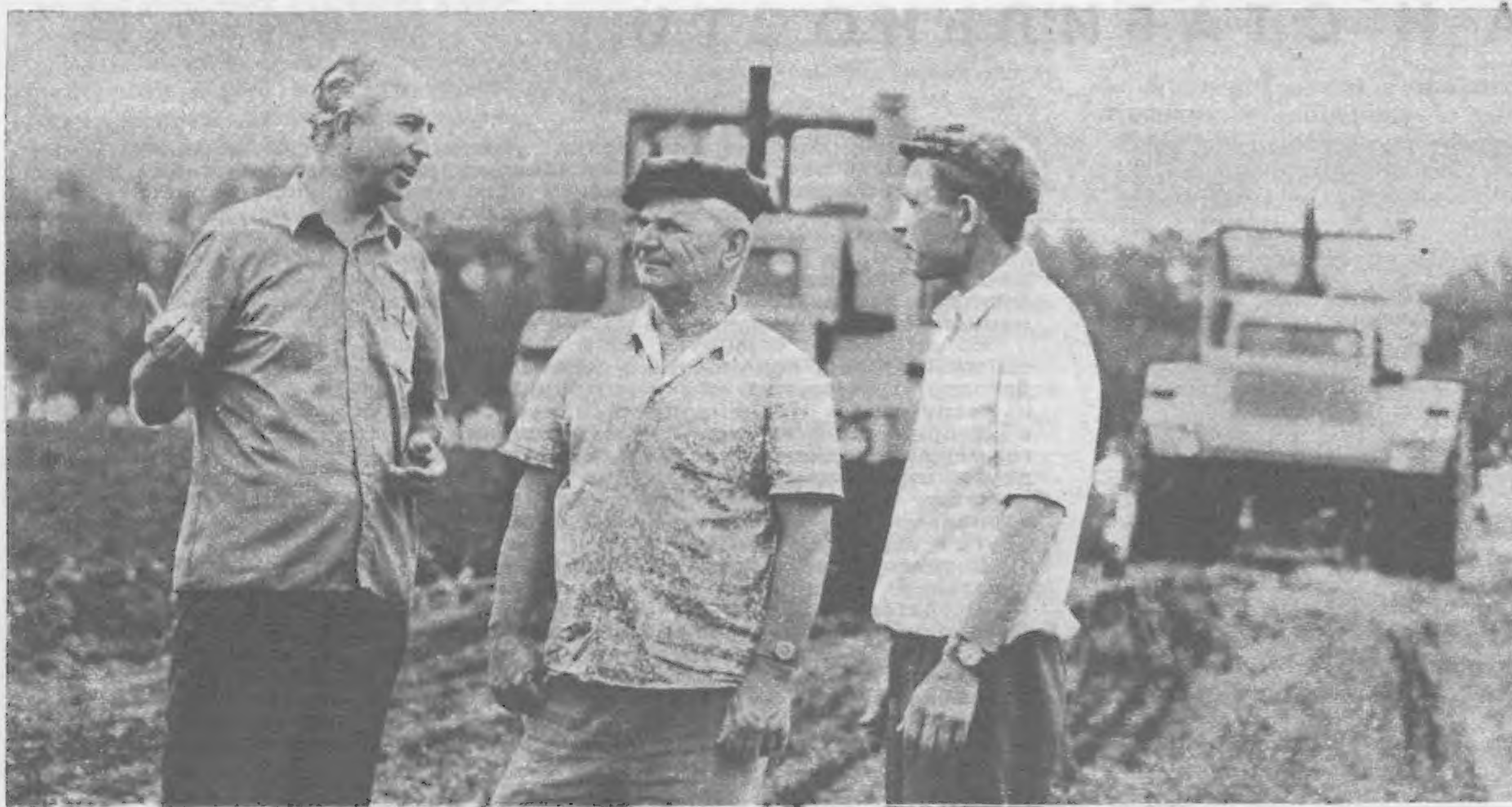
В День строителя на городском стадионе был большой праздник. Парад техники, выступления самодеятельных артистов, чествование победителей, спортивные соревнования — два часа гремела музыка над стадионом. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что на вручение кубка «Мирный атом» явились только три члена бригады.

— Где остальные? — спросил я.

— Как где? Работают, — ответил Г. П. Березанцев. — Как раз сейчас началась вторая смена.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото автора

ГОЛОС РАЗУМА И ПЛАНЫ МАНЬЯКОВ

Николай НОВИКОВ

Подобно цунами над континентами нашей планеты прокатывается негодование и возмущение миллионов людей преступным решением Белого дома. Вашингтон сделал новый опасный шаг по пути наращивания гонки вооружений, приступив к массовому производству самого варварского оружия — нейтронной бомбы. Это решение президента США вызвало взрыв возмущения во всем мире, и особенно в Западной Европе, где, согласно замыслам Пентагона, нейтронная бомба будет размещена и, возможно, использована со страшными последствиями для европейских народов.

Весьма символично, что президент Рейган принял решение приступить к развертыванию производства нейтронного оружия 6 августа — в День памяти жертв Хиросимы. Человечество помнит этот день ядерной трагедии 36-летней давности, которая оборвала 300 с лишним тысяч жизней. Народы земли поклялись: трагедия эта не должна повториться. Они помнят Хиросиму и поэтому с таким негодованием встретили новый шаг администрации США, который привел бы к опасному понижению так называемого ядерного порога — увеличения риска ядерной войны.

Характерно, что наряду с видными общественными деятелями, представителями различных партий и других массовых организаций с решительным осуждением решения США о производстве нейтронной бомбы выступили правительства ряда стран. Так, премьер-министр Норвегии Г. Харлем Брундтланд выразила протест против шага Вашингтона. Финское правительство с глубокой

озабоченностью восприняло известие о решении США приступить к полномасштабному производству и накоплению нейтронного оружия. «Это решение, — говорится в заявлении финского правительства, — может обострить гонку вооружений, что, в свою очередь, отрицательно повлияет на всю международную обстановку». Подобной позиции придерживается и Дания. Министр иностранных дел Дании К. Олесен, решительно осуждая решение президента США, выразил удивление по поводу этого шага в свете запланированных переговоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом о сокращении вооружений в Европе. Он подтвердил отказ Дании разместить на своей территории нейтронные боеголовки или любой другой вид ядерного оружия.

С особой силой в странах Азии и других государствах прозвучали слова премьер-министра Индии Индиры Ганди, которая решительно осудила решение президента США начать производство бесчеловечного оружия. «Продолжающееся накопление все более совершенного оружия, — заявила Индира Ганди, — ставит мир перед еще большей угрозой... Мир обладает определенными знаниями и способностью создать лучшие условия жизни для людей. Однако некоторые правительства, к сожалению, избрали путь накопления средств разрушения».

В Вашингтоне принимают пожарные меры, чтобы сбить мощную волну протестов против крайне опасного шага США, поднявшуюся во всем мире, и особенно в Западной Европе, где Пентагон намерен складировать нейтронное оружие. К этому малопопулярному делу подключился и министр обороны США К. Уайнбергер. На пресс-конференции в Пентагоне он уверял, что якобы «в настоящее время у администрации США нет планов развернуть это оружие в Европе». Однако министр не скрывал, что рейгановская администрация намерена применить нейтронную бомбу прежде всего на европейском континенте, куда, похвалялся К. Уайнбергер, это оружие может быть доставлено в считанные часы после «принятия соответствующего решения». Заметим при этом, что в Пентагоне уже разработан план, согласно которому намечается производство первой очереди 380 нейтронных боеголовок для ракет «Лэнс» и 800 восьмидюймовых снарядов для гаубиц «М-110-АГ». Эти орудия смерти предназначены для размещения на западноевропейской территории.

Одновременно Уайнбергер отметил на пресс-конференции, что нейтронное оружие может быть применено на любом другом театре военных действий. Официальные лица, отмечает газета «Нью-Йорк таймс», дали понять, что это оружие рассматривается в качестве «эффективного средства» для использования на Ближнем Востоке. Шеф Пентагона отказался исключить возможность того, что США первыми применят нейтронное оружие даже в неядерной войне.

Открыто одобрить чудовищный шаг Вашингтона посмел практически один Пекин. Китайские средства массовой информации настойчиво проводят мысль о том, что решение президента США приступить к полномасштабному производству нейтронного оружия якобы является ответом на наращивание вооружений Советским Союзом, оправдывая, по существу, действия администрации Рейгана и защищая его от международной критики.

Диаметрально противоположный по своей направленности курс Советского Союза — курс на ограничение, сокращение и в конечном счете ликвидацию вооружений, в том числе ядерных. Вместе с тем, говорится в Заявлении ТАСС, ни у кого не должно оставаться сомнений, что в свете шагов, предпринимаемых Соединенными Штатами Америки, Советский Союз будет соответствующим образом оценивать складывающуюся обстановку и принимать необходимые меры для обеспечения своей безопасности, безопасности своих друзей и союзников.

ФАКТОР МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ

Сталь Бхилаи.

Фото Ю. Попова

Советско-индийские отношения уже имеют долгую историю. С самых первых лет после провозглашения независимости Индии между Советским Союзом и этой страной установилось плодотворное сотрудничество в самых различных сферах жизни. Десятки крупных промышленных предприятий возникли на территории Индии в результате этого дружественного сотрудничества. Сталь Бхилаи, нефть Анклешвара, металлургическое оборудование завода в Ранчи — продукция этих и десятков других предприятий — весомый вклад в дело развития современной Индии, в укрепление наших отношений.

Но особенно большую роль в укреплении дружественных связей сыграл договор, подписанный десять лет назад, в августе 1971 года. Это Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Индией, который явился выдающейся вехой не только в истории советско-индийских отношений, но также событием большого международного значения. Развитие новейших отношений между двумя странами было положено на прочную правовую основу в соответствии с принципами уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимной выгоды.

В телеграмме, посланной Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым Президенту Республики Индии Ниламу Санжива Редди и Премьер-Министру Индии Ганди, выражена твердая уверенность, что испытанные временем и сцементированные договором отношения традиционной дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Индией будут и впредь неуклонно крепнуть и развиваться в интересах народов наших стран, во имя укрепления всеобщего мира и международной безопасности.

НАУКА ГОСТЕПРИИМСТВА

В. САМОШКИН

Туристский комплекс «Костинешти» на побережье.

Фото Аджерпресс — ТАСС.

Смуглый, с черными, как масляны, глазами Думитру Младин стоит за стойкой и протирает стаканы. Я пробую предложенный им холодный бодрящий коктейль для спортсменов «Надя», названный так в честь знаменитой румынской гимнастки Нади Комэнечи. Мы разговариваем с Думитру о профессии бармена, которой он посвятил без малого тридцать лет.

— В баре, как в театре, — смеется он. — Ты должен всегда быть веселым, даже если поссорился с женой. И, конечно, корректным, гостеприимным, трудолюбивым. Вот этому я и учу своих питомцев.

В баре все взаправду: и стойка, и всевозможные, в том числе и крепкие, напитки, и высокие стулья, и столики... Но бар — учебный. Здесь учатся или повышают свое мастерство почти все бармены Румынии. А Думитру Младин — их наставник, а по должности инструктор, специалист международного класса. Он может часами рассказывать вам об искусстве приготовления коктейлей и различных сортов мороженого.

По соседству — залы учебного ресторана. Здесь тоже преподает мастер своего дела — Николае Букур, начинавший еще в довоенные годы мальчиком на побегушках. Теперь он директор большого ресторана на Черном море, но в межсезонье консультирует начинающих официантов, метрдотелей, директоров.

Ресторан-школа, впрочем, так же как и учебное бюро туристического агентства, учебная приемная гостиницы, прекрасно оборудован. В них все настоящее, разница лишь в том, что в роли клиентов выступают учащиеся.

Что такое «трудный клиент»? Как учитывать национальные и возрастные особенности туристов при размещении их в гостиницах или обслуживании в ресторанах. И, если хотите, как отличить фальшивую банкноту от настоящей — этому и многому другому обучают здесь. Потом работа в настоя-

щей гостинице «Парк», входящей в учебный комплекс.

Точное название этого не совсем обычного учебного заведения — Центр по подготовке и усовершенствованию кадров для индустрии гостиниц и туризма. Расположен он в зеленом районе на севере Бухареста. В него входит также гостиница «Турист», где живут учащиеся. Первый, с кем я тут встретился, был Джордже Ионеску, опытный преподаватель.

— В области туризма, — сказал он, — Румыния стартовала почти с нуля. До освобождения у нас, в крестьянской стране, не было в этом смысле никаких традиций. Я сам родом из Констанцы и хорошо помню, когда Мамая — ныне первоклассный международный курорт — была всего лишь голой песчаной косой между морем и озером. А путь от Констанцы до Мангалии, с пылью и ветром, представлял собой целую экспедицию!

Теперь здесь на 45 километров протянулось ожерелье морских курортов и санаториев, утопающих в зелени и цветах. За последние два десятилетия, когда в стране была создана необходимая материальная база, в Румынии выросла целая индустрия туризма, которая позволяет ежегодно принимать 6—7 миллионов туристов из-за рубежа. Бурное развитие этой отрасли экономики, кстати, обеспечивающей солидный приток иностранной валюты, потребовало квалифицированных кадров. И вот уже десять лет действует центр, где науку гостеприимства ежегодно осваивают пять тысяч человек.

Центр был создан при содействии программы ООН по развитию. На фонды, выделенные этой международной организацией, было закуплено самое современное учебное оборудование. Почти все преподаватели (а их здесь полсотни) побывали на стажировке за рубежом.

— Мы внимательно изучили опыт наших друзей, — говорит Джордже Ионеску, — в первую

очередь соседней Болгарии, где существует блестящая школа подготовки специалистов в области туризма. Особый упор мы сделали на современные методы обучения.

С гордостью Джордже показывал мне телестудию. Отсюда во все кабинеты и лаборатории транслируются учебные программы и фильмы. Лент в фильмотеке несколько десятков, Джордже Ионеску предложил мне посмотреть по видеоманитوفону фильм о том, как приготовить персики в горящем вине... А в это время рядом, в ярко освещенной студии снимался фильм о том, как делать салаты.

В библиотеке, куда стекается вся новейшая информация по проблемам туризма, в том числе 47 периодических изданий на разных языках, привлекает внимание картотека, с помощью которой по любой тематике можно быстро отыскать нужные фильмы, диапозитивы, фотографии, магнитофонные записи. Библиотека оборудована индивидуальными кабинетами для работы с этими материалами.

В центре имеются прекрасно оснащенные лингафонные кабинеты, где занимаются гиды-переводчики, учебные кухни с индивидуальными рабочими местами, лаборатория прикладной психологии, где с помощью специальных тестов осуществляется научный подбор работников в зависимости от их индивидуальных особенностей...

Подробно познакомившись с работой центра, я нашел объяснение тем многим отрадным явлениям и сдвигам в сфере обслуживания и туризма, свидетелем которых я стал за годы моего пребывания в Румынии.

— Основной профиль центра, — сказал мне директор Никита Джорджеску, — это повышение квалификации тех, кто уже работает: руководителей различных туристических предприятий и объектов, директоров ресторанов, метрдотелей, администраторов гости-

ниц, шеф-поваров, гидов, барменов. Срок обучения на курсах повышения квалификации — от одной до трех недель. Цикл возобновляется каждые два, три или четыре года, в зависимости от профессии. Постоянное обновление знаний — это дело обязательное для всех, что зафиксировано в одном из государственных законов.

Другое направление деятельности — собственное руководство кадров оперативного руководства. По окончании трех- или шестимесячных курсов выпускники получают аттестат — удостоверение, дающее им право занять руководящий пост.

Кроме того, центр организует переподготовку работников более низкой квалификации непосредственно на туристических предприятиях и объектах. Бригады преподавателей выезжают на места. Предприятиям это выгодно, поскольку обучение проходит без отрыва учащихся от производства. Если туристические организации проводят переподготовку своими силами, то центр высылает учебные программы, лекции, фильмы.

Быстрое развитие индустрии туризма и отдыха на румынском побережье Черного моря, где ежегодно проводят свой отдых около 2,5 миллиона человек, привело к созданию там большого филиала центра.

— Наш центр — хозрасчетная организация, — подчеркивает Никита Джорджеску, — мы не получаем от государства никаких финансовых средств. Наши доходы — это плата за обучение, довольно скромная, взимаемая с предприятий, а также доходы от производственной практики учащихся в гостинице «Парк».

— К нам в центр, — сказал в заключение директор, — приезжают специалисты из других стран, в том числе и из Советского Союза.

АПН специально для «Огонька»
Бухарест.

БЕРЕЖЛИ И НРАВ

Чаявод
Тамара
Андреевна
Купунья,
знатный
колхозный
бригадир.

Ия МЕСХИ

Не застав Тамару, мы направились в бригаду и где-то километра за два от дома увидели ее, идущую навстречу. Был полдень, обычный, летний, в субтропиках. Сильно парило после дождя. Она шла проселочной дорогой, в черной одежде, крупным шагом. Лицо было спокойно и задумчиво. Машина остановилась, забрала Тамару и повернула назад. И вот мы у нее дома.

Дом сельский, как и все другие рядом, а внутри по-городскому: хороший паркет, книжные полки по стенам, мягкая мебель, все строго. Это сын Тамары, Бондо, его стиль, его вкус. Он был хорошим сельским хирургом и хорошим сыном. Единственным. Они жили вместе — Тамара, ее муж, ее сын, невестка и три девочки, внуки. Когда умер Бондо, отец этого не пережил, ушел вслед за ним. Тамаре было тогда уже под семьдесят.

И не то чтоб забываться, но как бы в историю стало уходить ее имя, очень известное, и не только в республике, имя Тамары Андреевны Купунья, великой труженицы, колхозного бригадира из села Ахалсепели Зугдидского района, дважды Героя Социалистического Труда. Между тем она жила и работала по-прежнему, не покладая рук, в бригаде и дома. А недавно это имя вновь прозвучало на съезде коммунистов Грузии, когда докладчик, оставив на время текст Отчетного доклада ЦК, поднял в руке исписанные листки и сообщил, что сейчас он зачитает письмо, полученное в дни подготовки к съезду.

«Мне уже почти восемьдесят лет, и пятьдесят из них отданы

колхозному труду» — так начиналось письмо.

И тут все в зале как будто заново увидели ее, сидящую в президиуме съезда и пытающуюся съежиться, стать незаметной. Она не ожидала, что письмо будут читать так вот, при всех. В своем райкоме ей сказали, что на съезде делегаты войдут в небольшие рабочие группы по разным конкретным проблемам и в одну из групп включена она. Так что если у нее что «болит», пусть она продумает заранее. Может и написать.

Оратором она себя никогда не считала, тем более в свои теперешние преклонные годы, но о том, что ее тревожит, решила непременно сказать. Посадила рядом с собой внуку Эку, объяснила, что предстоит особый разговор, не то что прежде о делах бригады. Сейчас она будет говорить, а Эка должна уловить мысль и складно записать ее.

«Знаете, к какому выводу я пришла, вспоминая свою жизнь и сравнивая старое с новым? Уж очень легко кое-кому на селе стало многое даваться. А некоторые так и вовсе потеряли совесть, иначе и не скажешь. Вместо того, чтобы поставлять продукты, они стали их потребителями, и все это делается в погоне за длинным рублем. Есть в нашем селе люди, которые перестали уважать крестьянский труд, ищут в жизни легкие пути, хотят, чтобы все само собой в руки плыло. Потому-то они и предпочитают возделывать культуры, которые не требуют большого ухода, такие, как лавр, груша сорта «Кайфера», люфа, даже бузина, которую сдают по 40 копеек за килограмм. Доход от всего этого немалый, а продуктов в доме нет. Трудно в это поверить, но все чаще стали встречаться дома, где не найдется обычного запаса кукурузы, стали исчезать огороды, помещения для скота и птицы, а без этого какой двор сельского жителя? Сами же они теперь за редиской и петрушкой на базар ездят...»

Она вспоминала, как еще совсем недавно у всех, буквально у всех, были припасены в домах зерно, гоми, из которой делается грузинская мамалыга, во дворе — корни лозы и дерево ореха, что позволяло варить сладкие чурчхелы, росли тыквы в огороде, кур

было в достатке, индейки, козы и, конечно же, корова, а значит, всегда свежее молоко, мацони, сыр. Да и сейчас все это есть у тех, кто не боится работы, любит землю. А если не любить землю, зачем тогда жить в селе?

Когда было покончено с этим вопросом — исписано, перечеркнуто, смято и вновь написано много страниц, — они, бабушка и внучка, с еще большим рвением принялись за второй вопрос.

«Уж очень мы пристрастились к многолюдным, слишком пышным свадьбам и поминкам, проводим в армию и празднования дня рождения ребенка. Некоторые люди, а точнее, молодежь, полагают, что это идет по традиции. Но это не так! Никакая это не традиция. Никто в наших краях раньше и не слышал о ней. На свадьбах и на поминках всегда соблюдалось чувство меры. По достоинству и в армию провожали и новорожденного напутствовали в жизнь. Никто и никогда не собирал на застолье толпы людей и не выбрасывал на другой день горы съестного... А сейчас? Если пригласили 300—400 человек, то это считается средней свадьбой...»

Также с болью указывала Тамара на печальные результаты этих неумеренных празднеств: сколько людей правдами и неправдами отрывается от дел для приготовлений и сколько потом тяжело опохмеляется еще несколько дней.

«Такие свадьбы и дни рождения устраиваются не для радости и веселья, а ради хвастовства или выгоды. Кое-кто кичится тем, что вот, мол, какой я задал пир на весь мир, а кое-кто самым бесхозяйственным образом организует настоящие поборы среди гостей. Одни на этом бесцеремонно наживаются, а другим это не так-то просто, потому что легко бросает на ветер деньги лишь тот, кому они легко достаются. При этом смысл таких встреч — сближение, душевное породнение людей — остается в стороне... Поэтому я предлагаю объявить решительную борьбу всем этим фальшивым сборищам. Пора положить конец бесхозяйственному разбазариванию продуктов, созданных честным и нелегким трудом человека».

Вот так, без обиняков, о том, что накопилось. И не только у Тамары.

Но что же все-таки получается? Значит, продуктов много, если кто-то выбрасывает «горы съестного»? Или продуктов мало, если даже крестьянин едет на рынок и у крестьянина же покупает петрушку и редис? Или, скорее всего, продуктов не столько, сколько их могло бы быть при наведении элементарного порядка в хозяйствовании и поведении людей?..

До того, как провести Тамару, мы разговорились в селе Кахати того же района с председателем колхоза Джото Иосифовичем Гугучия:

— Еду я как-то из города к себе, еще не вышел на трассу, вижу, «голосует» одна наша колхозница. Конечно, подобрал ее. Смотрю, у нее сумки, полные помидоров и огурцов. «Не продала, что ли, на рынке, везешь обратно?» «Нет, — смеется, — я ездила покупать». «А что, разве у тебя ого-

рода нет?» «Да некогда мне с огородом возиться. Лучше съезжу в город, куплю на деньги...» Деньги у нее, правда, есть: хорошо работает на плантации, хорошая получка. Осека я сначала, промолчал, а потом зло меня разоблало, стал сердиться. Позор какой! Если все начнут действовать так, что же будут кушать люди в Западной Грузии — чай и мандарины? А ведь не одна, оказывается, эта женщина на рынок ездит за овощами. Созвали мы в колхозе собрание, сильно пристыдили иждивенцев...»

К Джото Гугучия завернула я, конечно, не случайно. Известно было, что кахатцы первыми в районе и в республике составили свою продовольственную программу. То самое, за что ратовала в своем письме Тамара? Если не то, во всяком случае, близкое? Да, близкое, потому что продиктовано озабоченностью о жизненных припасах, о рациональном использовании земли. Но это уже не эмоции, а план действий, составленный на основе тщательного анализа возможностей и рассчитанный до конца пятилетия.

И оказалось, что при дотошном обследовании всего хозяйства (как общественного, так и личного) бригадными и общеколхозной продкомиссиями открылась бездна неиспользованных резервов. Оказалось, что ферма может увеличиться на сто голов рогатого скота, что 205 кахатских бескорных семейств теперь, в кооперации с колхозом, готовы этих коров взять (47 семейств уже получили). Оказалось, что проблема кормов уже совсем и не проблема, потому что найдено немало бросовых земель, усеянных камнями-голышами от каких-то когда-то разливавшихся по Колхиде блуждающих рек. Убрать камни — и будет поле, будет кукуруза, овес, соя... Оказалось, что колхидские топи, которые с такой поразительной медлительностью десятилетиями осушает «Колхидстрой», можно самим взять на абсорбж, что и сделал с почти партизанской лихостью Джото Гугучия: выкорчевали пока что пятьдесят гектаров джунглей, отвели воду и заняли под кукурузу на корма. И там же, в зарослях, нашли речушку, типичную для Колхиды, с почти стоячей гладью, с поросшими сочной травой берегами, прошли к ней от кукурузника каналом, построили свою мини-флотилию, поставили косцов... За Гугучия потянулись в эти дебри другие хозяйства.

Можно еще рассказать, как взялись кахатцы за откорм свиней, за овощное хозяйство, за повышение урожайности чая, который остается для колхоза главным делом.

О чае, пожалуй, подробнее. Ведь с некоторых пор, когда говоришь о грузинском чае, нельзя не задаться вопросом о его качестве. И Джото Гугучия, депутат Верховного Совета республики, делегат XXVI съезда КПСС, за-

ВОСТЬ СТВЕННОСТЬ

дался этим вопросом, хотя забота колхоза лишь вырастить, убрать и сдать на фабрику чайное сырье. Но чайная фабрика в этой округе (впрочем, и в других!) еле справляется с переработкой урожая. Точнее, она его перерабатывает. Но как? Все знают, что если сорванный чайный лист простоят в очереди на фабричном дворе больше суток, он уже превращается в веник.

Так вот — построил Джото Гугучия вблизи чайных плантаций колхозную микрофабрику на одну сушильную печь. Чего он этим добился? Того, что фабрика взаимодействует с плантацией, диктует сборщикам чая, кто, когда и сколько должен поставить им сырья. Никаких очередей у приемного транспортера, ни один листочек не вянет. Здесь он, зеленый нежный листочек, проходит не только сушку, но и скручивание, и ферментацию, и буквально все, что превращает его в чайник. Но... не сортируется, а перевозится для сортировки на госфабрику и попадает в общий поток. А почему бы не дать возможность кахатцам довести дело до конца, установить у себя сортировочную машину и даже чаеупаковочный агрегат? Ведь эти люди будут бороться за качество начиная от корней, куста и до заварки, будут биться за то, чтобы кахатский чай почитали лучшим в мире?! А что нужно нам, потребителям, чаелюбам? Только это — чтоб продукт, именуемый чаем, был хорош.

Не в подобном ли взаимопонимании смысл усилий, которые вкладываются сейчас в составление продовольственных программ, от самого маленького его звена до глобальных масштабов, от Госплана СССР до стола каждой отдельной советской семьи? И сколько в ней, в этой программе, сплетается интересов — экономических, социальных, интернациональных и нравственных. Да, да, и нравственных! Потому так ценно то, что ищет Джото Гугучия, движимый желанием дать людям высококачественный продукт. Потому так важно то, что тревожит Тамару.

...Тамара. Как же она поживает? Конечно, глаза ее, стоит заговорить о сыне, полнятся слезами. Она их, эти слезы, каким-то особым жестом отдавливает указательными пальцами снизу вверх и стирает долой. И тогда лицо ее, хорошо знакомое с солнцем, ветром и дождем, снова становится спокойным, светится житейской мудростью, добром, благородством и какой-то совестью, что ли. Чего она совестится? Что обругала публично своих земляков и теперь ее слова разносятся по всей республике на сельских сходах? Так это же любя, это поделом! Вот и в ее деревне был сход, и ни один не сказал, что она

возводит напраслину, вторгается в частную жизнь, мол, как хочу, так и живу. Все выступающие одобряли Тамару, дополняли ее, требовали, чтоб прекратилось со стороны некоторых односельчан наплевательское отношение к земле, призывали покончить с этими мешанскими соревнованиями в пышности и многолюдности стола. А кто не выступал, тот либо призадумался, либо прикусил язык. Тамара круто взялась свернуть эту псевдонародную моду, и в глубине-то души каждый понимает, что от этого только всем станет лучше.

...Пока тонконогая и быстрая, как козочка, Эка хозяйничает в доме, моет лестницы, трясет половики, Тамара, стесняясь, показывает свое домашнее хозяйство: огород, участок кукурузы, мандариновые деревья, курятник. Где-то на лугу пасется корова, есть пять свинок. В маленьком сарайчике с земляным полом над погасшим костром висит железный крюк. Здесь коптится впрок мясо, кружки мингрельского сыра сулгуни. Все это скромное, но достаточно трудоемкое хозяйство на плечах Тамары, ее невестки Нелли, работающей в городе директором Зугдидского историко-этнографического музея, и Эки, главной физической силы в семье. Три женщины встают на рассвете, разбегаются по своим делам и поздно ложатся.

Может быть, Тамаре оставить работу в бригаде? Что вы! Она так связана с ней уже сорок лет, с того самого дня, как все мужчины, и муж ее в том числе, ушли на фронт. Тогда она со своей бригадой мотыжила кукурузное поле и делала это так усердно, что удостоилась вскоре после войны звания Героя Социалистического Труда. Потом на тех же бедных почвах взялась выращивать чай и добилась рекордных урожаев (второй орден Ленина и звезда Героя!). И сейчас в ее бригаду, собравшую сто колхозников-ахалсопельцев, охотно идет трудовая молодежь. И Эка здесь же работает, на сборе чая. А дела в бригаде не только чайные. Участки разбросаны, Тамаре приходится отмахивать в день не меньше десяти километров. Не много ли? Вот, говорит, Гугуша решила, что старость требует покоя, сложила руки уже давно и теперь даже по комнате не может ходить... Гугуша — в этом же селе живущая Тамарины сестра, ее близнец. Возьмите на заметку, геронтологи!

Но как же все-таки это здорово, что ходит женщина каждый день мимо своего бронзового бюста, установленного в центре села, и никакого величия не отражается на ее высоком челе, и трещины на руках черные, потому что в земле, не отмываются, не отмоются уже.

Старый большевик Александр Иванович Тимофеев со своим внуком Иваном.

Фото автора

ПЯТИДЕСЯТИМИЛЛИОННЫЙ...

Школьники из города Ангарска никогда не забудут встречу, которая неожиданно-негаданно произошла в Центральном музее Революции СССР. В одном из залов чествовали пятидесятилетнего посетителя одного из старейших наших музеев. Им оказался член КПСС с апреля 1917 года Александр Иванович Тимофеев, пришедший со своим восемнадцатилетним внуком Иваном ознакомиться с выставкой «Ленинская Коммунистическая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». После того как Александру Ивановичу вручили цветы и памятные подарки, ребята из Ангарска обступили его, чтобы из уст участника штурма Зимнего услышать рассказ о давних событиях.

...Шестнадцатилетним пареньком начал выполнять А. И. Тимофеев поручения подпольной партийной организации в Петербурге. В 1912 году его с чемоданом листовок схватили жандармы. Жестоко избили. Четыре месяца пролежал юный подпольщик в гипсе. От каторги спас возраст.

Второй раз Александр Иванович был арестован в начале февраля 1917 года «за агитацию против царского самодержавия», как было указано в протоколе. Вместе с семнадцатью солдатами ему грозила смертная казнь. Выручила Февральская революция...

Затаив дыхание, слушали ребята рассказ старого большевика, пятидесятилетнего посетителя музея.

Пятидесятилетний... Ежегодно растет посещаемость Центрального ордена Ленина и Октябрьской Революции музея Революции СССР. Особый интерес к музею проявляют иностранные туристы: за год по залам музея проходит до 200 тысяч иностранцев.

Есть у музея свои передвижные выставки. Сейчас некоторые из них экспонируются в разных городах страны — Ленинграде, Днепропетровске, Набережных Челнах. А выставка под названием «Ленинским курсом», побывав в городах Вьетнама, переехала в МНР.

Марат ЦЕБОЕВ

ЖИВОПИСЦЫ ИЗ ДЕВЕНТЕРА

Александр БАСМАНОВ

Было ли это ранней весной, осенью — неизвестно, но, видимо, в тот день 166... года в Амстердаме или Девентере (в данном случае не имеет значения) ветер, набив, как всегда, пегой ватой облака, залихватски свистя, играя светом и тенью, пробирая до костей, хозяйничал всю — и в комнатах оттого затопили.

С самого утра у нее болела голова, знобило, и даже домашняя шубка, подбитая мехом, не спасала от этого ознобу: раздражал запах жареного лука с поварни, деревянное хлопанье служанкиных сабо, скрип беспрестанно отворяемой дверцы бельевого шкапа, — и она все прикладывала смоченную в уксусе пуховку к виску своими тонкими, почти прозрачно-розовыми у кончиков пальцами.

Помочь мог только жених, и действительно, как только он влетел, громыхая шпагой, заноса с собой в тепло морозный воздух, краснотщекый и золотоволосый, с улыбкой до ушей, — тут же сделалось весело. Сели. Жених болтал городские сплетни, смеялся и стрелял в нее часто глазами, ловко орудовал узким ножом на костяном черенке: счищал кожуру с лимона. Первейшим средством от дурноты и мигрени оказался тот, чуть со сладкой пудрой лимонад, надавленный в склянке умелым парнем.

Вот, собственно, и все. Как сказал со свойственной ему иронией Александр Бенуа: «Анекдот самый обыкновенный. Молодой даме, нехорошо себя чувствующей, поклонник ее готовит лимонад под участливым взором почтенной маменьки».

Иногда на первый взгляд чужое искусство прочно прививается, входит в кровь, память уже с детства и становится потом совсем твоим: эрмитажная «Мадонна Литта» Леонардо, рембрандтова «Даная» и среди этих образов гения — вдруг «Бокал лимонада» удивительно тонкого и виртуозного, жившего ровно триста лет назад голландского художника Герарда Терборха: касание двух, мужской и женской, рук, касание все говорящих друг дружке взглядов, эта желтая светящаяся лента кожуры, вообще весь плод, как ядро макрокосма — композиционная, динамическая и магнитная точка тяги, вокруг которой движение необратимо замыкается в кольцо...

Да, наш вкус, очевидно, рождался еще тогда, трехсотлетней давностью, принесенный даже не Петром-преобразователем, все поломавшим, по традиционному мнению, но еще Алексеем Михайловичем и Нарышкиными, еще Петровым соперником красавцем Голицыным, многое в доме которого было на голландский манер: вощеные дубовые поставцы из Лейдена, дельфтские фаянсовые блюда с синими травами и бабочками, гаагские шелковые географические карты по стенам, обитые тисненым сафьяном утрехтские стулья и, уж тогда называемые «маленькими голландцами», холсты из города Гарлема.

Беда, если кто теперь расценит это как измену, поклонение Западу, скорее наоборот — здесь широта воззрений и культура духа — то, что Достоевский назовет потом «русской отзывчивостью», выражение уже упомянутого блестящего вкуса, мгновенная и умная реакция на прекрасное, начало отечественных коллекций всемирного класса.

Холсты Терборха, правда, привезли в Петербург в числе закупленного на корню собрания антиквара Брюля значительно позже, во времена Екатерины, когда в столице уже прописались Рембрандт и Халс, Стен и Вауэрман, ван дер Верф и Остаде со своими эксцентрическими сценами из жизни «голландских мужиков и баб».

Можно ли, изучив Эрмитаж или даже московский музей на Волхонке, узнать старинное голландское искусство? Безусловно. Больше того: можно и побывать в тех краях, нисколько не пересекая российских границ. Вот, например, петергофский Монплеизр с его шахматным полом и частопереплетенными окнами, за которыми пошевеливаются на ветерке зелень и тени, с его начищенной медью и на муаровых лентах подвешенными вещами Адама Сило и Бонавентуры Петерса.

Здесь — мир купеческой Ганзеи, море, по которому резво ходят шнявы и буера, едва уловимый запах смолы, йода, соли, рыбы и водорослей, прохладный и тревожный запах сосны, мокрого песка и пряный — духов, кофе, трубного табаку, затхлости — приносимый с узких, постоянно вывертывающихся и горбатых булыжных улиц Амстердама.

Именно эта вывернутость и горбатость, нагроможденность и вместе плавность архитектурных линий между каналами поразили пятнадцатилетнего Терборха в первый приезд из захолустного Зволле августом 1632 года, обозначившего, по сути, начало его пути как профессионального художника.

Он очутился в Амстердаме для учебы по рисованию и живописи, и не просто учебы — жесткой и регулярной, в классе, у мастера, ибо

вообще-то рисовать уже умел давно, еще с восьми лет: в увесистом альбоме, застегнутом прочно на латунный замок, остались его отроческие пробы пером: фигуры офицеров и лошадей, стога сена, коровы и крестьянские хижины, эти многолюдные катания на льду, напоминавшие те, что возникали еще на досках знаменитого Брейгеля Мужицкого.

Фамилия Терборхов была богатой и культурной: отец — коллекционер древностей, интеллектуал и меценат — получил в свое время классическое образование, сам обучался, как дилетант, владеть грифелем и кистью, путешествовал в молодые годы с учителем Рембрандта Ластманом по Италии, крепко сошелся там с колонией соотечественников-итальянистов, запечатлевал римские достопримечательности, бредил всю жизнь руинами и антиками, что косвенно сказалось потом и на его одаренном сыне, истово голландское искусство которого заключило тем не менее какие-то иноземные черты, едва уловимую романскую интонацию.

Позже мы встретим эту интонацию повсюду. Нет, не караванджизм, как иные голландские мастера, будет Терборх исповедовать, не воздушные и отточенные столкновения света и тени, он просто полюбит блестящие ткани, где в изломах скользких складок эти свет и тень сливаются вместе, образуя яркость, собственно исток свечения. Так сочинен и «Урок музыки».

Сколько чувства заключено здесь, в произведении, ювелирно сработанном по колориту и линии, по затаенному поэтическому смыслу! Тут плавный изгиб девичьей спины, поворот всего корпуса, оправданно подчиненный настройке, звону лютни, и в стороне, как бы отпрянув, на отлете, полускрыв глаза, — чутким ухом вслушивающийся маэстро: не пропустить бы фальшивую ноту...

Ту, так Терборхом любимую, блестящую ткань, что пошла на юбку барышни-ученицы из «Урока музыки», называли «каффа» — необычайно высокого качества шелк, приготовлявшийся только в Голландии и только вручную. Одной свечи в крошечной тьме хватало, чтобы каффа начинал сверкать и переливаться.

Этот блеск как раз и оказался для Терборха почти самоценным, он создавал эффект внезапного удара светом, резко выхватывал отдельные части композиции, приносил цельность, замкнутость и единство пластического образа, напрягал столь спокойную атмосферу интерьеров. Именно каффа станет в большинстве полотен главным героем, задаст чистоту видения, певучесть линии и горение красок, рефлексив, обусловит скованность или же вольность поведки персонажей. Его отсвет проникнет сквозь сумрак, в глубину пространства, поможет лепить объемы утвари и людей.

Позже, говоря о великолепии терборховой кисти, Фромантен указывал на его знаменитую луврскую картину «Офицер и молодая женщина», где особенно ярка фигура ландскнехта — багрового лоснящегося толстяка с влажными глазками и «широкой, пухлой, чувственной рукой», в кирасе и куртке буйволовой кожи, при шпаге и в сапогах с раструбами.

Он обращал внимание на удивительно покатый спуск плеча, вообще на все это дородное, высоко перетянутое широким поясом тело, «такое отчетливое в своей массе, но расплывчатое в своих внешних очертаниях», словно без всяких предварительных прикидок, сразу отлитое в живописную форму. Фромантен убедительно выводил этот высокий класс мастерства изображения из некоего не благоприобретенного, но внутреннего, как бы генетического знания, которое сродни чутью, — «оно, так сказать, диктует глазу то, что он должен видеть, а руке — то, что она должна чувствовать... Тут нет ничего предвзятого, ничего, что предшествовало бы сильному, наивному и чуткому наблюдению действительности».

Непосредственность, отсутствие промежуточного барьера «учености» между замыслом и воплощением, мыслью и выражением ее — суть голландской демократической школы, залог того редкостного старинного контакта, какой явился в объединенных провинциях у живописца и собирателя, понимавших друг друга чуть не с полуслова, тем более что собиратель был, как правило, не аристократ, а простой лавочник. Но эта же связь казалась иногда странной посторонним, она задавала загадку изысканным иностранцам: один французский дворянин из свиты герцога де Шевреза вспоминал, например, как пребывая в Дельфте, увидел среди картин в доме местного булочника одну, особенно в семействе чтимую, и француз крайне удивлялся на владельца, «заплатившего за нее 600 ливров, хотя она изображала лишь одну фигуру, — ценой, на мой взгляд, не более чем в шесть пистолет».

Г. Терборх. 1617—1681. ЖЕНЩИНА В СЕРОМ.

Г. Терборх. СТАКАН ЛИМОНАДА.

Лет через двести их объединят, эту четверку, как выдающихся в своем деле, как самых главных среди «малых»: Герарда Терборха, Метсю, Остаде, Питера де Гоха, объединят, поскольку увидят: те краски совершали полную иллюзию действительности и ложились так прозрачно и эмалево, что техника осталась навсегда тайной; то письмо знало идеальную меру между педантической мелочностью и ловкой небрежностью свободы; те фигуры, изображенные в обыденном жилище, нарисованы, смоделированы и освещены, как никогда и никем во всю историю.

Все так, и зрелый Терборх добьется великолепных результатов, но позже; начало, однако, несколько иное и для домоседа голландца необычное, ибо после годовой выучки в Амстердаме и двухлетней в Гарлеме, нам остались от тех годов несколько полотен грубоватого солдатского жанра: караульни, таверны, игра офицеров в карты, случилось — путешествие.

Англия, Франция, Германия, Италия, потом Испания, в которой он портретировал короля, получил за то золотую цепь и посвящение в рыцари, и, наконец, в 1646 году Вестфалия, Мюнстер, где при нем случились переговоры между воюющими Испанией и Голландией.

Именно здесь появится странная картина, капитально выпадающая из образного и стиливого ряда Терборха: восьмидесятифигурный, несколько чопорный и напряженный групповой портрет — «Мюнстерский мир», писанный им не по заказу, но в расчете на то, что воспроизведение такого серьезного исторического события само собою привлечет и клиентуру: на столе, крытом темно-зеленым бархатом, лежат символы благоденствия, позади послы соединенных провинций и Испании дают клятву в соблюдении мира...

Терборх просчитался. От долгого путешествия по Европе он, как видно, позабыл, что в Нидерландах от картин требовали кабинетного размера, живых красок и особого содержания, безмятежного и простодушного, непоколебимого спокойствия персонажей, даже если они дерутся или горланят песни.

Да, здесь покупатель мечтал получить воистину «Stilleven»¹ не только в натюрморте — мир без страстей, страданий, политики, отражающий современность и ее же презирающий; ведь, глядя на озорничавших за лаковочерными рамами миролюбивых гуляк и курильщиков глиняных трубок, трудно вообразить себе кровавую эпоху семнадцатого голландского столетия, бойню, которая происходила на родине Терборха под знаками английского льва, французских лилий и испанского креста.

Вспоминая к тому же о внутренней распре между республиканцами и оранжистами — казнях, убийствах, терроре, — только искренне и наивно удивись беспечности живописцев и старательных коллекционеров, проживших практически каждый свой день под аккомпанемент экзекуционного барабана, грохот пушек и взрывы пороховых складов.

Ни волнений, ни смут так и не показалось в этом удивительном, написанном масляными красками мире, который следовало потомкам, если не знать истории, принимать за золотой век Голландии.

Ураган сменяется штилем, вот море гладко и латунно, вот похоже на серый каракуль. Корабли у причала или, наоборот, в открытом просторе: матросы облепили мачты, срывающиеся свитки парусов. В городах — рынки, бойкая торговля рыбой, сырами и овощью, ярмарки с гуляньем, добропорядочная жизнь в чистеньких комнатах. Развлекаются в тавернах: там кисловатая винная вонь, табачный смрад, кружки с пивом, игривые служанки. Каналы, озера, дымок вьется над черепичными островерхими крышами, дети идут в школу. Улицы идеальны, мостовые подметены, кирпичные дома чуть не вымыты с мылом — от них исходят геометрически точные тени.

Нация не мечтателей, но озабоченных делами, привычных к бережливости, физической чистоплотности практиков: мистика им отвратительна, религия их без алтарных образов, и оттого предмет художества здесь — проза быта в прямом смысле. Причем настолько они все работаящи, что даже изображенные на картинах не демонстрируют свое занятие, а по-настоящему им заняты: действительно пускают кровь, действительно шьют, действительно едят или играют в кости. Ипполит Тэн подметил: «Для людей, наделенных реалистическим складом фантазии, при господстве республиканских нравов, в стране, где корабельный мастер мог стать вице-адмиралом, наиболее интересным сюжетом является гражданин, человек из плоти и крови».

Огрех ли переводчика, умысел ли автора, но столкновение взаимоисключающих понятий — «реалистическая фантазия», — где натуральный голландец XVII века оборачивался его же идеалом, тем, чем хотел он себя видеть, и есть то искусство, эмблемой к которому следует поставить надпись, помещенную в одной из картин Вермеера: «Музыка — спутник радости и избавление от страданий». Вот почему пафос терборхова «Мюнстерского мира» не был признан — он нарушил порядок, выбился из наезженной колеи, и вещь так и не получила никогда спроса: картину продать не удалось.

Позже она станет висеть в мастерской, как напоминание об юношеском эксперименте. Эксперимент не оправдался, а Терборх стал зато выдающимся «малым голландцем»: он вернулся в родной крохотный Зволле, а после женитьбы переехал в не менее крохотный Девентер, где и прожил до самой смерти в большом почете.

Он работал теперь свою работу только на заказ, варьировал одни и те же житейские сюжеты про больных и врачей, визиты, про молодых женщин, читающих письма. Он полюбил дерево и стекло, дымку и полумрак, разговоры вещей: шорохи атласа и шелка, баритональную мягкость бархата и тяжких ковров, глухие голоса темного серебра и старой, тусклой позолоты. Но при этом, казалось бы, повторении однородных приемов он все же добивался каждый раз наново артистического самовыражения.

На первый взгляд Терборх совсем безучастен, лишь виртуозны кисть и краски, но потом только, после пристального взглядывания видишь всю беззаветную любовь его к той жизни и людям, которых он

изображает: врожденная прилежность и сдержанность, сосредоточенность часовщика и усидчивость каллиграфа мешают внешней или ложной экспрессии.

За эту вторую часть жизни искусство мастера из Девентера претерпевало перемены. Оно начиналось с «Семьи точильщика», «Мальчика с собакой», «Деревенского почтаря», «Депеши», с показа людей из низов в их нищенской обстановке, но то жалкое существование уже тогда было облагорожено человечностью, божественным рисунком, непревзойденностью при безупречной правдивости, гибкой, шепотом произносимой каждый раз живописной фразой.

Здесь, здесь именно обаяние Терборха — в недосказанности, в предчувствии зарождающейся новеллы: он только намекает, настраивает свои струны, но не играет мелодии. Такая плавность, такая паутина эмоций, предвосхищающих нечто, но не обозначающих ничего конкретного, вводила в заблуждение многих, которые хотели именно определенности. Курьез, когда одну из картин обозвали «Отеческим внушением», а только через сто лет поняли, что она повествует отнюдь не о добродетельных напутствиях папаша, а об обратном: галантной авантюре офицера, убеждающего девицу сойти с пути этой добродетели, — стал примером его тонкого, почти неуловимого психологизма.

«Отеческое внушение», которое теперь следовало бы закавычить дважды, — хронологический перелом, переход от одних тем к другим: «хозяйственным», с одной стороны, — «Материнские заботы», «Пряха», «Швея», «Женщина, чистящая яблоко» — и светским, пикантным — с другой. Тематические эти перемены способствовали форме — композиция становится жестче, а палитра изысканней прежнего: краски что-то высвечивают, что-то погружают в тень, в пелену комнаты, как правило, душноватой, «плюшевой», очень теплой, замкнутой — тут нет ни в одной картине окна, источника воздуха; сюжет же шифруется окончательно, сшивается лишь на нюансах, говорит в противовес полной осязаемости видимого только на языке неуловимых нервических сигналов, поскольку сами герои сдержанны, молчаливы и всегда соблюдают дистанцию, как между собой, так и со зрителем.

Созидание своего обитаемого мира — вот путь Терборха в искусстве и вот, что спасет его от забвения навсегда, ибо мир, им созданный, существует уже сам по себе, объективно. Этот мир он творил тем же способом, что и другие собратья по времени, земле и кисти, — традиционно, в одинаковой среде собственного жилища-ателье, но с каждой вещью, здесь, в Девентере, делаемой, приходила все большая и большая творческая раскрепощенность: печать освобождения проявлялась на тех, величиной иногда с ученическую тетрадку, полотнах, и, стало быть, кончались рассказы житейских анекдотов, но возникали причины и следствия всей жизни, без конца и края.

Терборх был удачлив в быту и живописном деле, и место его оказалось одним из первых в цеховом ряду современников: выучившись филигранной технике, одолев кажущуюся нам сегодня совершенной форму, он сделал следующий, уже предвосхищавший гения шаг: попытался презреть собственный сюжет и выйти за его пределы. Внешне он сюжету продолжал подчиняться, внутренне же считал его уже шлаком. Так появляются терборховы триады, классические единства трех обязательных — как органическое начало всех начал, ноль, кольцо — фигур, и так возникает его поздние шедевры.

Вспомним тот же «Бокал лимонада» или «Письмо», с его непостигаемой игрою взглядов — рыжего длинноволосого мальчика и двух товарок: одной в душегрейке изумрудного бархата, другой в серебряном шелку, — ни разу не пересекающихся и оттого недоступных пониманию соглядатая, но несущих другой смысл: внутренний, ритмический, музыкальный.

Вспомним «Туалет дамы», который было бы уместней назвать «Голландской Венерой».

Тема пленительной гармонии волновала здесь Терборха, и тема женственности как таковой, и волнение его, трепет привораживают и трогают смотрящего всегда. Тут роль амура или путти исполняет паж в башмаках с шелковыми бантами и через пышно-ватное плечо полотенцем. Паж готовит ароматические притирания, румяна, и взгляд его соединяет абсолютное преклонение перед богиней и цепкую зоркость живописца ли, гримера, оценивающего свою модель-жертву лишь как художественный материал.

Стан, линия самой героини напоминают литеру S — готическая еще традиция изображения женских фигур, символ девичества, материнства и распутности одновременно. Позади же — чтобы композиционно расквитаться с пажем — служанка, шнурующая, закрепляющая ее атласные юбки с сосредоточенным усердием пчелы, ворующей пыльцу у цветка.

Это все — поклонение красоте, ваяние Галатеи, музыкальная нота на все времена, куда живут любовь и искусство. Но и здесь автор вдыхает воздух родной Голландии полной грудью, он сын своей школы и эпохи. Та школа, судьба слились в путь замечательного мастера, который навсегда может дать пример сцепления великого таланта, артистизма и трудолюбия, того единственно возможного союза, без которого искусство немислимо.

Вообразим же себе его за работой: внимательного, педантического, острого, сгорбившегося за мольбертом, с аккуратнейшей своей палитрой, флакончиком масла — слезы и муштабелем, точно оперирующего тонкой чистой кистью, похожей больше на иглу вышивальщицы. Сколько годов пройдет, сколько бед и пожаров! Холсты Терборха будут вымываться на золото и бриллианты, их, как бы исполняя первейшее государственное дело, постараются покупать на аукционах для России послы меценатствующей царицы Екатерины и агенты Александра I. В смерч последней войны их станут вывозить, рискуя жизнью, от уничтожения, бомб и снарядов из Гатчины, Петергофа, Эрмитажа.

Ведь цена им — огонь и чудо-зримой жизни. Той самой, о которой Леонардо сказал: «Разве не видишь ты, что глаз обнимает красоту всего мира?»

¹ То есть «тихую, молчаливую жизнь» (гол. л.).

Скоро вступит в строй четвертая бумагоделательная машина Сыктывкарского лесопромышленного комплекса имени Ленинского комсомола. На снимке: директор комбината Н. Н. Балин (слева) и прораб Е. П. Рыков.

ТРЕБУЕТСЯ РОМАН

Заведующая библиотекой совхоза «Ибский» А. М. Таскаева (справа) и медсестра детского сада Л. И. Мальцева.

Геолог Игорь Сви́стун — один из тех, кто ведет разведку рудных богатств Полярного Урала.

Эрнст САФОНОВ

Фото Г. КОПОСОВА

Этот промышленный гигант создан вблизи Сыктывкара на зыбких болотах и поросших чернолесьем торфяниках. Первые его производственные мощности были пущены чуть более десяти лет назад, и ныне СЛПК — Сыктывкарский лесопромышленный комплекс имени Ленинского комсомола — гордость автономной республики. Каждая четвертая книга в стране печатается на бумаге СЛПК, он дает для нужд государства и на экспорт целлюлозу самого высшего качества, фурфурол — ценное сырье для получения смол, спиртов, химических соединений, отсюда страна получает упаковочные материалы и картон, кормовые дрожжи, скипидар-сырец, древесностружечные плиты, всевозможные изделия ширпотреба... Трубы цехов комплекса высоко-высоко подняты над ширью тайги, будто надежные ориентиры для водителей автомашин и речников, по суше и воде доставляющих сюда на переработку древесину. Причем не дорогой строительный лес, а тот, который раньше тут считался бросовым, на дрова и то его не всегда брали. СЛПК — надежный потребитель и в какой-то степени «санитар» здешней щедрой лесной кладовой. Ныне в леспромпхозах отходы не улетучиваются дымом костров в небо: все до последней щепы — на комплекс!

Дня не хватит, чтобы старательно рассмотреть все его технологические линии, потоки, службы, подчиненные ему — «сыновний» — фабрики, станции, биржи. А еще неподалеку поселок — точнее, свой небольшой, но уже с многотысячным населением городок, выросший как жилой и культурно-бытовой центр СЛПК.

С генеральным директором Николаем Николаевичем Балиным и секретарем парткома СЛПК Владиленом Николаевичем Ваневым мы долго ходили по гулким корпусам вновь строящейся второй очереди предприятия. Это был не первый день моего знакомства с Балиным, и я снова невольно завидовал той легкости, стремительности, с которой он преодолевал вертикально поставленные трапы, не «всходил» — взлетал по ступеням с одного этажного уровня на другой. Человек отметил пятидесятилетие, давно демобилизован из флота, но не утратил выправки и стати кадрового офицера.

При такой стремительности Балин успевал что-то дотошно выпросить у строителей, монтажников и наладчиков, уточнить нужное для себя, что-то категорично потребовать. И запоминал он, сводя брови, чего от него люди хотят, отвечал им: «Добро! Понял вас...» А руки его ловко, как бы даже сами по себе, независимо от его воли трогали теплые бока моторов, щупали металл, изоляцию, касались шероховатостей на кирпичной кладке, и в это же время Балин с вдохновением рассказывает о своем новом замысле, раскрывает особенности второй очереди комплекса. Вот этой самой, что вырисовывается из хаоса первых строительных нагромождений... Говорит, какие превосходные возможности у нее, какое уникальное оборудование будет установлено здесь, и главное — новизна во всем: в технологии, в качестве и «товарности» ожидаемой продукции. Не заскучаешь: во всем выход на неизведанное, чему нет аналогов на других союзных предприятиях!

А пока вторая очередь комплекса обретает свою реальную изначальную мощь, с чертежных ватманов, из строчек строгих обязывающих документов нетерпеливо рвется в сегодняшний день, к практическому осуществлению задача по быстрому возведению третьей очереди (с «приплюсованным» к ней целлюлозным заводом). С ее вводом Сыктывкарский ЛПК будет ежегодно производить столько печатной бумаги, сколько три года назад

выпускалось для нужд полиграфии всей нашей промышленностью.

— Когда только начинали, на пустом месте-то, — говорит он, — были мы исполнителями, в подчиненности у проектантов. Так или не так — делали. А уж потом, при эксплуатации, исправляли, подгоняли, перестраивали. А сейчас уже слушают нас: как и что нужно... Наш собственный, выстраданный опыт в цене.

Все так, конечно, кроме одного: Балин, Ванев и все другие, кому пришлось среди дикого комариного царства ставить на ноги этот индустриальный гигант, были не просто «исполнителями». Стройка, а затем работа на уже действующем комплексе (который опять же — после пуска — продолжает, как видим, впечатляюще расти, наращивать мощности!) стала их судьбой, «возвысила, по выражению Ванева, смысл жизни каждого здесь».

Владилен Николаевич вообще тяготеет в речи к слову значительно, несколько торжественному по своей окраске, его интересно слушать, поскольку понимаешь, что поднятость ваневских фраз исходит от нежной любви к родной земле. Он коренной коми, его отец, Николай Васильевич, был одним из первых коммунистов в крае, еще в суровом девятнадцатом, когда свирепо гуляли здесь белые банды, возглавил партийную ячейку в селе Серегово при солеваренном заводе, потом, посланный учиться в ленинградский вуз, вернулся специалистом по торговому делу, много лет и старания отдал становлению местной потребкооперации. Его имя, можно сказать, в истории Коми АССР, и сын, гордясь отцом, фамилией Ваневых, с юных, комсомольских лет рвется к большому, горячим делам. Добровольцем ушел на фронт, и винтовка с примкнутым штыком была выше его мальчишеского роста, но воевал сноровисто, храбро, о чем свидетельствуют боевые награды, и вернулся домой в лейтенантских погонах, командиром зенитно-пулеметного взвода, пройдя Волховский фронт, Сандомирский плацдарм, приняв участие в штурме рейхстага...

Будучи же секретарем парткома на строительстве СЛПК, Владилен Николаевич вместе с «первопроходцами» вбивал колышки на местах предполагаемых объектов, испытывал все, что дано было испытать каждому тут, на обживаемом таежном пространстве, и можно представить, какой груз обязанностей, дел, тревог лежал на плечах «комиссара» грандиозной стройки, куда съехалось более 10 000 строителей. Около 600 коммунистов было среди них...

— Знаете, о чем жалею, — признался мне Ванев, — что не объявился среди тех, кто вводил комплекс, свой, из рабочих, писатель. Такие дни были — каждый из них отдельной главой в повесть или роман мог лечь. Как в «Соти» Леонова, «Цементе» Гладкова... События, конфликты, характеры, дух эпохи — все полной мерой! А какая общегосударственная задача решена! Раньше из Коми АССР во внутренние районы страны шел неиссякаемый поток древесины, строевого леса, а отныне параллельно с ним плывет, разматываясь с наших бесконечных рулонов, еще и белый потон — бумажный... Опоясали бумажными лентами всю державу!

Мы в этот момент проходили мимо здания ПТУ, из дверей которого шумной гурьбой вырвались «на волю» подростки — будущие специалисты различных служб СЛПК, и Владилен Николаевич, проводив их задумчивым взглядом, сказал мне, будто самого себя успокаивая:

— Нет, и у нас объявится свой писатель. Востановит, напишет... Подождем!

А я подумал, что ему, будущему «романисту СЛПК», о котором здесь тоскуют, впрямь простор для широкого художнического поиска, осмысления. В памяти у многих поистине эпические картины. Вот сошлюсь и месту всего на один эпизод из воспоминаний Николая Николаевича Балина, обнародованный в местном издании сыктывкарским журналистом В. Мерцем:

«...Стало известно, что крупногабаритное, тяжеловесное оборудование японские фирмы могут отгрузить нам только грузовыми теплоходами, которые прибудут в Архангельский порт, откуда груз баржами по реке будет отправлен в Сыктывкар, причем не в порт (его просто не было), а прямо на ЛПК. День и ночь на берегу Вычегды строился причал, а когда пришли баржи, встал вопрос, как выгружать оборудование, ведь отдельные части весили по 50—100 тонн, а на причале, естественно, никаких грузоподъемных механизмов нет. И вот наши рабочие и инженеры предлагают смелое решение — к стоящей у причала барже с берега укладываются параллельно друг другу железнодорожные рельсы с промежутками в полметра, шесть — восемь трелевочных трактов»

ИСТ...

Красота родной земли — главная тема художника Р. Н. Ермолина.

ров берут на буксир тросами груз (к примеру, цилиндрический корпус варочного котла или выпарного аппарата) и по команде тянут его на берег. Рельсы смазаны тавотом, однако скрежет металла слышен за километр, искры снопами сыплются на каждом стыке рельсов. Просто, здорово и быстро. Баржи разгружены в срок.

«Просто, здорово и быстро...» А за одним этим эпизодом — чья-то смелость принять рискованное решение, извечная смекалка наших российских мастеровых, ударные темпы, всеобщий энтузиазм, твердое убеждение: «Сделаем!» За этим личности, незаурядные натуры.

И коли о личностях — снова вернемся к Балину.

Его жизнь, как он сам определяет, точно укладывается в три отрезка по семнадцать лет. Первый из них — детство и начало юности, прошедшие на полугодные военные годы. Второй — это поиск себя как работника, специалиста. Окончил военно-морское училище, получил диплом инженера (механик и энергетик), одиннадцать лет отдал флоту, полагал и дальше свою судьбу морской, потому что полюбил горячее дыхание судовых машин, необозримое Тихого океана, четкость корабельных служебных взаимоотношений. Но... попал под проводившееся в армии и на флотах широкое сокращение! Пришлось вернуться в свою Вологду, «внедряться в гражданку». А «третьи семнадцать» — это здесь, на СЛПК.

Попал сюда почти случайно. Кто-то из сыктывкарцев прослышал, что в Вологде есть толковый молодой инженер, знающий по флоту энергетические системы, и ему послали письмо: не согласитесь ли стать главным энергетиком комплекса, приезжайте к нам, посмотрите! У него уже была хорошая должность, благоустроенная квартира, все, одним словом, было прекрасно, отлажено и в быту и по должностным связям, но что-то, однако, томило («Как сквознячок в душе...»). Не было у моряка своего океана!

И он хмурыми мартовскими днями поехал на север, на неведомую ему Коми-землю, на столь же неведомый «комплекс», — посмотреть, как предлагали... И увидел, что СЛПК — это продуваемое ветрами заснеженное корчье с вывороченными пнями, залитыми черной водой канавами; вокруг же морозная стын тайги. Комплекс таился еще в папках, пакетах, рулонах с чертежами — десятки пудов чертежей! Он выборочно листал те, что относились к энергосистеме, дивясь масштабы, размаху открывающихся работ. Одних трубопроводов всевозможного назначения нужно было проложить 350 километров!

Ночевал в доме с замороженными батареями, с инеем на стенах; кутаясь в пальто, слушал, как в коридоре молодые горластые парни, приехавшие по вербовке, «выясняли отношения» друг с другом; а утром увидел те же пни и канавы на раскорчеванной площадке — и, нахлобув поглубже шапку, пошел на почту, дал жене телеграмму: «Условия нормальные, работа подходит, остаюсь...»

Всего четыре месяца пробыл Балин главным энергетиком. Затем — и. о. главного инженера и главный инженер, и. о. директора и десять последних лет — директор. А с недавней поры — генеральный. «Подняли этим, — пошутил, — авторитет нашего ЛПК!»

Уже в самом начале все было как непрерывная «разведка боем». Вносились сотни изменений и направленных на улучшение предложений по проектам, а наряду с производственными объектами возводили свой поселок — быстро, но капитально. Чтоб без бабров, без лихой палаточной романтики, а так, чтобы у человека уважение к своей работе, своему предприятию начиналось с квартиры...

В первый же год после пуска выяснилось, что предусмотренная проектом варка целлюлозы из смеси лиственной и хвойной древесины — это грубая ошибка. Сколько ни бились, шел брак. Пришлось «на ходу» внедрять схему раздельной варки, а это повлекло за собой перестройку линий на лесной бирже, промывной станции, изменение технологии отбелки, разлома целлюлозной массы... Доходить до всего требовалось «своим умом» — силами своих инженеров, технологов, конструкторов и т. д. От них зависело, насколько четко и безошибочно ставился «диагноз», каким образом можно было предлагать новую сложную задачу тем же проектантам или смежникам, добиваться у ученых ответа на вопросы. А ведь вся основная продукция, которую ждали от СЛПК, была такой, которую раньше или вообще не выпускали, или производили в меньших количествах при другой технологии.

Та же типографская бумага № 1. Самая лучшая для книг — белоснежная, глянцевитая, плотная, крепкая. На СЛПК ее предстояло изготавливать из сульфатной целлюлозы, которая до этого применялась лишь на выделке грубого «материала» для бумажных мешков. У кого было учиться? Шли, понятно, не вслепую, не на ощупь, а вооруженные научными

рекомендациями, но пока достигли желаемого результата, позади остались сотни и сотни проб, месяцы исследований, которые привели в итоге к серьезному переоборудованию потока, к принципиальным изменениям в технологических режимах. Зато ныне бумага № 1 с СЛПК на книжных фабриках в особой чести.

То же самое было с мягким картоном для автоматической расфасовки и упаковки бакалейных продуктов. Раньше такого своего картона в стране не делали... А тетрапак — бумага-основа для упаковки молока? Стало привычным для нас, горожан, покупать молоко в пакетах, а вспомните, давно ли они появились? Не было СЛПК — не было и этих пакетов. Но тетрапак так трудно дался сыктывкарцам, что это слово чуть ли не нарицательным стало на комплексе. Что-нибудь плохо, не ладится — «тетрапак»! «Ну, братцы, чистый тетрапак...»

Обо всем: как складывались дни и годы СЛПК, с чем комплекс вошел в новую пятилетку — говорили мы в директорском кабинете после обхода второй, строящейся очереди. Было предвечернее время, и Николай Николаевич, взглянув на часы, встал из-за стола: — Прошу извинить, продолжим завтра. Опаздываю на матч.

— Вы болельщик? На стадион?

— Нет, в спортзал. Мини-футбол. Первенство ЛПК. Играю за команду заводоуправления. У нас сегодня финальная встреча с одной из цеховых...

Я поймал себя на том, что не удивился услышанному: генеральный директор в трусах и майке на виду у глазющей заводской публики гоняет по площадке кожаный мяч... Не удивился потому, что многое на СЛПК, причем связанное с именем Балина, было столь же неожиданным для меня, что я как бы за эти дни по привычке уже. Спросил лишь про средний возраст игроков в команде.

— Лет двадцать семь, — засмеялся Николай Николаевич. — Такие бугаи, черти азартные, — держись! Как припечатывают мячом или к стенке — красные искры снопом...

Мы распрощались, и я пожалел, что приходится отложить разговор на важную, как выдилось мне, тему. Об одной из сторон директорской деятельности — не самой, может быть, заметной, но которую он полагает лично для себя такой же первостепенной, как все другое. Эта сторона — быт.

На СЛПК в каждом производственном подразделении не простенькие душевые, а непременно баня с парной; столовые и буфеты — с хорошим оборудованием, красиво оформленные, — как кафе в городе; есть тут комплексно-приемные пункты, где работающий человек может в обеденный перерыв безо всякой суеты заказать обувь, одежду, сдать что-либо из вещей в ремонт: будь это испорченный будильник, нуждающаяся в переплете старая книга, требующие замены каблучков сапоги... На этажах — парикмахерские, и они, разумеется, особенно по душе женщинам, как и свой магазин кулинарии на территории предприятия. Не надо после смены куда-то бежать, метаться в городе из одной очереди в другую.

На комплексе давно уже свое подсобное хозяйство — свиноферма на пятьсот голов, сейчас она расширяется — будет вдвое больше. И этим самым Балин как член бюро горкома партии подает пример всем другим руководителям сыктывкарских фабрик и заводов...

— С ним рядом нелегко работать, — сказал мне Владилен Николаевич Ванев. — Все время ты должен держать себя на высшей отметке своих возможностей, своего умения.

В ожидании машины мы стояли у проходной.

— Он характером ровный, спокойный, корректный, — продолжал Ванев. — Но бывает... как бы это выразиться поточнее?... Яростным. Да-да. Когда видит что-то равнодушное к человеку. У нас это знают...

Солнечные блики играли на стенде с крупным заголовком-призывом: «Требуются...» Ниже приводился перечень рабочих профессий, нужных на комплексе: операторы... аппаратчики... крановщики... слесари по ремонту оборудования...

Вспомнилось, как Владилен Николаевич сожалел о том, что нет пока на СЛПК своего, из рабочей массы писателя, — и как бы само по себе, красной строкой в сознании, перечень на стенде дополнился еще одной фразой: «Требуется романист...»

Достойное поле для исследования будет у него здесь.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

IX

Угостившись мамиными лепешками раньше других, мы сперва забежали к Жукиным, чтобы Ванька захватил там свою учебную сумку. В школе Иван Павлович и Марья Ивановна тоже подивились, увидав нас вместе, но никакими словами не сопроводили это свое удивление, только чуток улыбнулись. Улыбнулась, пожалуй, одна Марья Ивановна, а Иван Павлович был почему-то не в настроении, — это легко угадывалось по его сощуренным глазам и как-то по-особенному топорщившимся косячим усам. Форменное смятение и сумятица произошли в стане наших друзей, вчера еще разделенных на враждующие лагеря. Поначалу они не знали, как должны были реагировать на столь внезапную, а потому и неожиданную перемену в наших с Ванькой отношениях. На молчаливый вопрос, который можно было прочесть в их глазах, мы отвечали такими же молчаливыми, многозначительными улыбками. «Да, да, помирились, а вы как думали?» — говорили наши глаза. Большая переменка до конца прояснила положение вещей, мы постарались во всех подробностях рассказать товарищам, как произошло наше примирение, сообщив при этом, что дали друг другу клятвенное обещание никогда и ни при каких обстоятельствах не драться самим, не затевать драк с другими и не участвовать в любых потасовках. «А вот мы посмотрим, как вы сдержите свою клятву! — первым с явным сомнением отозвался на наше сообщение Гринька Музыкин. — Колька Воронин треснет кого-нибудь из вас по башке, вы, что же, не дадите ему сдачи?.. Как бы не так! Мишка, можа, и стерпит, а Ваньку только тронь попробуй!..»

Услышав такое, Ванька Жуков выпятил по-петушиному грудь и воинственно покосился в сторону Кольки Воронина, председателя сына, который был годом старше нас и на полголовы выше. По всему было видно, что Ванькиной клятвы хватит ненадолго и что, если он и сохранит ее, только уж не для таких людей, каким был Воронин-младший (правду сказать, Воронин-старший отличался от сына разве что возрастом). Хоть сам я не раз пытался уверить и себя и других, что вполне отрицательных человек на свете не бывает, что даже в самом плохом обязательно отыщутся, если хорошенько поискать, и положительные начала, но Колька Воронин решительно не укладывался в мою теорию: как ты его ни поворачивай, выверни хоть наизнанку, но и тогда не обнаружишь ни единого светлого пятнышка, каковое было бы зародышем для вызревания каких-либо добродетелей. Потребовалось бы много страниц для описания всех проделок этого избалованного верзилы, рядом с которым Самонька выглядел сущим агнцем божьим, ангелом небесным, херувимом. Нет нужды перечислять все Колькины «подвиги» — достаточно будет рассказать об одном, чтобы вы поняли, какого сорта были и все остальные.

Где-то в конце июня или начале июля (в зависимости от того, какая была весна, ранняя или поздняя) на южных склонах наших степных балок и оврагов поспевала земляника. Особенно много было ее в Липнягах, Дубовом, Березовом и Каменном. Туда-то прежде всего и выходила в эту пору сельская ребятня, выходила большими артелями и паслась там с утра до вечера —

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—33.

сперва насыщалась сама, а потом набирала полные корзинки, ведерки и другие посудины, чтобы угостить лакомством домашних.

Прошлым летом оказался среди нас и Колька Воронин. Подобно крыловской свинье, которая, нажравшись желудей, принялась подрывать корни у насытившего ее дуба, этот, напихав живот «досыта, до отвала», начал демонстративно топтать землянику ногами, чтобы досадить нам, собирающим ягоды, затем, видя, что такой род его действий «малопродуктивен», упал в траву, где особенно густо краснела земляника, и стал кататься в ней по-собачьи. И этого ему показалось мало: пользуясь склоном, присел на ягодицы и елозил так сверху вниз до тех пор, пока не сделался похожим с тыльной стороны на павиана. Перемигнувшись, мы стали было подбираться к нему со всех сторон, но, сообразив, чем это для него окончится, Колька ловко выскользнул из нашего окружения и, скверно осклабясь, убежал, погрозив нам еще кулаком. После сказанного нетрудно уж представить, что каждый из нас желал председателю отпрыску чего угодно, но только не добра. Тронь он сейчас кого-нибудь из моих товарищей, едва ли и я сдержал бы свою клятву — не ввязываться ни в какие драки.

У Гриньки Музыкина были с Воронным свои счеты. Колькин батюшка четырежды таскал Гриньку в сельсовет, выколачивая из него признания в поджоге риги. Сам ли Яков Соловей указал на племянника как на подозреваемого, другой ли кто, но именно в Гринькину грешную душу вцепился Воронин-старший, держал его перед своими грозными очами по несколько часов, запер на сутки в знакомом нам чуланчике, в том самом, откуда совершил свой побег Тимофей Ефремов. Но тут действительно коса натолкнулась на камень: Гринька не признался. «Может, кто из твоих друзей?» — выпытывал Воронин. «А я откель знаю? — разводил руками Гринька. — Может, дядя Яков сам спалил свою ригу». «Оп, что же, сумасшедший?» «А то какой же! Знамо, сумасшедший. Про то все знают». «Это ты, мерзавец, про родного дядю такое говоришь?!» «Про него все так говорят». В конце концов председатель оставил Гриньку в покое, но зато сам Гринька кой-какой камушек припрятал за своей пазухой и ждал лишь случая, чтобы

смену двум «Фордзонам», износившимся прежде сроку по причине не шибко искусного с ними обращения и отсутствия запасных частей. Вместе с «Катерпиллером» с трудом выкатился в поле и еще один заморский гость — колесный трактор с нежным, поэтическим именем «Алис», находящимся в прямо-таки вопиющем противоречии и с внешним видом железного этого детища и с его содержанием, достойным скорее проклятия, чем любви. Управлял «Алисом» старший брат Кольки Мягкова Иван, матерясь при этом так, как не матерился даже великий умелец по этой части Яков Соловей. Кстати, именно он, Яков, глянув на работу иностранца (для этого не поленился, вышел на поле), дал ему краткую, но вполне законченную, исчерпывающую характеристику: «Ползет, как пеша вошь по энтому месту». Подумав, добавил: «На тебе, боже, что нам негожел.. Мерианец, поди, не дурак, штоб хорошее продавать. Он и за это дерьмо обдерет матушку Расею досня!» Сказав это, с удовольствием сплюнул, выматерился от души и, удовлетворившись этим, отправился в село. Трактор, так не понравившийся Соловью, был, точно, с причудами. Только для того, чтоб его завести, бедному Ваньке Мягкову требовалось полдня. Но еще труднее было направить его на путь истинный, когда он заведется и тронется с места. Не знаю, чем уж это можно объяснить — недоглядом ли конструктора, неумелой ли сборкой тут, на месте (что ближе к истине), подвохом ли каким со стороны его хозяев-капиталистов, менее всего желавших нам успеха в строительстве социализма, — не знаю почему, но «Алис» никак не хотел идти по прямой, а оставлял после себя восьмерки: люфт у руля был такой, что ты должен был раз сто крутануть его влево, чтобы туда повернулась бы и машина, затем столько же раз вправо, чтобы трактор пошел в нужном тебе направлении; глядя со стороны, можно было подумать: либо тракторист нализался, либо сам трактор подгулял. Надобно было иметь решительный характер и великое самообладание, чтобы провести «Алис» по мосту, перекинутому через реку или овраг, — ни один цирковой канатоходец не рисковал так, как Иван Мягков, — странно, что он еще не поседел...

Однако и эта машина притягивала нас к себе, как магнит, не говоря уже о «Катерпиллере», доставшемся моему брату. Во

чила ее вместе с седоком не лошадь, а черно-серо-бурая корова, неизвестных кровей и неведомо где приобретенная ее нынешним владельцем, в котором мы сейчас же признали Якова Соловья.

Яков оставался по-прежнему единоличником, агитаторы разных возрастов изо дня в день накатывались на него с уговорами, но быстро откатывались, встретившись с яростным, отчаянно-злым сопротивлением. Видя, что словами Якова не проймешь, Воронин прибег к иной тактике — стал облагать упряма налогами. Погасит Яков один налог, на него тотчас наваливается другой, за другим — третий; за неплату в срок какого-то из них Яков лишился лошади, но и тут не сдался, не положил перед Воронным вымогаемую бумагу, то есть заявление в колхоз. В два дня обучил Буренку исполнять лошадиные обязанности, для этого не смастерил даже ярма, а под самый корень спилил у коровы рога и просунул ее морду в старый хомут, а затем приладил и всю остальную сбрую: седелку, чересседельник, подпругу, уздечку, конец которой продел в кольцо под дугой, и вздернул таким образом коровью голову вверх, чтоб корова не бычилась, а держалась так, как полагалось держаться коню; Яков умудрился и взнуздать ее и задергать вожжами до такой степени, что по углам коровьего рта взбились кроваво-ржавые клубки пены, кон срывались на землю; мы с Ванькой потом видели по дороге пузырчатые пятна — след прокатившейся тут странной колесницы. А еще прежде, поравнявшись с нею, озорнувший Ванька Жуков не вытерпел, не удержался, чтобы не выкрикнуть: — Дядь Яша, а ты б верхом на ней, оседлал бы!

Соловей тут же отпарировал:

— Я щас вот спущусь с телеги и оседлаю тебя так, што ты, щенок, позабудешь, как тебя зовут и на чем сидят! — Яков Соловей был всегда не в духе, а сейчас в особенности: Ленька не стал, как в прошлые весны, обходить его полосу и в один час запахал ее так, что и не определишь, где она находилась; покричав на тракториста, который из-за шума мотора и не слышал его голоса, Яков развернулся и ехал теперь домой злее самого черта. На телеге, за его спиной, торчали два длинных, проржавевших за зиму, старушечьих зуба перевернутой сохи; легкий степной гуляка-ветер, балуясь, посвистывал в ее щербинках. Натя-

ДРАЧУНЫ

воспользоваться им. И воспользовался-таки: однажды все мы увидели Кольку Воронина с перевязанной головой, — голова эта повстречалась в сумерки с незнакомым снарядам, пущенным чьей-то меткой рукой из-за плетня. Мы догадывались, кому Колька обязан своим ранением, но никто бы из нас ни за что на свете не выдал Гриньки: он ведь сделал то, что с удовольствием сделал бы любой из нас, будь мы похрабрее.

Школьный день показался на этот раз очень долгим, потому что мыслями своими мы уже были в поле, откуда до села доносился отдаленный, приглушенный расстоем рев моторов. Прислушиваясь к нему, я старался выделить густое завывание Ленькиного «Катерпиллера», единственного пока что гусеничного трактора, заявившегося на привольскую нашу степь из далекой, таинственно-загадочной Америки на

всяком случае, мы с Васькой Мягковым были сейчас главными в компании товарищей, прямо из школы отправившейся в степь, куда несколькими часами раньше увели свои машины наши братья. Там мы разделились по двое. Васька Мягков забрал с собою Федьку Пчелинцева, ну, а я, само собою, Ваньку Жукова. Гул тракторов слышался в противоположных концах колхозного поля: «Катерпиллер» рычал и басил где-то за Большим маром, а «Алис» — у Березового пруда. Не сговариваясь, мы с Ванькой сперва прибили ходу, а затем побежали вперегонки, но были вскоре задержаны необычайной картиной, представившейся нашему зору: встречь нам двигалась колесница, до того живописная, что едва ли окажется по силам перу, чтобы ее описать. Правда, сама-то она мало чем отличалась от обыкновенной телеги, но вла-

нув вожжи, Яков прорычал: — Тпррру-у-у, стерьва! — Губы его при этом задрожали мелкой дрожью, а усы от мощного утробного звука встопорчились. — Штаны-то спущу да и... — Эти слова уже относились к Ваньке, а не к корове, и потому, расхохотавшись, мы дали дёру.

Видя, что длинный его кнут уже не сможет достать нас, Яков с яростною силой опустил его на острую коровью хребтину. Корова взмыкнула, выгнула спину коромыслом, плескнула на свесившиеся босые ноги хозяина горячей жижей и помчалась под гору вскачь, нелепо разбрасывая клешнятые ноги. До нас же долетали лишь какие-то кусочки и обрывки отменной мужичьей ругани.

В единоличниках Яков Тверсков продержался до Великой Отечественной, но вступил в колхоз не в начале войны, а лишь в

конце августа сорок второго, то есть тогда, когда вражеское нашествие, взяв новый разбег, докатилось до Волги и когда уже отчетливо слышались отдаленные орудийные гулы, а горизонты хищно облизывались кровавыми языками сполохов Сталинградского побоища, не затихавшего ни на одну минуту ни днем, ни ночью. Заявлению Якова по краткости и выразительности едва ли найдется аналог в монбланах бумаг, оставленных пишущим человечеством на протяжении столетий и даже тысячелетий. Преподобными, кривыми, суставчатыми, как его пальцы или колья в старом плетне, торчавшими вразброс буквами Яков Соловей решительно начертил:

«Берите меня заради Христа к себе со всем моим дерьмом, потому как ничегошеньки другого у меня нету, а на миру и смерть красна. Так что безоговорочно вступаю. В чем и подписуюсь. К сему Яков Тверсков, по-уличному Соловей».

Сознавая, что документ этот уникален в своем роде, воспроизвожу его тут полностью, слово в слово, смягчив маленько лишь одно из них, о котором, полагаю, нетрудно догадаться.

Историческое это событие по времени совпало с уборочной страдой, и Якова принимали в колхоз прямо на полевом стане, у тракторной будки, куда со всех концов степи собрался народ. Инвалид войны, посланный в село из саратовского госпиталя для окончательной поправки и тут же избранный четвертым по счету председателем, взобрался на мостик будки и не без удовольствия огласил текст заявления. В ответ раздавался такой хохот, какого не слышали с довоенных лет. Воробьи, промышлявшие возле поварского котла, метнулись в разные стороны, а Катерина Дубовка, помешивавшая кашу, вздрогнула и на всякий случай осенила себя крестным знаменем, прошептав: «О мать божья! Царица небесная!.. Што их там так надирает?!» Смех, который так напугал воробьев и озадачил Катерину, был особенный: замешанный преимущественно на бабьих голосах, он лишь немножко был разбавлен жиденьким ребячьим смешком да стариковским кашлем, явившимся следствием даже не самого смеха, а потугами на смех, — деды долго потом протирали ослезлившиеся глаза, говоря: «Ну и ну!»

Якова, разумеется, приняли. При голосовании воздержался лишь Карпушка, вспомнивший вдруг про то, как Яков турнул его от своего двора вместе с мальчишками-агитаторами.

— Ты б, родимый, лучше б от водочки воздержался, а не от этого самого! — посоветовала ему жена и подняла во второй раз — и не одну, а обе руки. — Левую-то я за него, дурачка, воздела! — пояснила Меланья.

— Отчего ж не правую? — осведомился Федотка Ефремов, на которого колхоз благовоременно выхлопотал бронь, хотя, кажется, до него очередь и не дошла бы: Федоту давно перевалило за пятьдесят — явно не призывной возраст даже по случаю войны. — Отчего ж не правую? — повторил он свой вопрос.

— Хватит ему и левой! Хозяин из Карпушки, сами знаете, никудышный. Ему бы только языком молоть. Он у него как помяло.

— Ну, ты б сама-то помене болтала! — огрызнулся Карпушка и неожиданно ляпнул: — Теперича понятно, почему ты к этому черту, к Соловью то есть, зачастила. У тебя с ним амуры!

Вторая волна хохота оказалась и круче и яростней. Улеглась она только тогда, когда председатель объявил собрание закрытым и люди нехотя разбрелись по своим рабочим местам: молодые женщины и четырнадцатилетние ребята ушли к своим комбайнам и тракторам, бабы постарше и двенадцатилетние мальчишки — к быкам и коровам, на которых отвозили зерно из-под комбайнов, старики вернулись за будку, где починая разный «струмент», сельскохозяйственный инвентарь, значит, у них там навалено всего: хомуты для немногих оставшихся в колхозе лошадей, остальная

сбруя, но больше поломанных ярм и изогнутых заноз к ним, которые требовалось выпрямить, а еще больше деревянных вилок и граблей, похожих на стариков починщиков тем, что успели растерять половину своих зубьев.

Вот при каких обстоятельствах был принят в колхоз Яков Тверсков-Соловей. Остается лишь добавить, что против ожидания он сделался чуть ли не самым дисциплинированным работником. В тот же день быстро вернулся в село, а через час уже был со своей Буренкой у комбайна. На собственной корове отвозил зерно не только на ток, но и в район, на элеватор, исполняя наряд по хлебосдаче, — о, сколько раз видели Якова, мыкавшего горе на хлябях осенних дорог по пути в Баланду, сколько матюков претворнейших выслушала от него Буренка, сколько проклятий отправил Соловей в небеса господу богу и в адрес анафемы Гитлера, — выругивался по дороге туда и обратно настолько, что для односельчан крепких слов у него уже не оставалось, исчерпывался великий матерщинник до самого доньшика и возвращался домой смиреннее самого смиренного, даже к жене собственной не придирался, к вящему ее удивлению. Женщины, которые отвозили на быках хлеб часто в одном обозе с Яковым, по-настоящему оценили этого человека лишь теперь, в особенно горькую и для страны и для них, главных ее работниц, годину, — не будь его рядом с ними, наплакались бы они еще больше: колесо ли спадет с оси у фуры, поломаются ли ярмо либо дышло, а он, Яков, тут как тут — оттолкнет грубо (поиному он не мог) готовую разреваться бабенку в сторону, высвободит бычьи потертые шеи из-под ярма и в несколько минут поправит дело, подкинет счастливую донельзя на возок, прилепнув лапшей под зад и, поругиваясь потихоньку, вернется к своей телеге, где его ожидала Буренка. Так и «провоевал» с бабами всю войну, а когда она, проклятушая, закончилась, окончил свое пребывание на этой грешной земле и Яков Тверсков-Соловей. Спел и он свою песню. Пускай была не соловьиной та песня, но она все-таки была ни на чью другую не похожая, — как знать, может, этим-то прежде всего и дорога она людям, сохранившим до нынешних дней память о Якове Соловье...

Встреча с ним по пути к Ленкиному «Катерпиллеру» оказалась и для нас с Ванькой памятной, но она была тогда не последней. Приблизившись к Большому мари, мы увидели, как из-за него вывернулся и со всех ног поскакал под гору, минуя нас, не кто иной, как Самонька (я-то знал, что брат не прекращал дружбы с ним и что долговязый этот детинушка был у Ленки прицепщиком на смену с Федором Жуковым); что бы там могло произойти такого, что заставило Самоньку удариться в бег? Проводив его глазами до Конопляников и посмотрев друг на друга в недоумении, мы заторопились к трактору, чтобы оказаться, наконец, у цели нашего путешествия, а заодно и выяснить, что же там случилось с Самонькой. К моменту нашего прихода «Катерпиллер» подполз к кургану и остановился, чтобы напиться воды и остудить свое распаленное могучее стальное тело. Ленка, лишившись (явно по своему почину) помощника, направлялся к водовозной бочке с помятым ведром сам. Ванька охотно вырвал у него ведро из рук и в минуту вернулся к трактору с водой. Ленка не глушил мотора, и тот на малых оборотах вращал все сочленения отдыхающей от тяжелой работы машины.

— Видали? — спросил Ленка, самодовольно ухмыляясь, вытирая ветошью замасленные руки.

— Самоньку, что ли? — переспросил я.

— А кого ж еще! Всыпал я ему тут маленько, — спокойно, подчеркнуто буднично сообщил брат.

— За что же?

— Было б не за что, не тронул бы, — важно пробасил Ленка; став трактористом, он следил теперь и за своим голосом, подбавил ему густоты, надеясь, что это и са-

мому ему прибавит веса в глазах других людей.

— А все-таки, за что? — настаивал я, не удовлетворившись Ленкиным ответом.

— Говорю, за дело. Ну, что ты прилепился, как банный лист к одному месту?!

Ленка помолчал, сунул в карман комбинезона (он составлял чуть ли не главный предмет его гордости) тряпку, взял из Ванькиных рук ведро, долил воды в попыхивающий парком радиатор и только уж после этого рассказал, в чем дело. Оказывается, в минуту откровения, накотившуюся на Самоньку, тот рассказал моему брату, что это он, Самонька, стравил нас тогда у школы, столкнул ради забавы лбами и явился таким образом первопричиной наших многочисленных ребячьих баталий, а также ссор и скандалов, граничивших с острою враждой, которыми были охвачены и многие взрослые.

— Ну, он же признался, покаялся, поди!

— Ну и что с того? — Ленка посмотрел на меня с очевидным удивлением.

— А в школе нам сказывали, что даже суд за чистосердечное признание снижает наказание для подсудимого! — выпалил я, удивляясь самому себе: мне почему-то стало немножечко жаль Самоньку.

Ленка вновь усмехнулся:

— Ну, так и я снизил. Вместо двух отнесил Самоньке лишь одну оплеуху. Нашел кого жалеть!.. Ничего, другой раз умнее будет. Ну, да шут с ним, с Самонькой! Айда на трактор!.. Вы теперь мне во как нужны! — Ленка чиркнул ребром ладони по горлу, повыше адамова яблока. — А то я остался без прицепщика. Федяшка, Ванькин брательник, будет работать в ночной смене. Так что давайте потрудимся, хлопцы, попадем до вечера, пока...

Последних Ленкиных слов мы не слышали, потому что один из нас вскарабкался с быстротой обезьянки на трактор, пристроившись рядом с сиденьем водителя, а другой уже стоял на раме огромного четырехлемешного плуга, вцепившись в отполированный рукою прицепщика рычаг, с помощью которого поднимаются лемеха над пашней в конце гона.

Уж по-темному, оглохшие малость от непрерывного многочасового рева мотора, гордые и бесконечно счастливые, со сладко побаливающими от усталости мышцами рук и ног, пропитанные насквозь автолом, керосином и солидолом и уравненные этим с самим трактористом, мы вернулись домой. Моя мать, ахнув и всплеснув руками, сейчас же постаскивала с меня рубаху и штаны, побросала их в стиральное корыто и принялась за меня самого. Для этого выволокла из печки ведерный чугунок с горячей водой, усадила, как маленького, в другое, большего размера, корыто и начала смыть грязь и мазут. Грязь смылась быстро, но с мазутом ничего уж поделать не смогла. Полосатый, как африканская зебра, я юркнул под одеяло и мгновенно заснул. Последнее, что услышал перед сном, — это были слова матери, сказанные хоть и со вздохом, но каким-то легким, удовлетворенным: «Намаялся, работничек. Ну, спи уж, нечистый тебя возьми!»

Утром пришел в школу задолго до начала занятий и был крайне польщен тем, что к нам (ко мне и к Ваньке) подходили ребята и просили рассказать, что мы делали на поле, удалось ли покататься на тракторе. Одни с этим вопросом приставали к нам с Ванькой, другие — к Мягкову и Пчелинцеву. Однако нашелся и такой человек, который был вроде бы недоволен нами. А именно: Иван Павлович Наумов, наш учитель, наш сердитый Кот; он повел носом, потянул, подрагивая его крыльями, в себя воздух, чихнул, фыркнул брезгливо и посоветовал:

— А перед школой полагается умываться, г... — В третий раз у него чуть было не сорвалось с языка это «господа», но и теперь Иван Павлович успел упредить его, прилепнув словом «товарищи». Мы все-таки заметили это. Видя такое, Кот впервые малость смешался и заторопился с приказанием: — А ну живо по местам! Вы разве не слышали звонка?!

X

Летом тридцать второго года мне и Ваньке Жукову, как, впрочем, и другим ребятам, не довелось побродить по лесам, лугам, берегам Баланды и Старицы. Новые удочки так и не были испытаны в деле, хотя Ванька и я очень на них рассчитывали, потому что оснастили особыми лесками, тонкими и прочными, из конского волоса, да не какого-нибудь, а белого, с тем чтобы рыба не смогла его увидеть в воде и поскорее оказалась на крючке. А лошадей с белыми хвостами и гривами было обидно мало, хорошо, ежели на сотню одна, а может, и того меньше. Совершенно белых, кажется, не было совсем. Изредка встречались пегие, белые лишь наполовину, а на другую половину приходился цвет либо вороной, либо буланый, либо карий, либо гнедой. Но далеко не все пегие годились для нашей цели, ибо белый цвет не всегда распространялся у них на хвост и гриву. Обладатели нужного волоса были взяты нами под строгий учет и под пристальное наблюдение; мы шныряли по конюшням на общих дворах всех четырех колхозных бригад; рискуя познакомиться с лошадиным копытом, подкрадывались к какому-нибудь Холстоме-

ру и выдергивали из его хвоста волосинку за волосинкой, опасаясь заодно и конюха, который, прихватив нас за таким занятием, не преминул бы пустить по нашим спинам свой арапник. Выходили мы и на проселочные дороги и во все глаза глядели себе под ноги, напоминая старателей, выискивающих в гряде песка крупинки золота. Но золоту мы, пожалуй, обрадовались бы меньше, нежели тонюсенькой упругой белой волосинке, блеснувшей под солнечным лучом и тем выдавшей себя. Промысел по пыльным дорогам вообще входил в число занятий, чрезвычайных важных и интересных для сельской детворы. Там ты, ежели не ротозей, можешь подобрать бог весть какие ценные вещи. Это и железная чекушка, выскочившая из тележной оси и зарывшаяся до поры до времени в мягкую и теплой дорожной пыли; это и кусочек шины, из которого кузнецы Климовы могут изготовить для тебя любую штуку: мотыгу ли малую, топорик наподобие Ванькиного и даже выковать настоящий ножик; это и флянец, надеваемый богатыми мужиками между упором оси и колесом для красивого серебряного звона при езде: его можно повесить у входа в дом и извлекать с помощью железного прутника радостные для твоего уха звуки.

Люди говорят, что хорошее на дороге не валяется, но это неправда: гайка, болт, гвоздь всевозможных размеров и назначений, подкова, сорвавшаяся с копыта, — где ты найдешь все это, кроме дороги?! Словом, не счесть алмазов, то есть драгоценностей, которые ждали нас на всех проселках. Когда их набиралось уж очень много, мы попеременно хвастались ими друг перед дружкой, ссыпали в одну, внушительную, удивляющую своим размером кучу, назначая цену каждой вещице в отдельности и всему сокровищу по совокупности, затеявая при этом горячие споры: чье собрание богаче.

Сельский житель, имеющий дело по преимуществу с соломой и деревом, являющийся для него главным строительным материалом, дорожит любой железкой, как редкостью. Ржавый гвоздь, обгоревшая скоба или щеколда от калитки, подобранная на свежем пепелище, для крестьянина сущий клад. Даже Яков Соловей утыкал все застехи, все расщелины в стенах избы и хлебов разными железками, начиная от обрезков, обнаруженных в изобилии перед домом Тееки, и кончая сплюснутым ведром, извлеченным со дна реки или озера (в хозяйстве все сгодится). Между тем Яков почему-то особенно боялся города, полагал,

«Огонек» на БАМе

что именно оттуда сельскому жителю над лежит ожидать всяческих напастей; колхозы, по глубокому убеждению Якова, тоже придуманы не где-нибудь, а в городе; городских людей, всех без исключения, называл не иначе как нахлебники, на всякие возражения с угрюмой настойчивостью всегда твердил одно и то же:

— Я и без вашего города проживу. Хлебушко выращу сам, а на одежду жена холсты соткет...

Мужики-колхозники, решив проучить каркающего Соловья, в одну ночь унесли у него топор, в другую — мотыгу, в третью — однолемешный аксайский плужок, приобретенный как раз в канун коллективизации. Обнаружив пропажу, Яков поднял невероятный шум, его ругань долетала до самых дальних улиц и проулков села; всем односельчанам подряд он грозил страшными карами, собиравшись «писать прошение» главному районному начальнику. Исчезнувшие орудия, конечно, отыскивались, но получил их Яков не прежде, чем выслушал от мужиков внушение:

— Ты же, Соловей, уверял нас, что можешь прожить без города. Вот бы и жил. Топор, мотыга и плужок-то городские люди смастерили — зачем бы тебе все это в твоём хозяйстве? Молчишь? То-то и оно...

Принимая возвращаемые ему вещи и матерясь потихоньку (без этого Яков перестал бы быть Яковым), Соловей, которому тяжелее всего было признавать себя побежденным, все-таки вынужден был сдаться, пробормотать себе под нос:

— Топор, лопата там, плуг, конешное дело, нужны в хозяйстве, кто ж тут спорит?.. Не об том я толкую...

А мы, дети, в те как раз времена вдохновенно декламировали в школе безыскусные строчки:

Слушайте — грусть о металле
Льется по нашей стране:
— Стали! Побольше бы стали!
Меди! Железа — вдвойне!

Нынешние наши стихотворцы, искусные по части рифмования, улыбнутся этому «стране — вдвойне», но тогда мы не вникали в такие тонкости, нам важен был смысл, а смысл этот был действительно важным. Металла, металла и еще раз металла требовала одевающаяся в броню, чтобы выжить и победить, юная Республика Советов. Оттого-то, ошеломляюще радостным было для нас вступление в село первого трактора. Деды и отцы, разумеется, поначалу были сдержаннее своих внуков и сыновей, они хотели бы увидеть железного пришельца в работе. Сколько там, в «Форд-зоне», десять или двенадцать лошадиных сил? Трудно поверить, чтобы в таком самоваре мог поместиться целый лошадиный косяк...

Как это ни странно, но первым вышел на поле тогда Яков Соловей. Вернувшись в село, поспешил поделиться с мужиками своими, как бы мы теперь сказали, впечатлениями. Я случайно оказался возле своего отца и потому хорошо запомнил то, что сказал Соловей:

— Вонючи от него — не продохнешь, всю землю нефтой пропитает, на ней не то што хлеб — и репей аль осот не вырастут. Вот попомните мое слово!

Может, кто и вспомнил Соловьево предупреждение, когда сражался с этими презлющими сорняками, которым глубокая тракторная вспашка оказалась впрон. Но тогда, в тридцатом, оно мало кого смутило: от Якова иного и нельзя было услышать. Ежли что и тревожило мужиков, то разве лишь то, что трактор был не нашенским, а заграничным, «странным», как говаривалось у нас, и стоил он, как выяснили первые колхозники, зело дорого. «Не разорит ли нас, в самом деле, мериканец, не обдерет ли, как белку, за энти трахтуры?» Когда же на Неве, а затем и на Волге из заводских цехов один за другим выехали отечественные машины, и это сомнение относительно дороговизны заморских машин отпало.

Продолжение следует.

В минувшей пятилетке на строительстве Байкало-Амурской магистрали одержаны большие трудовые победы. Идут поезда по линии «малого» БАМа. На Западном участке рельсовый путь достиг Кичеры — позади тяжело доставшийся строителям Байкальский тоннель. На Восточном участке действует стальное кольцо Ургал — Комсомольск — Хабаровск — Ургал...

К концу одиннадцатой пятилетки рельсы всех участков составят единое целое — Большую дорогу к океану, Байкало-Амурскую магистраль. Таковы решения XXVI съезда КПСС. Таковы обязательства бамовцев. Сегодня с востока и запада тянутся руки строителей, чтобы сомкнуться в рукопожатии где-нибудь у вершин хребта Кодар.

РУКОПОЖАТИЕ НАД МАГИСТРАЛЬЮ

ДОБРОВОЛЬЦЫ

В. КУЗНЕЦОВ

В салон автомотрисы, напоминающий трамвайный вагон уменьшенных размеров, я поднялся последним. Ребята из бригады Валентина Шпенюкова подхватили меня в заранее условленном месте, прямо на перегоне. Медленно перебирая двумя колесными парами стыки, покачиваясь на еще зыбких рельсах «сырой» дороги, автомотриса поплыла на восток. В ее окнах, сменяя друг друга, хвастаются яркими красками — желтыми, малиновыми, бирюзовыми, голубыми — жилые кварталы Усть-Нюкжи, древнего поселения эвенков и железнодорожной станции с тем же именем. В начале года на землю Усть-Нюкжи пришло рельсовое полотно. Еще в феврале монтеры пути бригады Валентина Шпенюкова на четыре месяца раньше срока соединили ее с Тындой, а за ней и со всем железнодорожным миром.

...Водитель добавил скорости, стук колес на стыках участился, резче стала качка, но это не помешало дремавшим парням досматривать утренние сны.

Вот предыстория моего путешествия. Вчера бригада Шпенюкова работала с балластерами. Домой — в «бронепоезд», то бишь специальный состав, состоящий из жилых и служебных вагонов, — вернулись поздно. После ужина всей компанией двинулись в дискотеку. Перед

сном комсорг Дмитрий Македонский предложил десяти добровольцам выйти с утра пораньше на укладку пути у моста на 1420-м километре. Туда и везла сейчас нас автомотриса...

Бригада Шпенюкова ведет дорогу от Тынды и далее — на Чарском направлении. Монтеры с каждым новым звеном рельсов приближают час сквозного движения по магистрали. В договоре, подписанном Валентином Шпенюковым и Александром Бондарем, руководителем такой же бригады на Западном участке, проставлена дата стыковки — 29 октября 1984 года. День рождения Ленинского комсомола. Примерное место стыковки — Кодарский тоннель.

В бригаде Валентина сорок человек. Мало. Не исключено, что ребят здесь будет вдвое больше. Сейчас Валентин проводит отпуск в Николаеве, а там у него тесные связи с обкомом комсомола, и он ведет переговоры о пополнении. Шпенюков считает, что пора на базе их «бронепоезда» создать передвижную мехколонну. Чтобы не только укладывать железнодорожное полотно, но и самим

Иван Кивачук — один из лучших проходчиков Северо-Муйского тоннеля * Памятник первопроходцам на станции Кичера * Поезд Чарского направления * В забое Восточного портала Северо-Муйского тоннеля * Герои стройки первого мысового...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Все ближе и ближе стыковка... * В таких вагонах живут строители из бригады В. Шпенюкова * Электробалластер готовит линию Тынды — Чара к эксплуатации * Бригадир проходчиков Рамазан Махмудов.

Фото В. КУЗНЕЦОВА
и Г. РОЗОВА

доводить дорогу до эксплуатационного состояния.

А пока рабочие составы с грузами идут по свежеуложенному пути — нужды стройки заставляют. Естественно, неприкатанная, неотбалластированная «временка» постоянно требует ремонта, доводки, а на них уходят недели и немалые деньги.

Решение напрашивается одно: усиленная, довооруженная бригада Шпенькова могла бы вести полотно капитально. Трест готов дать необходимую технику и заключить с коллективом подряды на укладку и доводку строящихся участков, так чтобы уже начинать эксплуатацию железной дороги.

Лев Лейбович — член совета бригады, сорокалетний мужчина, в прошлом преподаватель Николаевского пединститута. Он работает по второму разряду, а деньги получает по третьему, а то и по четвертому. Оплату установило общее собрание в полном согласии с вышестоящими инстанциями. Все определяют коэффициент трудового участия — КТУ, и надбавки за инициативу, за рационализаторские предложения, предотвращение простоев и так далее. Нарушение трудовой дисциплины, допущение брака ведут к вычетам.

У Лейбовича высшее образование. Не слишком ли для монтера пути?.. Лев объяснил: «Зато дело по душе». Кстати, в бригаде его диплом не единственный, имеются у ребят и вузовские и техникумовские дипломы. Высшее образование имеет и Валентин Шпеньков: окончил машиностроительный факультет политехнического, а сейчас заочно учится в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта.

...Скрип тормозов, автомотриса застыла в нескольких метрах от путеукладчика. И сразу преобразились дремавшие парни. Быстро выпрыгивали из автомотрисы, прихватив с собой ключи, монтерские ломы, лопаты.

Рельсы обрывались на берегу горного ручья, впадающего в Нюкжу. Геннадий Напсигов, инженер из треста, объяснил, что теперь рельсы лягут на мост, с которого только вчера ушли мостовики, и что ночью здесь пройдет первый рабочий поезд. Первый!..

Память восстановила недавний разговор — еще в Тынде. Мои собеседники высказывали недоумение по поводу досрочной укладки. Зачем торопиться с рельсами, если не готовы мосты? Зачем делать дорогостоящие временные обходы? Для того, чтобы рапортовать? А потом возвращаться и ликвидировать обходы? Как пример приводили Усть-Нюкжу, вот эти рельсы. Проблему прояснил управляющий трестом «Тындатранстрой» Станислав Николаевич Волковинский:

— Досрочный приход в Усть-Нюкжу? Могу даже сказать, что общие затраты на обходы мостов и прочих препятствий обошлись тресту в полмиллиона рублей. Но есть и другая цифра: три с половиной миллиона рублей экономии! Они получены за счет доставки строительных грузов по временным обходам. Каждая перевезенная по железной дороге тонна в одиннадцать раз дешевле, чем тонна, доставленная автомобилем. Вот почему на БАМе рабочие поезда пускают вслед путеукладчику...

Евгений Алехин, машинист путеукладчика, запустил двигатель. Путьцы знают свое дело. Легла решетка из рельсов и шпал на землю. Отцепив ее, укладчик сдал назад. И тут же Петр Дьяченко, Леонид Ринг, Владимир Самсонов и Виктор Кулабуков с помощью «целовальника» ударами в торец рельса выравнивают уложенное звено. А Лев Лейбович и Павел Алещенко сбаличивают с магистралью двадцатипятиметровый кусочек железной дороги. По новенькому звену двинулся вперед путеукладчик. На весу у него очередная решетка.

Через несколько часов рельсы легли на мост, потом — сомкнулись. Последний обход на линии Тында — Усть-Нюкжа ликвидирован.

Друзья родились на БАМе * Спортзал никогда не пустует * Такие благоустроенные дома возводят в Северобайкальске ленинградцы * Леонид Ринг — строитель БАМа * Укладка пути на 1420-м километре * В столовой тоннельного отряда.

«СКАЛА БЕЗ ЗНАКА КАЧЕСТВА»

Георгий РОЗОВ

Над порталом тоннеля — слова из перефразированной на БАМе песни: «Тоннели строят настоящие мужчины». В тоннеле хлюпикам не место. Это везде так: и в Москве и в Нуреке. Но здесь, на БАМе, еще труднее...

В тоннеле как в турецкой бане. И жарко и сыро. Температура — плюс тридцать, влажность воздуха близка к ста процентам. С каменного неба моросит теплый дождичек, а под ногами холодная речка. Попахивает преисподней; наверное, оттого, что где-то бьет радоновый источник. Минут через пять начинает мучить тяжелый пот. Потееют и фотоаппараты, вспышки срабатывают сами по себе. Спросил у проходчика Ивана Кивачука:

— Как вы тут работаете?

— Это! что! — снисходительно улыбнулся в ответ Иван. — Самое страшное позади... Тогда в забое сорок пять жарило, а теперь курорт!..

Северо-Муйский хребет крепко насолил проходчикам. С виду гора как гора. А начина... То сыпучий песок, то песок водонасыщенный, текучий, то гранит, то подземная река или горячий радоновый источник. Сначала продвигались удручающе медленно: по десять метров за месяц. Штольню заливало водой с песком. Потом пошла прочная скальная порода, но счастье было недолгим — снова песок. И на сей раз вывал. Завалило проходческий комбайн. Потянулись месяцы... Чтобы освободить машину из плена, пришлось вручную бить обходные штольни. От тех времен и осталась в Северомуйске песенка, написанная проходчиком Юрием Буровым:

Пошла скала без Знака качества,
А по-научному — разлом.
И начались у нас чудачества,
Шальными штольнями идем.
Полгода у разлома маялись,
Замучил он, проклятый, нас...

В те тяжелые дни никто не дрогнул, никто не уволился, не убежал в более благополучные тоннели.

Виктор Рябов — самый молодой в Министерстве транспортного строительства начальник тоннельного отряда. Ему нет тридцати. Окончил Виктор Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Прошел по всем ступенькам лестницы: сменный инженер, начальник участка, главный инженер тоннельного отряда, а сейчас — начальник. Такая карьера на БАМе скорее правило, чем исключение. Условия здесь таковы, что люди быстро мужают, набираются опыта.

После проходки первого километра работа в тоннеле спорится. Дренажная штольня углубилась в тело коварного хребта на два километра триста двадцать шесть метров. Сам тоннель стал длиннее на сто пятьдесят. Открыт второй забой, где сейчас монтируется буровая рама. Работа пойдет еще быстрее! Ведь не зря в первом квартале этого года тоннельщики одиннадцатого отряда были признаны лучшими в Советском Союзе. И Красное знамя получили! Отпраздновали — и продолжили в Северомуйске поединок с хребтом, со скалой: стенка на стенку.

Виктор Рябов заметно оживился:

— Условия в тоннеле, видели, какие? Стараемся по возможности их улучшить. Медиков пригласили. Они нам обещают наладить кислородный «водопой». Прямо в забое. Теплицу построили. Грунт для нее за двести километров возили. Скоро огурцы в поселке будут. Свои! Братья Овчинниковы уже рассаду высадили...

Есть и курьезы. Вот типичный: проектировщики занизили «процент семейности», когда проектировали поселок. Они почему-то решили, что на БАМе одни холостяки будут жить. А тоннельщики теперь маются... И всю дорогу так: построим, а потом уговариваем заказчика «узаконить» то магазин, то стадион, то

спортзал с бассейном... Со стройбанком война по таким поводам. Не все понимают, что если проходчик не отдохнет наверху, то под землей от него большой отдачи не жди...

— А за проходку вы теперь спокойны? — спросил я у Рябова.

— Пока гранит — да. Но ждет нас двадцатиметровая прослойка слабой породы. Однако теперь мы ученые!

Вдоль дороги с Восточного портала на Западный расположились четыре маленьких поселка. В центре каждого усеченная пирамида копра. Идет проходка четырех вертикальных стволов. В каждом из них будут открыты новые забои, для того чтобы быстрее шли дела в Северо-Муйском тоннеле. Важность этих стволов, их отдача будут постепенно возрастать.

А вот на Западном портале проходка застопорилась — и в основном тоннеле и в транспортно-дренажной штольне. Вывал надолго запомнится ребятам из восемнадцатого тоннельного отряда, — всего-то семь минут!.. В штольню ворвалась река: вода с песком. Электровоз с вагонетками утащило от забоя метров на двести. Песок задраил проходческий щит, его и по сей день не откопали. Одним словом, без Знака качества скала повстречалась.

Объективности ради надо признать, что разведку тут провели не слишком тщательно. Позже съемка Северо-Муйского хребта из космоса показала, что разведочные скважины прошли каменную плоть хребта как раз по краям довольно широкого разлома, а по дну его протекает река.

Крепким орешком оказался самый длинный на БАМе тоннель. Но раскусят и его! Начальник восемнадцатого отряда Владимир Абрамчук предложил пробить еще одну водопонижающую штольню. В ней решено оборудовать водосборники и откачивать воду мощными насосами. Уровень воды в разломе понизится. И тогда проходку возобновят. Сейчас идея Владимира Абрамчука воплощается в жизнь...

От Северобайкальска до Нижнеангарска магистраль пойдет вдоль Байкала. Рельсы уже лежат, и поезда ходят. Но по временной ветке. А пока на двадцатишестикилометровом перегоне готовят четыре мысовых тоннеля. Каждый сам по себе невелик, но общая длина их более пяти километров. Это еще один Байкальский тоннель! Работа не малая. К тому же тоннели двухпутные, каких тут еще не строили. Дворцы! Проходку мысовых тоннелей ведет отряд, в котором лучшая в Бурятии бригада проходчиков Владимира Шильникова. В первом квартале она прошла двести пятьдесят метров. Очень высокая скорость — ведь тоннельщики иногда измеряют суточную выработку в сантиметрах.

Сбойка — всегда праздник для тоннельщиков. В день сбойки взрывники закладывают последний заряд. Грохочет взрыв, и в проломе открывается вторая половина тоннеля, которую долгие месяцы, а иногда и годы пробивали навстречу тебе товарищи. Здесь проверяется точность работы маркшейдеров — штурманов подземных экипажей. Кстати, на БАМе маркшейдеров вооружили новейшей техникой, в том числе и лазерами...

Мне повезло, я застал сбойку первого мысового тоннеля. Герои дня — ребята из бригады Рамазана Махмудова. Принаряженные, с красными лентами через плечо, на глазах представителей всех бамовских тоннельных отрядов они рванули победный заряд, затем вывезли осколки гранита и, смущенные всеобщим вниманием, принимали поздравления. Есть первый мысовой! А потом снова ушли под землю — на восток, на восток. Позади пятикилометровый Байкальский тоннель, пройденный на год раньше срока. Впереди самый сложный в истории отечественного тоннелестроения пятнадцатикилометровый Северо-Муйский.

«ЛИШЬ БОРОТЬСЯ»

27 августа исполняется 125 лет со дня рождения великого украинского писателя, революционера - демократа Ивана ФРАНКО.

Корреспондент «Огонька» беседует с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, писателем Олесем ГОНЧАРОМ.

* * *

— Однажды меня спросили, что больше привлекает в художественном наследии Ивана Франко — его проза или поэзия, и я ответил, что для меня Франко неделим. Это нечто монолитное, грандиозное. Это огромный духовный мир. По одному из лучших стихотворений поэта, «Каменяры», в народе чаще всего и его называют просто Каменярем. С самого раннего детства, насколько помню себя, рядом с «Кобзарем» Тараса Шевченко были стихи и прозаическое слово великого Каменяря. — Так начал рассказ о «вечном революционере» Александр Терентьевич Гончар.

— Думая об Иване Франко, мы думаем о духовном величии человека, перед нами поистине титан труда. После Шевченко в нашей украинской культуре это самая крупная личность. Человек труднейшей судьбы, заря жизни которого начиналась у маленького огня закопченной отцовской кузницы, а высокий жизненный закат догорал в лучах европейской славы.

Писатель, революционер, общественный деятель, ученый, историк литературы, переводчик — будущее поколения людей будет поражать масштабность творческих свершений этого гения украинского народа.

И во всех своих качествах он был прежде всего глашатаем человечности, верным сыном народа, другом простых людей, ибо с детства впитал их думы и чаяния. Впитал настолько органично, что личное и общественное

было для него нерасторжимо, — не потому ли Франко, будучи студентом, уже обладал огромным духовным магнетизмом, привлекавшим к нему множество молодых людей.

А образованность Ивана Франко? Сначала, как известно, он учился в Дрогобычской гимназии, а потом во Львовском университете и уже с той поры поражал окружающих знаниями, начитанностью, владея почти всеми европейскими языками, с юности постигнув величайшие творения мировой художественной мысли.

Художник и революционер. Эти понятия в личности Ивана Франко неотделимы, неразрывны. «Лишь бороться — значит жить», — писал он.

Стихи привели его в тюрьму, но в тюрьме он создавал новые, еще более пламенные революционные произведения, которые воспламеняли людей на борьбу, потрясали читателей мужеством духа. Одни названия говорят сами за себя: «Товарищам из тюрьмы», «Всюду преследуют правду», «Вечный революционер»... Да, именно революционными стихами он входил в души современников, благодаря огненной силе слова прежде всего он стал поэтом мирового значения. Столетний юбилей Франко решением Всемирного Совета Мира отмечался в международном масштабе.

Первая книга поэзии Ивана Франко «С вершин и низин» (1887) стала после «Кобзаря» Тараса Шевченко как бы новым этапом в развитии украинской поэзии. В ней воспет «вечный революционер» — творческий дух человека, борющегося за идеалы прогресса и гуманизма. И сегодня эта книга входит в сокровищницу мировой демократической поэзии.

А ныне ставшие классикой «Увядавшие листья» (1896) представляют собой книгу тончайшей интимной лирики, многие стихотворения которой положены на музыку и сегодня продолжают звучать, волнуя наших современников. И это лучшее свидетельство, что перед нами поэзия жизни, бессмертное создание гения.

Нужно еще добавить, что Франко был автором многих поэм, и лучшая из них — знаменитая поэма «Моисей», в которой с необыкновенной силой передана трагедия народа, попавшего в бедствие, и сила преданности этому народу его ясновидящего сына. Как известно, сюжет поэмы библейский, но он наполнен у Франко новым содержанием, и кажется мне, что по художественной силе он не уступает библейским образам.

И еще целый мир — переводы Франко. Никто, пожалуй, на Украине, кроме Леси Украинки, не сделал столь много для знакомства своего народа с художественными достижениями других народов. Ведь представим себе, в каких условиях пребывала тогда Украина: разорванная между империями на куски земля, народ, находящийся под игом социального и национального гнета, — в этих условиях формировать культуру нации было очень сложно. Огромны заслуги Франко в деле просвещения трудящихся. Он знакомил земляков с идеями социализма, с произведениями европейских писателей и мыслителей, художников и философов Востока. Он духовно воспитывал украинскую молодежь на лучших образцах революционной мысли. Франко для Украины в тех исторических условиях — это поистине целая академия!

— Александр Терентьевич, не все читатели, наверное, знают, что с именем Франко связано появление едва ли не первых в европейской литературе произведений о рабочем классе.

— Вы имеете в виду, конечно, «Бориславские рассказы» и повесть, ставшую необыкновенно популярной, «Борислав смеется». Да, эти произведения волнуют читателя и сегодня, ибо они глубоко правдивы, проникнуты заботой о трудовом людe, сочувствием к нему.

Это же качество свойственно и Франко-драматургу. Его исключительной силы социальная драма «Украденное счастье» и в наши дни не сходит со сцены. Именно в этой пьесе раскрылся блестящий талант Амвросия Бучмы и Натальи Ужвий, чьи дарования способствовали триумфу драматургии Франко.

Уж коль мы говорим о разносторонности гения Франко, непременно следует отметить его научные заслуги, удивительную проникновенность мыслителя. Его исследования литературы, меткость характеристик, сила предвидений поразительны. На грани эпох, в начале нового века он отстаивал реализм, народность искусства и в этом смысле тоже заменял нам академию, хотя сам-то как трудно он пробивался к высотам науки. Будучи доктором, Франко не был допущен к преподаванию на кафедре Львовского университета, так как против него ополчилась галицийская реакция, в борьбе против поэта объединились и шляхта, и националисты, и злобствующие мещане всех мастей, не прощавшие поэту его свободомыслия и ханжески заявлявшие: «Разве можно поручить кафедру человеку, который ходит в потертом сюртуке?» Последнее, кстати, было правдой, ибо Франко практически никогда не выходил из нужды. И это при том, что имя его как ученого и писателя было уже известно всей Европе.

— Но известно, что русские ученые, такие, как Шахматов, прочили Ивана Франко в члены Российской академии...

— Царизм воспротивился и этому. Правда, к 50-летию Франко стараниями русских и украинских ученых его удостоили — в Харьковском университете — степени почетного доктора российской словесности. Эту акцию приветствовала передовая общественность и в России и на Украине. И вот здесь, наверное, уместно отметить огромное значение, которое придавал Франко русской литературе, передовой общественно-философской мысли. Для него это всегда был живой источник. Конечно, как личность исключительного духовного богатства и независимости ума, Фран-

-ЗНАЧИТ ЖИТЬ»

ко складывался во многом самостоятельно, но при этом, как истинный интернационалист, он черпал опыт других народов, высоко ценил все лучшее, что создавал гений русского народа. Крылатыми стали слова Ивана Франко о великой русской литературе: «Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным».

Франко прекрасно знал современную ему русскую литературу, многое успел перевести на украинский язык и всю свою жизнь трудился во имя углубления дружбы культур народов-братьев.

А как открыто, искренне приветствовал он революцию 1905 года! С каким жаром ждал каждой брошюры, издававшейся в Женеве русскими революционерами. А еще раньше, знаем мы из его биографии, когда его, молодого человека, судили и суд всяческими подлогами пытался «доказать» его принадлежность к тайному обществу, Франко заявил, что он таковым не является, хотя и не скрывает своей симпатии к социализму, к социалистическим идеям. Это заявление произвело широкий резонанс в Галиции, для многих молодых людей стал примером этот человек мужества, тот, кто честно и с достоинством вел себя на процессе, не скрывая своих передовых убеждений.

Образно выражаясь, Иван Франко был на гребне страстей своего времени, все сходилось на личности этого выдающегося сына украинского народа.

— И все-таки прежде всего Франко был высокоодаренным писателем, художником слова. Издательство Академии наук УССР ныне выпускает 50-томное собрание сочинений Франко, которое тоже вряд ли исчерпает все художественное наследие великого Каменяра.

— Да, вышло уже 27 томов этого уникального издания. Огромность сделанного поражает. Читатель, который знакомится с этим изданием, согласится, что украинский народ имеет полное право назвать Ивана Франко человеком подвига, перед нами явление феноменальное, титанизм творчества. А прожил автор на свете менее 60 лет.

— Александр Терентьевич, хотелось, чтобы вы рассказали о влиянии Франко на литературу мира, и прежде всего на украинскую литературу.

— Когда речь идет о связях культур, о сложнейших взаимных процессах, вряд ли уместным будет этот шаблонный термин «влияние». Правильнее говорить о взаимовлиянии. О значении русской литературы в творчестве Франко мы говорили, но опыт самого Франко был тоже небезразличен для русской, польской, немецкой и других литератур, ибо печатался он на многих языках. Заслуга Франко в том, что он утвердил реалистическое течение в нашем искусстве. Эстетика его всегда подразумевала народность. Декадентские веяния на рубеже столетий были весьма сильны и угрожали не одному из пишущих вырождением, оторванностью от судеб народа, анемией, бескровностью. Франко почувствовал это сразу, ведь его муза была вскормлена черным мужицким хлебом. Его слово, художественная практика, его взгляды, в которых воплотились достижения и русских мыслителей Чернышевского, Герцена, Добролюбова, сыграли свою решающую роль.

Обладая безукоризненным вкусом, чутьем на таланты, дальновидностью, он уже на первых порах поддержал и юную Лесю Украинку, и Коцюбинского, и Ольгу Кобылянскую, Василя Стефаника, и Марко Черемшину, и Леся Мартовича, и многих других. Сплочение молодых сил на почве реализма сказалось на

последующих десятилетиях украинской культуры. По его заветам позднее сформировались такие сильные таланты, как Ярослав Галан, Степан Тудор, Петро Козланюк, Александр Гаврилюк. Люди новой эпохи, они во многом обязаны Ивану Франко. Скажем, вековая мечта о воссоединении украинских земель в душах людей была подготовлена намного раньше ее физического воплощения. Гаврилюк был «зачарован на Восток», Стефаник «выходил на угол своей хаты» и посылал мысли и чувства свои к братьям на Советскую Украину...

В сегодняшней украинской поэзии чувствуется наука Франко-интернационалиста. Гражданская страстность, идеи дружбы народов пронизывают творчество Дмитро Павлычко, Бориса Олейника, Ивана Драча — читая их, вспоминаешь их великого предтечу.

Франко современен прежде всего человечностью, страстным патриотизмом и гуманизмом. Его бессмертное стихотворение «Вечный революционер» по-прежнему выражает духовную мощь любого народа, стремящегося к свободе. А чем современного зрителя привлекают постановки пьес Франко? Искренностью эмоций, могуществом и красотой человеческого духа, силой ума. Чистотой помыслов, мечтой о лучших нравственных отношениях между людьми. Франко дорог нам своей неукротимой гуманистической страстностью, устремленной в будущее правдой человеческой жизни.

И в нашу тревожную эпоху Иван Франко предостерегает, вновь и вновь напоминая о том, как сложны пути человеческого развития и каких верных, бесстрашных защитников требует сегодня человеческая цивилизация, будущее людей, их светлые идеалы.

Вот почему автор «Вечного революционера» вечно жив и неисчерпаем.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ

Т Р О П А К А М Е Н Я Р А

Крутой раскат его улицы, берущий начало от остроконечного мемориального особняка, огибает массив Стрыйского парка и петляет дальше, почти через весь старый город, к рыночной площади.

Этим путем много лет он ходил в редакцию «Курьера Львовского», а в последние годы — уже с парализованными руками, больной и одинокий, — на рынок за продуктами. Торговки привычно доставали у него из подставленного кармана кошелёк, опускали в висевшую на сгибе локтя сумку продукты, и он шел обратно в гору, домой — класть на бумагу дрожащие буквы подвязанным к неподвижным пальцам пером.

Как судьба отдельного человека становится воплощением судьбы народа, заветом грядущим поколениям?

Я думал об этом в городе Ивана Франко, бродя средневековыми улочками старого Львова.

Поэт и ученый, писавший на пяти языках и переводивший с четырнадцати, предстает истинным патриотом-интернационалистом, чье творчество питалось народными источниками, национальной украинской культурной традицией, опираясь в то же время на достижения классической литературы и передовой общественной мысли братской России.

Изнурительный, подвижнический труд был основным содержанием жизни Ивана Франко, о зрелом пе-

риоде которой сам он однажды отзывался так: «Дальнейшее описание моей жизни может заменить библиографический список моих работ».

В канун сорокалетия литературной и общественной деятельности писателя, 2 июля 1913 года, во Львов съехались делегации из России и Австрии, Польши и Украины, посланцы галицийских крестьян и украинских земледельцев в Канаде. Увы, ни лавровый венок с серебряными листьями, ни богато отделанный бронзой символический «рог изобилия» — подарок прекрасной оперной певицы С. Крушельницкой не спасли прославленного на весь мир юбиляра от жестоких тисков бедности.

Посетители музея-квартиры И. Франко подолгу стоят перед необычным документом — обращением Львовского научного общества имени Т. Шевченко к украинской общественности. В обращении говорится: «Один из выдающихся наших писателей последнего поколения — Иван Франко — тяжело и неизлечимо болен... Он сам и его близкие остаются без всяких средств к существованию, без надежды на медицинскую помощь и соответствующую опеку... Просим вас заняться сбором денежных средств среди ваших знакомых...»

Случались дни, когда ему не на что было купить себе кусок хлеба. Болезнь приковала к постели жену, унесла старшего сына. Силы

таяли. Но и умирая в муках, он не переставал диктовать дежурившим у его изголовья студентам...

Он ушел из жизни, чтобы возвратиться к людям заповедной лесной тропой своего детства, девятнадцатимиллионными тиражами книг на 60 языках... Ушел, чтобы следом за ним пришли его ученики и преемники — будущее его родной литературы, которое он предчувствовал и в которой всегда будет жить.

Хоронили Франко в рубашке, принесенной соседкой. Гроб с телом поставили в чужую гробницу на Лычаковском кладбище и лишь в 1921 году перенесли на новое место. Спустился еще двенадцать лет могила наконец украсилась памятником — могучий каменяр дробит киркой грозную скалу.

Но было и другое: вот свидетельства очевидцев, застигнутых 28 мая 1916 года скорбной вестью, что Франко не стало.

«С букетами сирени мы пошли к его дому и застали там уже двух гуцулов-солдат, которые стояли на коленях у кровати Франко и горько плакали...» Дальше «был ясный солнечный день. В полдень начали наплывать массы народа. Количество участников похоронной процессии доходило до десяти тысяч. Прощальные речи затянули похороны до 24 часов, когда звезды покрыли чистое вечернее небо».

Ю. ОСИПОВ

Дом-музей И. Франко во Львове.

Моис БСИСУ

Что может написать поэт
в развалинах, в пыли,
в эту собачью пору!

Прочь, прочь от глаз моих свечу!
Она мне губы воском закрепила —
и все ж... я не молчу!
Прочь с глаз моих волну!
Она меня ко дну тащила —
и все ж... я не тону!
Дай капельку чернил! Предай
меня ножам —

им адрес чувств известен!
Дай капельку чернил... Убей меня
на месте!

Ладони я не прятал меж страниц.
Не погребал героев, словно птиц,
за облаками...
Я — поэт.

И мне стихи мои что почва
под ногами.

Ах, если б только были вы
со мной!
Тогда б цветок пробился между
ребер,
и мы б в траншее выросли одной,
и колоска составили б сиянье,
поправ все времена и расстоянья.

За мной, могилы павших!
За мной, стихи восставших!
За мною, письма вольные!
За мной, станки подпольные!
Пусть руки искалечены,
копай траншеи с жаром!
Огонь родится вечный
из тысячи пожаров!

О вы, рожденные свечой!
Свеча растаяла, но рот
не закрепила.

О вы, рожденные волной!
Волна отхлынула, но кровь мою
не смыла.

Я сам уже — свеча.
И капля, по щеке стекая,
звездой сверкает.

Гранит беременный родит стену!
Мой дом... Я дом утратил рано.
Окном мне светит в баррикаде
брешь,

я сам зияю одинокой раной.
Дай рифму павшим,
похороненным в стихах...

НА БАРРИКАД

Молчат газеты! Им не нужно это!
Кто ж голову теперь положит
под топор?
Кто с волнами морей продолжит
спор?
Кто гребень обнажит победы?

БАРАБАН

Земля... пропала!
И не стало
впрямь — ни кола и ни двора.
И меч пропал. Ну и пора!
Ни мельница молот не стала,
ни башня — укрывать от зла.
Остался только барабан.

«Я завещаю вам, рабам:
раз — барабан,
два — барабан,
три — барабан.
Тысячекратно
я завещаю вам, рабам,
ваш барабан.
Вам все понятно?
И день и ночь ему греметь,
смокать не смей, не смей,
не смей!»

Стали дубинами бить в барабан...
Да дубины сломались!
Стали кулаками бить в барабан...
Сухожилия порвались.
Стали головами бить в барабан!
Лбами дубовыми бить
в барабан —
додолбались.

Глыбоголовые бьют в барабан
что есть мочи.
Каменнолобые бьют в барабан
дни и ночи:
бам-бара-бам-бамба-ра-бам,
амба — рабам!..

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

Как этот бокал,
что солнце дарит тебе
до капли последней,
как виноградная гроздь,
что всю душу тебе отдает,
как звезда далекой вселенной,
чей свет только завтра придет,
как чайки над морем полет,
звучит твоё имя...
Лахорский олень!
Ты — рисунок цветка
на мостах наведенных!
Я имя твоё
всем красотам природы дарю.
Детства рассвет, героизма зарю,
любовь несбыточную —
в снах, наяву —
я именем твоим, Фаиз, зову!

Я именем твоим нарекаю
улицу на родной земле,
где еще не ступала нога
писателя,
чья книга только завтра выйдет...
Олень Лахора!
Мы — на улицах Москвы,
Москвы, чье сердце нам с тобой
открыто
и чья рука — всегда опора другу!
Я поднимаю тост за улицы
Москвы —
за гостеприимные объятия
и за лицо твоё, Фаиз бесстрашный!

С игрушкой в руках иду к тебе,
с касыдой этой, — маленький
ребенок,
взлететь возжаждавший с пеленок
на беленьком бумажном голубке.

РОСТСЕЛЬМАШ *

Мы в поля пшеничные войдем.
Мы вплывем в них красными
комбайнами.
Если вас шесть тысяч пар
рабочих рук —
тысяч шесть всего упрямых,
верных —
в тысяче седьмой я буду первым!
Если вас двенадцать тысяч
колосков,
рядом с вами я,
двенадцатитысячепервый!
Если вас сойдется тысяч
пятьдесят,
первым буду я в шестом десятке
тысяч!

Мы пшеницею засеём белый свет
и пространства вспашем
звездолетами.
Испечем мы хлеб — вкуснее нет,
не оставим никого голодными!
Небосвод поставим кубком
в полный рост
и за будущее выпьем
братский тост!

Перевел с арабского
Игорь ЕРМАКОВ.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

На родине
для меня
приготовлен капкан.
Но спрятано в рощах
наше оружие,
луна размножает листовки,
звезда Галилеи
дрожит
над ветвями смоковниц,
где притаились бойцы.

Сердце стучит,
как печатный станок, —
для тебя,
древо Иерусалима,
для вас,
мои братья.

Взгляните,
взлетают листовки,
снуют воробьи,
извиваются улицы,
окна плывут,
и все движется
перед глазами,
словно печатная вязь.
И ладони мои
прикасаются
к географической карте,
и на клочке

* Зимой этого года Моис Бсису был в гостях у труженников Ростсельмаша, где читал свои стихи в цехе сборки комбайнов.
В память об этой встрече и написано стихотворение «Ростсельмаш».

меж Наблусом и Иерихоном
пишутся эти стихи.

На родине
для меня
приготовлен капкан.
Там даже камни стоят,
как солдаты —
по стойке «смирно»,
и злодейские винтовки
молча нацелены
людям в сердца,
и почва дрожит
в ожидании тайных облав,
и ладони вдов молодых —
зеркала несказанной тоски.
Руки мучеников
заслоняют горячее небо.

Мой учитель,
мир с вами,
вы нас научили читать,
и предсказывать
завтрашний день,
и понимать голоса
земли и небес.
А теперь —
мы научились
прокрадываться по ночам
мимо птиц,
виноградников,
мимо ночных мотыльков,
мимо памяти,
мимо траншей Назарета,
мимо домашних огней...

На родине
для меня
приготовлен капкан.
А в Рафахе
остался мой карандаш,
которым мальчишка из Газы
сегодня рисует
на географической карте
гору Кармел
и раскрашивает Палестину
в родные цвета.
Скоро он
будет участвовать
в первой своей забастовке.

На родине
для меня
приготовлен капкан.
Как хорошо,
что малыш из Аммана
тоже рисует
на карте
лицо Палестины,
и школьники,
дети ливанского Юга
рисуют меня:
птица — на левом плече,
а в правой руке —
готовая к бою граната.

А в Ливане
сегодня мелют зерно,
из которого будет
выпечен хлеб
для детей
нашей земли.

На родине
для меня
приготовлен капкан.
Мальчик из Газы
рисует кедр —
древо Иерусалима,
где птицы дрожат на ветвях.

Е-ПЕСНИ

Малыш вырастает,
готовится
к первой своей забастовке.
И я
движусь
навстречу ему.
и несущу ему книги свои,
и старые карандаши,
и фотографию матери
у дома,
где я родился.

Я иду,
я иду,
я иду
к нему — чтоб рассказать,
о чем стонут деревья,
о чем совещаются камни,
о чем возвещает луна,
о чем помнят улицы наши,
о чем
молча кричат
осыпи старых траншей...

КВАРТЕТ

Не выслушивай воспоминаний,
и книг не читай,
и не листай газет.
Этот век —
словно женщина
из семьи Бармакидов,
истребленной халифом.
Уцелевшая женщина —
та, за которой
по улицам
гонится евнух Масрур,
знаменитый палач.

Милый мой,
на любого из нас найдется
Масрур.

У него есть задание —
головы наши
снять,
положить на тарелки,
подать их к столу,
где ужинают господа.

Террор и предательство —
два закадычных друга.
Вместе
сидят за решеткой,
спят на одной постели,
песни горланят дуэтом,
пьют за двоих
и вдвоем.
А мой друг захотел
всю правду сказать,
до конца.
Но зубы вампира
слишком длинны и остры.

И друг
притворился свихнувшимся,
чтоб уцелеть,
а после —
когда притворяться устал
и глянул вселенной в лицо,
он по-настоящему спятил,
всерьез, навсегда...

Нет,
не пишите правдивых стихов,
утопите перо
в бутылке чернил.

А ваши стихи
пусть плывут по течению,
держась на поверхности,
не уходя в глубину,

чтобы пристать
к безопасной земле...

СЛЕЖКА

Один доносчик следит за другим
За ними обоими — еще двое.
Четверо выслеживают четверых.
Даже тень — чадра, прикрывавшая
грязь, —

за тобой шпионит,
когда идешь,
солнцу протягивая ладонь.

Правое ухо шпионит за левым —
подслушивает.
Правый глаз за левым глазом
подсматривает.
И даже сердце — осведомитель.
Все время стучит —
тебе на тебя.

Глаза агентов прилипли к лицу,
словно к письму — почтовые
марки.

Как ты избавишься от них?
Где свободу найдешь, человек?

КОНСПИРАЦИЯ

Кто-то мимо пройдет.
Ты лежи и не двигайся.
Может, никто не появится.
Жди.
Наготове будь.
Что впереди?
Виселица?
Петля?
Наручники?
Цепи?
Железные прутья?

Пули летят.
И крестьяне
лежат на земле неподвижно —
на тучной земле,
что готова для жатвы.

Кого может радовать
серб,
который не жнет;
саранча,
что съедает зерно;
раскалившийся
ствол автомата?..

Не оливки,
не апельсины,
не финики наших садов,
а шомпола,
кандалы
и веревки?

Разворочены
наши лачуги —
пойдут кирпичи
на строительство тюрем.

Будущего не будет.

А будут штыки,
подкованные ботинки,
солдаты и осведомители,
досье и бумаги с печатью,
ночные аресты...

Соберу я
немые цветы
с обугленных наших полей
и принесу тебе...

Перевел с арабского
Михаил КУРГАНЦЕВ.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Они ушли под воду впятером.
Занялись привычным делом —
сбором образцов и других «при-
надлежностей» кораллового рифа.
Минут пятнадцать они уже нахо-
дились под водой, и все шло сво-
им чередом, когда вдруг из-за
спины соседа перед лицом Бориса
Преображенского появилась мор-
ская змея. Он замер в ожидании
атаки. Змея подплыла совсем
близко и, как показалось Борису,
заглянула ему в глаза. Затем рез-
ко ударила в маску. Ощутив мерт-
вую твердь стекла, недоуменно
замерла, потом ударила снова.
Потом еще. И тут совсем неожиданно
для змеи и даже для себя
Преображенский скорчил ей ужасную
гримасу. Это, возможно, и по-
действовало. Во всяком случае,
полутораметровое чудовище уст-
ремилось вверх, по ходу погладив
Бориса по открытому лбу и воло-
сам. Именно в этот момент он
вспомнил, что неизбежная смерть
от укуса морской змеи наступает
нередко через десять секунд...

Что же касается акул, то им, на-
верное, давно пора принять Пре-
ображенского если не за «своего»,
то по крайней мере за существо
более сильное, чем они. Но акулы
этого пока не понимают, и потому
Борису нет-нет да и приходится
выяснять с хищницами свои от-
ношения.

Не сгущать бы журналисту кра-
ски, не нагнетать дух приключен-
чества и аховых страстей. Да
только опасность и риск — неиз-
бежные «лабораторные» условия
работы заведующего лабораторией
Института биологии моря Дальне-
восточного научного центра Бори-
са Владимировича Преображенско-
го.

Полигоны его исследований, как
уже можно понять, находятся да-

циркулирующей, прогретой и хо-
рошо освещенной водой. На по-
павшей сюда биомассе развива-
ются бактерии, фитопланктон и
прочие организмы, служащие нор-
мой для рачков, голотурий, чер-
вей, рыб. Таково вкратце объяс-
нение природы рифа как «оазиса
жизни» в океане.

— Все это очень хорошо орга-
низовано, — говорит Преображен-
ский, — все очень логично. Очень
нелогично лишь то, что происхо-
дит в океане сейчас по воле чело-
века.

И Преображенский долго рас-
сказывает о том, как во время
экспедиций на научно-исследова-
тельном судне «Каллисто» он не
раз с тревогой убеждался в том,
какой серьезной опасности под-
вергаются коралловые рифы. Тот
же Большой барьерный риф: по-
всюду огромные разливы нефти
из многочисленных скважин. На
архипелаге Новые Гебриды он ви-
дел скопление морских звезд —
«терновых венцов» на рифе, за-
грязненном пищевыми отходами,
нефтепродуктами, соединениями
тяжелых металлов. Живых корал-
лов там почти не осталось.

Однако дальше наш разговор
идет о создании искусственных
рифов. «Но ведь кораллы гибнут
при температуре ниже восемна-
дцати градусов, а значит, мы не
можем обеспечить такие условия
в наших водах», — говорю я Пре-
ображенскому.

— Это верно. Но я имею в ви-
ду некоралловые искусственные
рифы.

Мы подходим к карте, и Преоб-
раженский говорит, что в наших
дальневосточных морях есть ме-
ста — рифовые лагуны с высоко-
продуктивной биологической
жизнью. Вот природная модель:
между Малой Курильской грядой
и материком — как бы огромная
лагуна. Гряда является барьером,
и потому район отличается повы-
шенной продуктивностью. В част-
ности, к юго-западу от острова
Шикотан.

Делегатам Тихоокеанского кон-
гресса, состоявшегося в 1979 году,
Преображенский указывал по кар-
те на отдельные участки залива
Петра Великого. «Здесь», — говорил
он, — могут быть поля морского

СОТВОРЕНИЕ РИФА

леко от родных широт и стен ин-
ститута. И глубоко. Потому что
объект его исследований — корал-
лы, удивительные и ни на что не
похожие хищные — да, да, хищ-
ные животные. Уникальные по
природе и, главное, по той роли,
которую они играют в жизни
океана.

Почему рядом с коралловыми
колониями жизнь бьет ключом?
Откуда здесь так много рыбы и
вообще всякой живности (а пото-
му и акул)? Почему столь разра-
стаются коралловые сообщества,
достигая подчас гигантских раз-
меров? Так, Большой барьерный
риф Австралии протянулся свои-
ми коралловыми сооружениями
почти на две тысячи километров.

Дело в том, что кораллы обиль-
но выделяют полисахариды и дру-
гие органические вещества, в ко-
торых тут же бурно развиваются
микроорганизмы. Отсюда здесь
прекрасная кормовая база для
рыб. Если более подробно, карти-
на жизнедеятельности кораллов
такова: в коралле живет однокле-
точная водоросль — зооксантелла.
Как всякое живое существо, ко-
ралл выделяет углекислоту и мо-
чевину. Зооксантелла все это за-
бирает и, в свою очередь, выделяет
сахара, витамины, кислород, чем
и кормится сам коралл. Потому
он и растет так быстро — до
35 сантиметров в год.

Итак, кораллы выделяют био-
массу, которая пленкой вспенен-
ной воды оказывается на поверх-
ности, после чего волны перебра-
сывают биомассу в лагуну. Здесь
нужно напомнить, что лагуна
представляет собой мелководный
бассейн, заполненный медленно

гребешка, здесь — трепанга, а
здесь — морских ежей...» И уже
сегодня усилиями дальневосточных
ученых и хозяйственников созданы
и развиваются плантации по раз-
ведению трепанга и морского гре-
бешка, правда, не на рифовой,
а на садковой основе. Но дело
принимает уже промышленные
очертания.

Сейчас ученые Института био-
логии моря совместно со специа-
листами Тихоокеанского института
рыбного хозяйства и океаногра-
фии составляют карты подводного
ландшафта залива Петра Великого,
разрабатывают принципы квар-
тирования с тем, чтобы по внешним
признакам видеть и определять,
какова напряженность биологиче-
ских процессов на том или ином
участке дна и как следует исполь-
зовать этот участок в хозяйствен-
ных целях.

Известно, что в Японии уже со-
зданы искусственные рифы из бе-
тонных блоков. Это привело к уве-
личению количества донных рыб
на шельфе.

Советские ученые разрабатыва-
ют экологическую, гидрологиче-
скую и инженерную модели ис-
кусственных рифов. Задачи увле-
кательные и многообещающие.
Нельзя ли, скажем, обеспечить
такие темпы роста живого веще-
ства в районе искусственного ри-
фа, что повысится продуктивность
прибрежных промысловых рыб в
этом районе?

На наш взгляд, Министерству
рыбного хозяйства СССР следовало
бы поручить ученым проверку это-
го предложения в реальных усло-
виях. Короче говоря, нужно
строить экспериментальные рифы.

ОБ УМЕНИИ ЦЕНИТЬ ВРЕМЯ

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Фото автора

Моя первая встреча с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий Борисом Павловичем Соколовым, академиком ВАСХНИЛ, началась с его неожиданного признания:

— Молодой человек! За мою долгую жизнь кто только не пробовал на мне свое перо — от корреспондентов местных газет до маститых писателей. Все почему-то искали во мне что-то необыкновенное. И очень скоро разочаровывались, узнав, что вся моя жизнь прошла в стенах одной лаборатории и на одном опытном поле. Действительно, что я мог рассказать такого захватывающего о своей жизни? Я ученый — тем только и интересен. Стоит ли еще и вам рисковать, тратить на меня время — разочаруетесь!

И все же я решил попробовать. ...Лето двигалось к закату. На экспериментальном поле Синельниковской селекционно-опытной станции зрел урожай.

Соколов размахисто шагал по широкому полю и увлеченно говорил:

— Вы, наверное, заметили, что при слове «кукуруза» некоторые люди улыбаются, даже смеются: «Опять эта кукуруза! Сколько можно?» Вот до чего может довести неосведомленность в самой жгучей проблеме сельского хозяйства — проблеме кормов. Человеку нужны мясо, колбаса, молоко. А вот как они достаются — редко кто об этом задумывается.

Знаете ли вы: чтобы получить от коровы молоко, надо за год скормить ей более десяти тонн кормов. Заметьте, одной корове — десять тонн! Вот и прикиньте, сколько надо кормов всему нашему животноводству, чтобы получить молоко, мясо, шерсть. Много, очень много надо кормов! А где их взять, когда «свободные» земли сокращаются с каждым годом, а посевные площади уже не могут расти? Выход тут один: на тех же землях выращивать все более высокий урожай кормовых культур. Вот тут-то и выходит на сцену кукуруза, которой по урожайности нет конкурентов.

К тому же кукуруза — это не только корма. Мне даже трудно перечислить, что из нее делают: крупу, муку, крахмал, масло, спирт... Роль кукурузы в нашей жизни, мне кажется, многими недооценивается. Загляните в прошлое. В основе развития всех цивилизаций лежало очень немногое растений, служивших основной пищей. Европейская цивилизация выросла на пшенице, азиатская — на рисе, а цивилизация ацтеков, майя, инков — на кукурузе, которую индейцы называли священным маисом.

Вспомните знаменитую «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. Там кукурузе посвящена целая глава.

Слушать Бориса Павловича —

одно удовольствие. Так может говорить только человек, влюбленный в свое дело. Любому биографу я бы охотно поверил, что Соколов «с детства испытывал тягу к земле», а профессию выбрал безо всяких колебаний.

Однако все это было не так. Он уже учился на последнем курсе сельскохозяйственного института, когда пришло разочарование в выбранной профессии.

Традиции в сельском хозяйстве казались вечными, и в обозримом будущем Соколов никаких «зеленых революций» не видел. Но вот однажды, готовясь к защите диплома, он случайно наткнулся на записку В. И. Ленина к Г. М. Кржижановскому, написанную в голодный 1921 год. Соколов и сейчас ее помнит дословно, поскольку именно она определила всю его дальнейшую жизнь.

«Преимущества кукурузы (и фасоли) в целом ряде отношений, видимо, доказаны, — говорилось в ней. — Раз это так, надо принять меры более быстрые и более энергичные... выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и обучения (подчеркнуто три раза. — Н. Х.) крестьян культуре кукурузы при наличных скудных теперешних средствах...»

Соколова поразило такое внимание вожда революции к кукурузе, и он стал искать все, что о ней написано. Вскоре он нашел статью

...То лето было жаркое. Рано зацвела липа, березы покрылись темными «веснушками». Высокие травы кругом были насыщены тайной. В мареве неба заливались жаворонки.

— Тогда я впервые понял, — вспоминает Соколов, — как может быть счастлив человек, когда сбывается его мечта, да еще среди праздника красок, света, ароматов, среди вечной красоты природы.

Новый гибрид рос прямо на глазах. Селекционеры сразу заметили необычно высокие стебли кукурузы и приходили узнать, в чем дело. Соколов только загадочно улыбался. Урожай был на треть выше самого лучшего сорта.

— Новому гибриду я дал название «Первенец», — говорит Борис Павлович. — Для меня это было принципиально важно. Названием я хотел обозначить новый этап в селекции кукурузы. Было ясно, что хороший урожай может дать только сильный сорт, который должен сочетать в себе многие качества: высокую урожайность, засухоустойчивость, стойкость

Борис Павлович Соколов

известного агронома В. В. Таланова. «Кукуруза несомненно является одним из главных растений, которому принадлежит будущее России», — прочел он и сразу же решил: «Еду к Таланову учиться выращиванию этой культуры!»

Приехав в 1924 году на опытную станцию, где работал Таланов, он с сожалением узнал, что сам Таланов в Москве, а его кукурузой на станции никто не занимается. Тогда Соколов попросил отрезать ему участок земли и дать горсть талановских семян. Так и начал он колдовать на своей делянке. Были и успехи, но урожай рос медленно. Соколова это не устраивало. Он уже знал, что ключ к ускорению природного механизма отбора — в селекции, которой тогда как научного направления не существовало. И все-таки Соколов решил поставить на своем поле эксперимент. С трудом раздобыл сорт Броуиконти, скрестил с нашей Грушевской кукурузой и стал ждать всходы.

против болезней и вредителей. Природный механизм наследственности всего этого вкупе не дает. Надо было резко ускорить процесс совершенствования растения. Одним из таких ускорителей и стало явление гетерозиса, переживавшее тогда первое признание.

Война чуть было все не погубила. Лучшие семена были посеяны, но оказались на оккупированной территории...

В Заволжье, на Камышинскую селекционную станцию, Соколов прибыл с самым дорогим грузом — мешочком семян и тут же приступил к опытам. Война сильно «спрессовала» время исследований: Соколов дневал и ночевал на поле. В 1942 году им был раз-

множен новый гибрид «Успех», который широко пошел и в послевоенное трудное время. За создание гибридов «Первенец» и «Успех» и внедрение их в практику Соколову в 1951 году была присуждена Государственная премия СССР.

В сельском хозяйстве вообще не просто что-нибудь изобрести. Трудно представить себе тот объем титанической, порой самой черной работы, которая сделала Соколова автором более двадцати изобретений. От создания гибрида до его внедрения проходит десять — двенадцать лет. За это время вряд ли кто видел Соколова вне поля и лаборатории. Работа у него всегда была важнее всего. В 1963 году за выдающиеся достижения в селекции Соколову была присуждена Ленинская премия.

— Надо меньше всего думать о покое, об отдыхе, — говорит Борис Павлович. — Человек поразительно мало своих возможностей пускает в дело. Мало трудится и не раскрывает свои силы до конца. Только в конце жизни он понимает, сколько времени ушло зря.

Вот сейчас мы с учениками поставили задачу: создать такую кукурузу, которая обеспечила бы животным полноценными кормами. Что значит полноценными? Кукуруза — это углевод; потому, чтобы создать полноценные корма, к ней надо добавлять сою, бобы, горох. Но ведь можно создать такой кормовой концентрат, насыщенный всеми необходимыми питательными веществами, если «внедрять» их в саму кукурузу. Конечно, это уже будет другое растение, но ведь важно достичь поставленной цели. Путь здесь один — биохимия и селекция. Могут сказать, что определенные успехи уже достигнуты: удалось создать гибриды высоколизиновой кукурузы с повышенным содержанием незаменимых аминокислот.

Современная селекция вообще открывает перед учеными удивительные возможности. С ее помощью можно не только поднять урожайность зерна, но и увеличить питательность растения, укрупнить зерна, повысить урожай зеленой массы и вообще придать растению заранее заданные свойства.

Борис Павлович говорит об этом просто, обыденно, словно речь идет не о коренной ломке всей природы растения, а лишь об ординарном, привычном исследовании.

За свою долгую жизнь ему пришлось о многом подумать, возможно, еще и потому, что сама его наука — селекция — наука скорее философская, требующая ответы на самые жизненно важные вопросы происхождения и развития жизни на Земле. И хотя внешне его судьба вроде не изобилует чем-то необыкновенным, но именно она пример, как надо ценить отведенное тебе жизнью время.

— Надо помнить, — говорит Соколов, — что каждый из нас не просто личность, но восприимчив и наследник одновременно. Это особенно видно в науке. Сначала ученый постигает то, что было накоплено до него, затем он добавляет к этим знаниям свои достижения и передает их последующим поколениям уже приумноженными. Личный вклад каждого в будущее — вот в чем я вижу смысл жизни современника...

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Трофимов вызвал разведгруппу «Пламя» на тропу лесного района, в котором базировался партизанский отряд и, прощаясь с разведчиками, сказал:

— До отряда дойдете сами, а мне пора домой. Мария моя, небось, заждалась — хворает и совсем одна в лесу.

Дьяур сердечно пожал леснику руку, и тот вскоре скрылся из виду.

Дул сильный морозный ветер, бросал снег в лицо, слепил глаза. Умело маневрируя меж деревьев, Трофимов двинулся на юго-запад. В такую погоду он считал себя в полной безопасности. Далеко за полночь усталый, проголодавшийся, подошел он к своему дому и тихонько постучал в окно. В то же мгновение из-за сарая выскочили два эсэсовца. Трофимов метнулся за угол дома, но тут же был сбит с ног и обезоружен. Наутро его заставили встать на лыжи, приказали вести на остров. Лесник, тяжело дыша, медленно двигался к острову, время от времени оглядываясь на шедших за ним фашистов, прикидывая в уме, как предупредить товарищей об опасности — ведь на острове оставались партизаны и два разведчика.

«Шнель, шнель!» — покрикивал на него высокий сухопарый обер-лейтенант. Когда до острова оставалось 450—500 метров, он остановился, делая вид, что раздумывает, куда дальше двигаться. Обер-лейтенант крепко ударил его лыжной палкой по спине и голове, снова выкрикнул: «Шнель, шнель, русский свинья!» Лесник, сжав зубы, направился к причалу. За ним поспешили немцы. Расстояние между ними и островом быстро сокращалось. Когда уже стал отчетливо виден берег острова, Трофимов круто повернул вправо — он знал, что лед там тонкий, едва сковал воду, и во весь голос крикнул: «Братцы! Это немцы, стреляйте!» Раздался треск, и лесник, а за ним несколько немцев провалились под лед. Шедшие следом круто свернули от полыни в сторону, но лед продолжал трещать и ломаться. Вскоре в воде уже барахтались несколько десятков головорезов. Оставшиеся на льду пытались им помочь, стали бросать веревки, но в это время с острова застрочил пулемет, затрещали автоматы. Фашисты повернули и, обгоняя друг друга, побежали обратно, но спастись удалось только двум.

Взбешенный неудачей, Вейдеман после повторного обстрела острова с самолетов сам повел бранденбургцев на остров, подкрепив их эсэсовцами. Защитники острова вновь встретили их дружным огнем. Устилая лед трупами, делая короткие перебежки, фашисты рвались вперед. Редели и ряды партизан. Но силы были неравные. Зайдя с западного фланга, фашисты ворвались на остров, ударили по партизанам с тыла.

Карлышев и несколько партизан заняли круговую оборону, стали отбиваться от наседавших фашистов гранатами. Отерши рукавом телогрейки лицо, Карлышев посмотрел на стоявших рядом с ним в окопе Шацкова и Ермакова — их оставалось всего трое.

— Братцы! Не посраим земли русской!

Продолжение. См. «Огонек» № 21—33.

У Р А Г А Н

Сейчас наша главная задача: заманить немцев на минные поля. Для этого нам нужно прорваться в северную часть острова, тогда немцы, преследуя нас, в азарте непременно наскочат на мины.

— Товарищ лейтенант, я эти поля знаю как свои пять пальцев, это я их минировал со своими партизанами. Разрешите мне пойти первым, только прошу идти за мной шаг в шаг,— сказал Ермаков.

— Годится,— ответил Карлышев.

Не успели они выбраться из окопа, как услышали: «Рус, сдавайся!» Карлышев обернулся — метрах в тридцати от них, на сосне, глядя в бинокль, сидел немец. Карлышев прицелился, выстрелил. Немец, неестественно взмахнув руками, мешком свалился на землю.

Каратели вновь открыли шквальный огонь по окопам. Из окопов не отвечали. Считая, что с партизанами покончено, эсэсовцы поднялись во весь рост и с автоматами наизготовку двинулись к окопам. Когда они приблизились к окопам метров на 25—30, Ермаков нажал на гашетки «Максима». Первые ряды карателей были скошены кинжальным пулеметным огнем, другие, беспорядочно отстреливаясь, побежали обратно. Ермаков продолжал поливать их свинцовым дождем.

— Молодец Ермак! — подбодрил помкомвзвода Карлышев, подавая ему пулеметные ленты.

Ермаков на секунду обернулся и увидел направленное на него дуло винтовки и перекошенное в злобе лицо Шацкого. Раздался выстрел. Помкомвзвода выпустил ручки пулемета, ткнулся лицом в землю.

— Предатель! — крикнул Карлышев и, бросив коробки с пулеметными лентами, потянулся за автоматом. В это время Шацкий ударил его прикладом по голове. Карлышев свалился в окоп, потерял сознание. Шацкий выхватил из кармана кусок белой тряпки, прицепил к штыку винтовки, поднял над окопом, и, размахивая им что есть силы, по-немецки заорал: — Ком гер, ком гер, их бин дойче, их бин дойче!

Увидев белый флаг и услышав этот крик, Вейдеман подозвал к себе двух эсэсовцев, приказал разведать, что происходит в окопах. Эсэсовцы по-пластунски быстро поползли к окопам. Шацкий бросил оружие, поднял руки вверх, выкрикнул: «Их бин дойче!» Немцы с недоверием смотрели на него. Бросились, хотели связать руки, но он прикрикнул на них: — Это оскорбление моей чести, немедленно ведите меня к начальству, там я все объясню.

Эсэсовцы переглянулись, спросили: — Где остальные?

— Перебиты, только этот вот скот, надеюсь, еще жив. — И он что есть силы ударил сапогом Карлышева. Лейтенант застонал.

— Жив! Я его собирался преподнести вам в качестве подарка. Настоящий советский разведчик.

— Зер гут! — воскликнул высокий худой штурман.

Эсэсовцы схватили Карлышева, поволокли по снегу за собой. Рядом спешил Шацкий.

Когда Шацкого ввели в наспех поставленную палатку к Вейдеману, тот пошел ему навстречу, надел пенсне, стал внимательно рассматривать «добычу».

— Сдаваясь в плен, вы выдали себя за немца, чем вы можете это доказать?

— Я офицер немецкой военной разведки абвер Гартман Вилли, в чине обер-лейтенанта. Был вывезен в Россию в качестве селянина еще в 1930 году. Мне удалось осесть в республике немцев Поволжья, легализоваться, завести отличные связи и успешно выполнять порученное мне задание, поддерживая регулярную связь со своим каналом с разведцентром в Берлине. К стати, там у меня на улице Бисмаркштрассе, № 15, проживал мой родной брат Гартман Вальтер, владелец крупного обувного магазина. Я хотел бы знать, как сложилась его судьба.

— У нас нет времени заниматься вашими родственниками. Чем вы можете подтвердить свою принадлежность к абверу?

Шацкий вскипел:

— Штандартенфюрер, вы, как высокопостав-

ленный офицер СС, должны понимать, что никаких документов, свидетельствующих о моей связи с немецкой военной разведкой, я при себе в России, на фронте или в тылу никогда не носил. Запросите Берлин, и вы убедитесь, что я говорю вам правду.

— Как вы попали к партизанам?

— Это длинная история. Я расскажу вам об этом позже, а сейчас прикажите меня накормить и выдать шнапсу, а то я сильно промерз, знобит, боюсь, как бы не заболеть.

— Это мы сделаем немного позже, а сейчас постарайтесь ответить на наши вопросы, и возможно полнее. Нам известно, что на острове действовала русская разведгруппа, что вы о ней знаете?

Шацкий провел ладонью по окладистой бороде, ответил:

— Совершенно верно. Она размещалась в землянках, вырытых под соснами и прикрытых сверху хвоей и снегом. Возглавлял ее капитан Афанасьев, двадцати пяти лет, роста высокого, телосложения спортивного, брюнет, лоб высокий, глаза большие, черные. В одной из землянок была установлена рация, откуда радистка вела передачи. Среди партизан, охранявших остров, ходили слухи, что она ранена в ногу, поэтому не выходит на передачи за пределы лагеря.

— Сколько было разведчиков в группе?

— Точно не знаю. Мы, партизаны, жили в других землянках. Разведчики не собирались в лагере в полном составе — часть постоянно была на заданиях. Неделию тому назад Афанасьев ночью уехал куда-то в город, куда именно, мне разузнать не удалось, а через двое суток снялась с места и вся разведгруппа во главе с заместителем Афанасьева старшим лейтенантом Дьяуром. На острове оставались десять партизан и два разведчика. Они сражались с вами чертовски храбро. Когда нас осталось трое, я убил одного, а второго — Карлышева — оглушил и сдал вам. По моим визуальным наблюдениям, он был очень близким человеком к капитану Афанасьеву и его заместителю Дьяуру. Думаю, что он знает все о разведгруппе и ее источниках информации в окрестных селах и городе. Постарайтесь вытянуть из него побольше. Я могу быть вашим переводчиком во время допроса.

— Переводчиков у нас и своих хватает. Скажите лучше, куда все-таки, по вашим предположениям, ушла русская разведгруппа.

— Не знаю. Она исчезла ночью.

— Что вам еще известно об Афанасьеве?

— Повар, который готовил для разведгруппы пищу, как-то говорил нам, партизанам, что капитан в совершенстве знает немецкий и разговаривает на берлинском наречии.

— Это интересно, — проговорил Вейдеман. В палатку вошел гауптштурмфюрер СС Гульмат.

— Штандартенфюрер! Наши солдаты прочесали весь остров, но больше ни одного живого разведчика или бандита не нашли. Во время обыска в землянках обнаружено много мин, боеприпасов, несколько автоматов и тщательно замаскированный в стене сейф. Наш техник вместе с роттенфюрером стараются его открыть.

— Тогда не будем терять время, возьмемся за пленного разведчика. Если он развяжет язык, многое прояснится. Поручите нашему доктору поскорее привести его в сознание. Прикажите солдатам нарубить сухих дров, веток и сложить из них костер под сосной. Русского привязать к сосне на полметра над косяком. Если он будет упорствовать, мы его немножечко поджарим. Думаю, что тогда он станет разговорчивей. Как вам нравится мое решение, гауптштурмфюрер?

— Лучше и не придумаешь! — Эсэсовец вышел.

Вейдеман перевел вопросительный взгляд на «бородача». Шацкий-Гартман ответил на этот немой вопрос:

— Ваше решение, штандартенфюрер, восхиительно, только имейте в виду, что Карлышев — опытный разведчик, и я боюсь, что он даже под угрозой смерти вам ничего не скажет.

Штандартенфюрер уверенно воскликнул:

— Не таких обламывали! — И, крикнув к себе штурмана, распорядился: — Отведите перебежчика к кухне и накормите, — а сам в сопро-

вождении адъютанта и охраны направился к партизанским землянкам, которые «осваивали» его солдаты.

Врач уже привел Карлышева в сознание, и теперь двое верзил-эсэсовцев веревками привязывали его к толстой сосне. По грязному, закопченному лицу Карлышева текла кровь. Гимнастерка была изодрана, сквозь лохмотья проглядывало посиневшее от холода, в кровавых рубцах тело. Карлышев медленно поднял глаза на подошедшего штандартенфюрера. Тот поудобнее уселся на принесенный ему эсэсовцами раскладной стульчик и уверенным голосом спросил:

— Где скрывается русская разведгруппа? Мы сохраним вам жизнь, если вы будете благоразумны.

Карлышев молчал.

— Назовите местонахождение капитана Афанасьева, — уже чуть повышая тон, задал второй вопрос Вейдеман.

Карлышев не отвечал. Сильная боль разлилась вдруг по всему телу, и он снова потерял сознание.

— Доктор! Возбодрите его и следите за пульсом, он напичкан секретам! — раздраженно крикнул Вейдеман. — Мы должны вытянуть их из него во что бы то ни стало.

Доктор приготовил шприц и ввел лекарство разведчику в вену. Карлышев вздрогнул, широко открыл глаза, приходя в сознание. Вейдеман кинул стоявшему рядом Гульмату:

— Распорядитесь, пусть приведут сюда перебежчика, попробуем добиться чего-нибудь с его помощью и, кстати, проверим, та ли он птичка, за которую себя выдает. И сообщите о нем Отто Кранцу, пусть проверит его по Берлину.

Вскоре гауптштурмфюрер привел к месту допроса Шацкого-Гартмана. Вейдеман, взглянув на него, громко спросил:

— Кто это? Вы знаете этого человека?

— Да, очень хорошо. Это русский разведчик Карлышев, заместитель начальника разведгруппы капитана Афанасьева. Когда Афанасьев покинул остров, Карлышев остался вместо него. Он очень много знает, поэтому я и постарался доставить живым вам этого фанатика.

Карлышев выслушал ответ Шацкого, выпрямился, с ненавистью выкрикнул:

— Предатель! Ты ответишь перед советским судом за свои преступления!

— О, он начал разговаривать. Для начала это неплохо. Скажите, что мы сохраним ему жизнь и отправим на лечение в госпиталь, если он скажет, где капитан Афанасьев, и выдаст агентуру разведгруппы, — повелел Вейдеман.

Шацкий-Гартман откашлялся, подошел к Карлышеву поближе:

— Молодой человек! Ты видишь, я уже стар. Я тебе в отцы годюсь, поэтому хочу дать добрый совет, как родному сыну. Ты попал в трудное положение, коммунисты тебя запутали. Зачем тебе умирать за их утопические идеи? Война ими уже проиграна. Сейчас тебе представился случай спасти свою жизнь. Расскажи, пока не поздно, все, что знаешь о капитане Афанасьеве, его разведгруппе, агентуре в окрестных селах.

Карлышев собрался с силами, прошептал:

— Иуда! Никаких показаний давать не буду. Смерть фашизму!

Когда штандартенфюрер перевели его слова, тот подбежал к Карлышеву, с размаху ударил его ладонью по щеке, заорал:

— Бандит, мы вырвем у тебя показания раньше, чем ты успеешь подохнуть! Где скрывается капитан Афанасьев и его разведгруппа? Разведчик молчал.

— Где базируется партизанский отряд?

— Партизаны на месте не сидят. Они пускают под откос ваши эшелоны, устраивают засады, уничтожают фашистов.

Штандартенфюрер покраснел от злости.

— Ты, подлец, еще издеваться вздумал над нами?.. Гауптштурмфюрер, подогрейте этого безумца, а то он замерз, может, после этого он образумится.

Гульмат подозвал штурмана, отдал ему распоряжение поджечь костер. Штурман брызнул бензину на сложенные под сосной дрова и поднес факел. Вспыхнувший сразу огонь быстро подбирался к телу Карлышева. Его желтые языки пожирали политую кровью одеж-

¹ «Ко мне, ко мне, я немец!» (нем.)

Г. Терборх. ТУАЛЕТ ДАМЫ.

Г. Терборх. УРОК МУЗЫКИ.

ду, жгли кожу, едкий дым слепил глаза. Штандартенфюрер снова громко спросил:

— Будешь давать показания? Прикажу костер потушить.

— Смерть фашизму!

— Жгите, жгите этого бандита! — в припадке бешеной злобы выкрикивал Вейдеман. Штурман вторично плеснул бензина на костер, поднявшийся вверх столб огня охватил все тело разведчика.

Стопившиеся вокруг костра офицеры, эсэсовцы, солдаты дивизии «Бранденбург-800» ошеломленно взирали на уходящего в бесмертие советского разведчика.

ФАШИСТЫ РВУТСЯ К МОСКВЕ

Генерал-лейтенант Кемпе разбудил генерала фон Хорна на рассвете.

— Господин командующий! — доложил он ему по прямой связи. — Только что получен приказ командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока о продолжении наступления на Москву.

Фон Хорн откашлялся, проговорил:

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль пригласите ко мне в штаб всех командиров корпусов, дивизий и отдельных частей.

Кемпе, взглянув на часы, ответил:

— Времени у нас в обрез, но погода хорошая, полетам благоприятствует, думаю, что все успеют прибыть вовремя.

— После завтрака возьмите приказ, разведсводки, данные аэрофотосъемки русских позиций в полосе наступления нашей армии и заходите ко мне.

— Слушаюсь, — ответил Кемпе и положил трубку.

В десять часов Кемпе с папкой в руке в сопровождении двух офицеров штаба, полковника Шранека и майора Бекера, прибыл в приемную фон Хорна. Поздоровавшись с адъютантом, спросил:

— Командующий у себя?

— Ждет вас.

Кемпе, взяв из рук Бекера объемистый портфель, вошел в кабинет.

После краткого обмена приветствиями фон Хорн углубился в чтение принесенного начальником штаба приказа командования группы армий «Центр» по продолжению операций с целью окружения и взятия Москвы. Во время чтения он несколько раз молча уточнял по карте расположение позиций своих и неприятельских войск, откидываясь на спинку кресла, задумываясь, слегка постукивая карандашом по столу. Кемпе не прерывал размышлений командующего, он понимал, что генерал должен решить нелегкую задачу.

Зная обостренное честолюбие командующего, Кемпе предполагал, что фон Хорн размышляет не только над чисто военным решением предстоящих боев, но и дает волю своей фантазии, купает себя в лучах славы героя, повергающего большевистскую столицу.

Опытный штабной офицер не ошибся.

Перевернув последнюю страницу приказа, фон Хорн глубоко вздохнул и воскликнул:

— Эрих, мы находимся накануне величайших мировых событий! Теперь мы, арийцы, творим историю. В соответствии с приказом командования наша армия будет действовать на направлении главного удара. Сознание того, что в этом величайшем, очищающем плане от большевистской скверны и прочих человеческих отбросов сражении мы с тобой играем важную роль, наполняет радостью наши и наших соотечественников сердца и возлагает на нас особую ответственность.

— Да, еще наши далекие предки мечтали поставить русских на колени, — вставил Кемпе.

— То, что не смогли сделать они, исполним мы — сыны великой Германии! — почти выкрикнул фон Хорн, и его глаза загорелись радостью. — Знаешь, Эрих, меня даже моя Эльза поздравила сегодня с предстоящим взятием Москвы. Она мне сказала, что концерн «Крупп» и фирма «Тиссен» установили две премии: первую — в сумме двух миллионов марок — командующему, армия которого первой прорвется к Москве. Вторую — в один миллион марок — начальнику штаба и заместителям командующего поровну. Эльза почему-то уверена, что это будем мы. Дай бог получить нам эти премии, — закончил фон Хорн.

— Неделию тому назад я узнал, что во время налета английской авиации на Гамбург полностью уничтожена наша вилла и потоплен стоявший в порту купленный перед войной отцом у шведов пассажирский лайнер «Бисмарк». Так что деньги мне сейчас были бы очень кстати, — угрюмо проговорил Кемпе.

— Эрих, а я и не знал, что вы судовладелец.

Кемпе, переступив с ноги на ногу, ответил: — Судовладелец не я, а мой отец — Кемпе Эрих-старший, он держит контрольный пакет акций паровой компании «Гамбург». В этой компании я состою только пайщиком. Почти все остальные деньги я вложил в акции концерна «Крупп и сын». Это оказалось очень выгодным делом, так как доходы концерна в связи с войной баснословно растут. Если у вас, господин командующий, есть свободные деньги, советую вам вложить их в акции. Лучше всего — «Крупп и сын», правда, они теперь намного подорожали в цене.

— Моя Эльза — дочь стального короля Рура. Он держал в своих руках контрольные пакеты акций нескольких металлургических компаний, а теперь, после его смерти, она стала их владелицей. Отец еще при жизни научил ее отлично разбираться в делах, так что она обставит любого менеджера. Поэтому все свои деньги я вкладываю в ее производство, получая за это свою долю дохода.

— Значит, если получите премию «Круппа», тоже отдадите жене?

Фон Хорн задумался.

— Учтите, вкладывать весь капитал в одну только фирму очень опасно. В случае ее банкротства пропадут сразу все ваши денежки.

Фон Хорн улыбнулся:

— Ты убедил меня, Эрих. Премию я, пожалуй, вложу в акции «Круппа». Ну, помечтали — и хватит, а теперь вернемся к делам.

Фон Хорн поудобнее уселся в кресле, приготовился слушать доклад начальника штаба.

Кемпе открыл папку, стал читать:

— По данным зафронтовой агентуры, подтвержденным показаниями военнопленных и перебежчиков, русские уже полностью оборудовали и укрепили передовые рубежи обороны. В настоящее время заканчивают земляные и инженерные работы на Можайской линии обороны, сильно укрепляя ее противотанковыми надолбами, стальными ежами, подтягивая артиллерийские и минометные части. На Западный и Калининский фронты продолжали прибывать свежие войска из Сибири, Средней Азии и Закавказья. В их числе выявлено прибытие в полосу наступления нашей армии 4-й и 5-й танковых бригад, вооруженных танками «Т-34» и тяжелыми танками «КВ». Вчера ночью нашей армейской разведкой зафиксировано прибытие двух полков реактивных минометов, так называемых «катюш».

Фон Хорн, помрачнев, перебил:

— Что по этому вопросу показала военно-воздушная разведка?

— Она не только полностью подтвердила имеющиеся у нас данные, а еще дополнительно выявила и сфотографировала прибытие и разгрузку новых частей. Вот посмотрите. — Кемпе раскрыл портфель, вынул оттуда кипу больших фотографий и положил на стол перед командующим.

Фон Хорн внимательно просмотрел фотографии и, возвращая их начальнику штаба, сказал:

— Кемпе! Сейчас я убедился, что наш зафронтовой агент «Эльба» был прав. В битве за Москву мы не должны строить себе никаких иллюзий. Я прошу вас через наших инспекторов и офицеров связи, находящихся сейчас на месте в воинских частях, еще раз срочно проверить и доложить мне в семнадцать часов тридцать минут о готовности к наступлению. Проверьте состояние танков, бронетранспортеров, транспортных средств, надежность связи. Уточните запасы горючего, боеприпасов, продуктов питания, шнапса. Выясните обеспеченность личного состава теплыми вещами. Срочно направьте телеграмму в штаб группы армий «Центр» с просьбой ускорить отправку нам теплого обмундирования. Учтите, зима уже фактически наступила, прогнозы погоды неутешительны. Имперская гидрометеослужба предсказала в этом году очень снежную и морозную зиму в России. Поэтому

во что бы то ни стало нам нужно взять Москву как можно скорее.

К сегодняшнему совещанию подготовьте приказы каждому командиру корпуса, дивизии и других крупных частей, определите им конкретные задачи, район действий и разграничительные линии. Видимо, сегодня еще до совещания мы получим телеграмму из штаба группы армий «Центр» о конкретной задаче, стоящей перед нашей армией. Надо будет тщательно проверить ее соответствие этому приказу, а то были случаи полной путаницы при конкретизации задач, исходящих из общих приказов.

Постарайтесь любой ценой выявить командный пункт генерала Ермолаева, организуйте прорыв к нему наших танков и автоматчиков. Нам нужно крепко проучить этого нахала, воюющего без всяких правил. Я хочу видеть его в качестве военнопленного. Посмотрим, что он тогда запоет.

— Будем стараться, господин командующий! Но я заранее хочу вас предупредить, что это крепкий орешек: он старый коммунист, кадровый военный, участник боев в Испании и на Халхин-Голе. Окончил Академию Генерального штаба, всесторонне развит, свободно владеет немецким и французским, имеет печатные труды по тактике, очень волевой и решительный генерал. В боевых операциях идет на риск. Такие, как он, как вам хорошо известно, предпочитают смерть позорному плену.

— Кемпе! Откуда у вас эти данные?

— Я получил их из абвера.

— Лучше бы они выводили из строя этих Ермолаевых до начала войны, чем сейчас пичкать нас подобными справками. Если я узнаю, что Ермолаев мертв, можно считать, что я свое задание выполнил, — закончил фон Хорн и поднялся с кресла.

Кемпе собрал разложенные на столе разведсводки, фотографии, сложил в портфель и вышел в приемную. Передав портфель майору Бекеру, он в сопровождении охраны вернулся к себе. Весь день Кемпе провел в напряженной работе по выполнению распоряжений командующего. Ровно в 17 часов 30 минут он доложил фон Хорну о подготовке совещания и приказаний всем корпусам, дивизиям и отдельным частям на продолжение наступления.

В 18.00 по московскому времени командиры корпусов, дивизий и отдельных частей специального назначения собрались в бывшем бомбоубежище, приспособленном под зал для совещаний. Последним в него вошел генерал-полковник фон Хорн в сопровождении Кемпе. Увидев командующего, все мгновенно встало и, выбросив правую руку вверх, громко воскликнули:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — восторженно ответил фон Хорн и, обведя всех пристальным взглядом, сказал: — Господа, прошу садиться.

Перед командующим был цвет армии, его высший командный состав. Боевые генералы и офицеры, как правило, выходцы из военных прусских династий. Многие из них уже длительное время служили под началом генерал-полковника, с легкостью прошли по военным дорогам Европы. Преданные режиму, вымуштрованные в духе беспрекословного подчинения фюреру, они вступили в войну против России убежденными в том, что блицкриг принесет рейху огромное жизненное пространство, несметные богатства и сырьевые ресурсы, а им самим — славу и награды.

Перед мысленным взором фон Хорна проплыли лица его подчиненных в канун наступления на Советский Союз. Это были рвущиеся в бой, опытные, выхолненные, высокомерные генералы и офицеры. Фон Хорн попытался уверить себя в том, что дух и настрой у сидящих перед ним людей те же. Однако от взгляда командующего не могла ускользнуть тень разочарования на многих лицах — война неожиданно затянулась, они не были готовы к этому.

Потеря «вида», заметно выраженная усталость генералов и некоторое недоумение на многих лицах больно отдались в груди фон Хорна. Поэтому он решил не только ограничиться сугубо технической постановкой перед ними военной задачи, но в ходе совещания несколько взбодрить командиров.

Прервав свои мысли, фон Хорн твердым голосом начал:

— Господа офицеры! Нами получен приказ о продолжении наступления на Москву. Разрешите напомнить вам требования Главного командования сухопутных сил от 12 октября 1941 года № 1571/41, обращенные группе армий «Центр». Фюрер решил, что на капитуляцию Москвы рассчитывать не следует, даже если она и будет предложена противником. На основе этой принципиальной установки Гитлера 14 октября командованием группы армий «Центр» был издан приказ по окружению Москвы и разгрому противника.

Нашей армии доверено ведение наступательных боев на одном из решающих направлений. Вы умело руководили войсками. Мы намного приблизились к русской столице. По ряду причин, главным образом из-за ожесточенного сопротивления противника, необходимости перегруппировки войск и их пополнения свежими соединениями, широкие наступательные действия были временно приостановлены. За это время мы провели большую работу по подготовке нового наступления, чтобы выполнить волю фюрера и уничтожить Москву. Сейчас для этого имеются все необходимые условия, — закончил фон Хорн и предложил начальнику штаба армии зачитать новый приказ о втором этапе наступления на Москву.

Кемпе встал, одернул китель, подошел к микрофону, поправил его, протер белоснежным платком очки, надел их, вынул из папки приказ командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока и стал читать...

Как только Кемпе закончил читать, фон Хорн поднялся с кресла.

— Господа! Нам предстоит участвовать в величайшей битве за взятие столицы исконного врага рейха — России. Это не только величайшая честь, но и огромная ответственность. Все вы сегодня после совещания получите у генерал-лейтенанта Кемпе приказ о наступлении. В этот ответственный час наш фюрер обратился к войскам с воззванием. Я цитирую выдержку из него: «Солдаты! Перед вами Москва. За два года все столицы континента склонились перед вами... Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу нашего оружия, пройдите по ее площадям, Москва — это конец войны. Беспрецедентный подвиг». Прошу вас, господа, донести полный текст этого обращения до каждого солдата.

Должен вам сообщить, что в соответствии с приказом командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока наша ударная армия будет наступать на главном стратегическом направлении. Для подавления русской артиллерии, минометных батарей и других огневых точек снарядов не жалеть. У нас их достаточно. С воздуха наше наступление будут поддерживать и прикрывать огромные военно-воздушные силы.

Господа! Я убежден, что вы сделаете все от вас зависящее, чтобы образцово выполнить поставленную перед вами задачу, и первыми прорветесь к Москве.

— Хайль Гитлер! — воскликнул в едином порыве зал.

— Хайль! — ответил им фон Хорн и вышел в сопровождении Кемпе.

Как только командующие, принимавшие участие в совещании, выехали в свои части, Кемпе снова пришел к фон Хорну. Он доложил, что, по сообщениям инспекторов и офицеров связи штаба армии, все корпуса дивизии и части специального назначения полностью готовы к наступлению на Москву.

Командующий улыбнулся, глаза его заблестели; довольный докладом, он пригласил Кемпе сесть за стол. Им принесли коньяк, апельсиновый сок, кофе. Фон Хорн отпил глоток коньяку, запил кофе и восторженно произнес:

— Кемпе, выпьем за победу немецкого оружия!

— За вас, господин командующий! Я, как и ваша Эльза, верю, что именно наша армия первой прорвется к Москве.

— Благодарю тебя, Эрих, за добрые пожелания и за веру в нашу победу...

Продолжение следует.

На открытии памятника А. М. Герасимову.

ПРАЗДНИК ИСКУССТВА

В этот день, 12 августа 1981 года, центральная площадь небольшого, раскинувшегося на холмистом берегу реки Лесной Воронежского города Мичуринска была заполнена народом. Здесь торжественно открывали памятник народному художнику СССР, первому президенту Академии художеств СССР, лауреату Государственных премий Александру Михайловичу Герасимову.

О месте художника в истории советского изобразительного искусства говорил на митинге, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Герасимова, председатель горисполкома В. П. Бирюков. Звучит оркестр, спадает полотно, открывая бюст, выполненный скульптором Евгением Вучетичем.

Со словом о Герасимове выступили академик А. П. Кибальников, Герой Социалистического Труда, академик Д. А. Налбандян, директор Мичуринской детской художественной школы имени А. М. Герасимова А. В. Платицин и другие.

Художник Александр Герасимов был прекрасным живописцем. Ученик Коровина и Архипова, он свято хранил традиции русской реалистической школы, которая в бурные двадцатые годы нашего века сотрясала вихрями формалистических изысков.

Настоящий мастер не может творить, не имея корней, родной почвы, связи с народом. Так Александр Михайлович, родившийся в старинном Козлове (ныне Мичуринск), с юных лет ощутил всю прелесть родной природы, красоту земляников, их своеобразного уклада жизни. Поэтому с таким интересом ныне смотрится двухэтажный скромный

домик, весь в зелени и цветах, который бережно сохранен и реставрирован. В этом домике прошло его детство, а потом было создано немало чудесных, ярких полотен.

Теперь в доме все восстановлено, как было. С огромным интересом посетители мемориального музея рассматривают интерьеры со старинными комодами, шкафами, поставками. Каждый год приезжал сюда живописец, он устроил в амбаре, прорубив там большое окно, мастерскую, где работал, писал с особым настроением.

Рядом с домом вновь выстроенный выставочный зал — обширный, с прекрасными светлыми залами. В них развернута экспозиция работ А. М. Герасимова.

Зрители знакомятся с широко известными популярными полотнами художника. Среди них центральное место занимает авторское повторение ставшей классической картины — «Ленин на трибуне».

Прекрасны холсты «Старейшие художники», «Портрет О. Лепешинской», «Портрет дочери», поэтичны и глубоко лиричны пейзажи «Степь», «Тройка». Художник особенно любил писать натюрморты с цветами — розами, пионами, георгинами. Жемчужиной экспозиции можно назвать его полотно «После дождя», в котором с большим мастерством передано состояние душистой свежести летнего дождливого дня. Картины с выставки в Мичуринске будут позже показаны в Москве.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Г. КОПОСОВА

У дома-музея художника.

Экспозиция картин А. М. Герасимова в городском выставочном зале.

ОСТРЫЙ ДЕФИЦИТ—ДОБРОТА

В № 24 «Огонька» была опубликована подборка читательских писем под общим названием «Мелочи» жизни. Речь шла действительно о мелочах, но таких, которые мешают нам жить, спокойно трудиться и отдыхать. Читатели писали о неурядицах в сфере обслуживания, о грубости и невнимании к людям со стороны некоторых ее работников. Надо сказать, что подобные «сердитые» письма продолжают приходить в редакцию в изобилии. Пишут нам владельцы испортившихся холодильников, телевизоров и фотоаппаратов, отправители исчезнувших посылок, покупатели разваливающихся туфель и полинявших маек, жильцы квартир с протекающими потолками и незавинчивающимися кранами, пассажиры, не сумевшие ни уехать, ни улететь по срочным делам, заказчики несшитых платьев и сарафанов — словом, все те, кто не смог просто, без хлопот решить свои житейские проблемы. Честно говоря, читая эту почту, иногда невольно удивляешься: да неужели же нельзя на месте решить все эти бытовые проблемы и не слишком ли большое значение придаем мы им? Но вот судите сами.

Пишет семья Матвеевых из Гусиноозерска, Бурятской АССР: «11 мая 1979 года купили телевизор «Березка-215», но радость была короткой. Через четыре дня он уже не работал. Отнесли телевизор в гарантийный ремонт. Дальше нашу историю излагаем коротко, называя лишь даты сдачи и выдачи нашей злополучной покупки. Был сдан 15 мая, выдан 19 мая 1979 года. Сдан 24 мая, выдан 6 июня 1979 года. Сдан 7 июня 1980 года, выдан 19 июня, сдан 6 мая 1981 года, выдан 7 мая. Сдан 8 мая 1981 года, выдан 13 мая. На этом гарантийный срок ремонта закончился, а завод-изготовитель отказался заменить свой брак, кстати, со Знаком качества. Теперь продолжаем ремонт, но уже за наличный расчет. Хорошо, еще здоровье позволяет таскать эту «игрушку», хотя нервы уже сдают».

Общение с работниками сферы

обслуживания вызывает нервное расстройство и у жительницы Одессы И. Рындиной. Вот что она пишет:

«Бич почти всех предприятий быта и торговли — это болтовня продавцов и абсолютное невнимание к человеку. Такое впечатление, что руководство никогда не появляется в торговых залах и не контролирует соответствие их подчиненных профессиональным и этическим нормам. Нас продавцы не считают за живых людей, видящих и слышащих все эти безобразия. Не понижая голоса, продавцы беседуют в нашем присутствии обо всех своих делах, вплоть до интимных. Думаю, что даже соседке не сказала бы такого, а тут можно, потому что покупатель, заказчик — никто, пустое место. Особенно страшно, когда врач, слушая твоё сердце, продолжает обсуждать с медсестрой планы своих покупок. Тут уж не обида, а просто преступление».

Да, каждый человек хочет внимания к себе, к своим нуждам, тем более со стороны людей, просто обязанных этим заниматься по долгу службы.

Зато как благодарны бывают люди, когда им приходится сталкиваться с вниманием, заботой и чисто человеческой добротой! Сегодня мы публикуем несколько таких, хотя еще редких в нашей почте писем.

ГОСТИНИЦА «ПРОХЛАДНАЯ»

«Есть в степной части Кабардино-Балкарии небольшой городок Прохладный. Есть в нем гостиница с тем же названием. Сам я снабженец, и, как вы сами понимаете, мне часто приходится разъезжать и, естественно, так же часто сталкиваться с «прелестями» гостиничного сервиса... А вот сюда, в Прохладный, мне ехать никогда не страшно, больше того, доставляет удовольствие. Не страшна даже традиционная табличка «Мест нет». Здесь приезжего на улице не оставят: дадут десяток адресов местных жителей, у которых можно пожить пару дней.

Сначала я думал, что только ко мне как старожилу (я тут останавливаюсь уже четвертый год) так тепло, по-человечески относятся. Но, поговорив с другими постояльцами, убедился, что не только для меня эта гостиница не «Прохладная», а «Приветливая». А вот в Пермь или Уфу ехать для меня сущее наказание. Хотя нашему брату вроде не привыкать, и много уже написано о наших муках. Но вот о доброте, о чисто человеческом отношении пишут редко. Точнее я бы назвал это — высокое понимание своего служебного долга, выраженным одним словом — гостиница. Это от слова гость.

Вот в «Прохладной» это хорошо понимают. Работать здесь, независимо кем — директором или горничной, — гордость. Потому что каждый делает свое дело на совесть. Везде полный порядок: свежее белье, цветы, чистота, все исправно. Но главное — это уважение к человеку, внимание к его нуждам. Тон задают директор гостиницы Лидия Павловна Казанцева, старые ее работники Вера Савична Лебедева, Полина Михайловна Смирнова и другие. Спасибо им всем за обыкновенную, но ставшую острым дефицитом, простую заботу о человеке и доброту».

В. БОГДАНОВ,

начальник кабельного бюро Тбилисского экспериментального завода управляющих вычислительных машин

Тбилиси.

ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНИЗМ

«Как часто жалуемся мы на службу междугородной телефонной связи. Но вот недавно мне пришлось убедиться, какие чуткие, отзывчивые люди работают в этой важной сфере обслуживания.

13 июня мне сообщили из лагеря, что моя дочь заболела и отправлена в больницу г. Серпухова. Я тут же стала дозваниваться в Серпухов, но оказалось, что даже срочные заказы принимаются только на семь часов утра.

Однако стоило мне объяснить причину моего звонка, телефонистки сделали невозможное. Справочная из-за позднего времени уже не работала, и девушки сами обзвонили все городские больницы, разыскали мою дочь и соединили меня с главным врачом. Попыталась узнать фамилии всех тех,

кто принял участие в моих поисках, но телефонистки сказали, что это не важно. Вот пример не только высокого профессионализма, но и просто неформального, чуткого отношения к людям!»

М. ЭФРУС

Москва.

ЖАЛОВАТЬСЯ ПОЛЕЗНО

«Долгие годы нас обслуживало первое почтовое отделение, и мы получали свежие газеты не раньше 15—16 часов, а стало быть, после рабочего дня. Хотя наш город Электросталь всего в 60 километрах от Москвы. Но вот в начале этого года нас передали в 9-е почтовое отделение. И положение ухудшилось: газеты нам стали приносить еще позже. Тут мы и решили обратиться к заместителю начальника городского отделения связи т. Подольцеву с жалобой. Приняли нас вежливо, а главное — результат от этого посещения был на следующий же день. Теперь газеты регулярно поступают не позже 11—12 часов дня. Выходит, пожаловаться начальству бывает полезно».

В. ЗЕМЛЯНОЙ

Электросталь.

СПРАВКА ЗА МИНУТУ

«Простое дело получить справку. Но порой это выливается в целую историю, если за окошком сидит бездушный человек. Но вот недавно мне необходимо было узнать, каким поездом ехать, чтобы прибыть на нужную станцию в наиболее удобное для меня время. Несмотря на бестолковость моего вопроса, женщина в справочной терпеливо выслушала меня и быстро дала нужную справку. Надо сказать, что я еще задержался, чтобы понаблюдать за работой этой женщины. Работала она виртуозно. Быстро, четко давала справки, почти не пользуясь справочником. Мне захотелось побольше узнать об этом человеке.

В местном станционном сообществе, что Александра Дмитриевна Свиридова работает с 1952 года, много раз поощрялась за отличное обслуживание пассажиров, ударник труда и вообще хороший, чуткий товарищ. Как приятно, когда на твоём пути встречаются такие прекрасные люди».

Д. ТРЕСКУНОВ

Воронеж.

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР

Галина АБУТКОВА

СИРЕНЬ

Цветами дышит юная сирень,
Лаская воздух свежим ароматом...
И вспомнились давно угасший день
И молодость, расцветшая когда-то.

Он из сирени мне принес букет;
Там лепестки светились огоньками.
И были с нами девятнадцать лет,
И наше счастье тоже было с нами.

Цветы сирени... Пусть на счастье
всем
Нести любовь они не перестанут.
И я сказала милому: — Зачем
Ты их сорвал? Теперь они
завянут...

УЗОР НА ТРОТУАРЕ

Уже позолотила листья осень,
Запечатлев неведомый пожар.
С ветвей кленовых ветерок
их сбросил
Легонько на холодный тротуар.

Его обняв ладонями прямыми,
Легли они, печальные, ничком,
И пальцами широкими своими
Еще нежны оставшимся теплом.

Узор осенний нарисован ветром.
Не всем его, наверное, понять —
Тепло и холод ведренного лета
И то, что словом не пересказать.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ БАШНЯ

Свой шпиль вонзила в облака,
Сама, как девушка, легка,
И грациозна, и стройна.
Сейчас закружится она!

Но в ней не только легкий стан.
Счастливого дар людям ей дан —
Нести повсюду и скорей
Живые образы людей,
Их мысли, чувства и дела.
Чтоб в мире радость расцвела.

Галина Вадимовна АБУТКОВА — член КПСС с 1919 года, участница гражданской войны. Многие годы вела научную работу, была пропагандистом.

И все это время писала стихи. С некоторыми из них мы сегодня знакомим наших читателей.

Борис С МИРНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Ш

оссе, которое ведет от Душанбе на юг, не балует путника особым разнообразием: плоскогорье сменяется равнинными полями, виноградники — хлопковыми плантациями, которые чем дальше к югу, тем решительнее захватывают все пространство по обе стороны от шоссе. Кажется, только эта асфальтовая лента да бесконечная вереница нанизанных на дорогу поселков, да каменистые русла редких речек не покрылись ковром нежно-зеленых стебельков хлопчатника, не дали себя опутать геометрически четкой паутиной арыков, каналов, бетонных водоводов. Едешь, едешь, а вокруг каждый гектар, каждый метр земли выровнен, обработан, обводнен и отдан хлопку. «Вот что значит деловая земля! Вот, ничего не скажешь, рациональное отношение к природе!» — размышлял я тогда, не подозревая, что очень скоро буду смотреть

нул за обочину, довольно небрежно спрятался в траве. Правильно, нечего нас бояться...

Потом долго никто нам не попадался, и я, несколько пообвыкнув, стал обращать внимание на непроходимые заросли тростника, вплотную подступившего к дороге и превратившего ее почти что в тоннель, и на столь же непривычные для нас, северян, низкорослые деревья, широкие кроны которых смыкались с уцепившимся за ветки кустарником. Все густо, сочно, буйно... На ум пришло слово «джунгли», и Фролов подтвердил — да, действительно джунгли, причем настоящие, родственные индийским, ведь и слово «джангал» в переводе значит «густой кустарник». Причем у нас в стране таких джунглей больше нигде нет. «И здесь скоро не будет», — мрачно буркнул Фролов, но я как-то не обратил на это внимания, потому что на дороге стоял олень. Весь залитый солнцем, как скульптура, он несколько секунд смотрел на машину и вдруг могучим прыжком, грациозно откинув назад голову в короне рогов, исчез в зарослях. Хангул, бухарский олень — вот он какой!

...Кажется, именно эти первые часы в заповеднике стали для меня самыми «урожайными» на встречи с его обитателями: неохотно сторонились машины пустынные зайцы — толпа, раз мелькнула лисица, взлетели с озера два большие цапли. Позже, когда мы уже шли пешком, я почти никого не видел — правду говорят, что машина животных пугает меньше, чем человек.

Ночь мы провели на воздухе. Совсем рядом были и шуршали в кустах шакалы, шлепали по

лесхоза республики. Сейчас есть все основания предполагать, что через несколько лет исчезнут в Таджикистане джейраны — над их судьбой уже буквально занесен нож бульдозера. Да и все существование заповедника Тигровая балка, по мнению его сотрудников и многих ученых, стоит под вопросом. Вопрос этот, к сожалению, заострен до крайности, хотя печаль — и республиканская и центральная — уже много раз выносила его на свои страницы. Пусть и эти строки будут еще одним свидетельством очевидца о бедах Тигровой балки.

Начнем с тугаев. Тогда, в первые минуты на земле заповедника, я не дослушал объяснений Фролова, но проблема, оказывается, именно в них. И в хлопке, о котором я говорил раньше, и в людях, о которых речь пойдет теперь.

Весь день Михаил Васильевич Фролов не выпускал из рук толстую папку, и только к вечеру, когда я наконец уже получил о заповеднике какое-то представление, содержимое папки явилось на свет. Свет был колеблющимся — от лампы в егерском домике на острове одного из озер, но тем не менее положение дел стало выглядеть достаточно ясно.

— Вот... Выписка из постановления о создании заповедника. 1938 год. Обратите внимание на слова «Пустынно-тугайный заповедник». Пустыня — это понятно. Большая часть равнинного Таджикистана в то время еще была пустыней. Но именно тогда началось бурное ее освоение, потому что здесь, в пустыне, сложились те единственные в стране природно-климатические условия, в которых мог произрастать тонковолокнистый хлопок. Его называли «египтянин», так как весь мир

ТРАГЕДИЯ ТИГРОВОЙ БАЛКИ

Питомцы С. Н. Борисова — ручные джейраны. Неужели лишь они останутся в заповеднике!

на такие же поля совершенно другим взглядом. Только не хлопок тому причиной, а... Впрочем, все по порядку.

Часа через полтора машина остановилась перед шлагбаумом. Сторожевая будка на пригорке, полосатая планка над дорогой... А там, за шлагбаумом, сплошной стеной подступили к дороге заросли высоченного тростника. Оглянешься назад и видишь привычный, в общем, сельский пейзаж. А впереди то, от чего мы почти отвыкли, к чему так стремимся: впереди осколок девственной природы.

— Здесь начинается заповедник Тигровая балка, — сказал мой спутник, и мне показалось, что эту фразу он произнес весьма торжественно. Значит, и для него полосатая рейка не просто преграда на дороге, а символ границы с каким-то другим, непохожим миром... В этом я убедился позже, но тогда, в первый момент, сразу решил для себя, что начальник отдела заповедников и заказников Гослесхоза Таджикской ССР Михаил Васильевич Фролов к своей работе относится неравнодушно.

— Теперь смотрите внимательно, — сказал Михаил Васильевич, когда наш экспедиционный грузовичок осторожно въехал под сень зарослей. — В тугаях вообще много всякой живности, а здесь, возле конторы, им почему-то особенно нравится...

Не успев расспросить подробнее о тугаях, я устался на дорогу. Р-раз! — чуть не из-под колес взлетела большая, длиннохвостая празднично-пестрая птица. Фазан? Да, фазан, таджикский черно-золотой. И сразу еще один такой же — этот не взлетел, а просто отпря-

воде выдры, но для меня, например, непосредственные встречи с обитателями джунглей были не так уж важны. Главное — это необычное, острое ощущение того, что в любую минуту где-то совсем рядом с тобой, может, притаилось какое-то из этих свободных, каждое по-своему прекрасных существ, что вокруг сама по себе течет, развивается по извечным законам таинственная жизнь первозданной природы. И если быть до конца откровенным, хоть это и смешно, мне здорово не хватало тигров. Просто бы знать, что они здесь существуют, хотя бы след увидеть...

— Нет, с тиграми все покончено. Последний раз след был обнаружен в заповеднике, кажется, лет этак с десяток назад, — отвечал на мои настойчивые расспросы Фролов. — Здесь обитал так называемый туранский тигр. Очень крупные, мощные звери. Теперь этот подвид окончательно исчез.

— А может, за границей, в Афганистане еще остались...

— Ученые утверждают — исключено. За столько лет нигде ни единого следа, никаких признаков. Туранский тигр занесен в Красную книгу, но в очередном издании он будет отсюда вычеркнут — навсегда.

Как жаль... Возвратившись в Москву, я в подшивках «Огонька» за 1951 год нашел репортаж наших корреспондентов о Тигровой балке. Там есть фотография — след лапы тигра величиной с тарелку, есть строки о том, как, по рассказу, смелый охотник лихо расправился с тигром. Увы, в те годы тигров даже убивали десятками и этим гордились.

Собственно, судьба туранского тигра призрак встает в Балке. Совсем недавно на грани истребления оказались бухарские олени — их спасло искусственное воспроизводство, которое вовремя сумели организовать работники Гос-

вывозил этот сорт только из Египта. Наши селекционеры сумели укоренить «египтянина» здесь, в долине Вахша. Понимаете, огромное дело — собственный тонковолокнистый хлопок! Может, помните по истории — освоение пустыни стало всенародной стройкой. Да, строили каналы, дороги, узкоколейки, строили поля, наступали на пустыню! И уже тогда решили оставить заповедным уголок тугаев — так называется растительность в пойме среднеазиатских рек. Тугай — очень своеобразный, очень редкий на земном шаре биологический комплекс, а Тигровая балка — просто уникальное сочетание всех комплексов — и пустыни и тугаев. Сделать Балку заповедником — мудрое, верное решение! Кстати, вскоре, в годы войны, именно за счет Тигровой балки было спасено местное поголовье скота. А сколько людей выручили здесь заготовки топлива, продовольствия... Но аппетит, как говорится, констатируется, пришел во время еды. Смотрим дальше...

Дальше пошли вырезки из газет, копии писем, постановлений, актов. Оказывается, слово «заповедник», понятное любому школьнику, никак не возьмут в толк соседи Тигровой балки. Земля, полностью исключенная из хозяйственного пользования, запретная зона, зона абсолютного покоя, резерват природы — это же записано в любом словаре, это закон! А в резервате природы, в зоне абсолютного покоя вдруг появляется бульдозер и начинает ровнять бесценные, нигде на земле не повторенные тугайные комплексы. Одним махом тысяча гектаров заповедного лесного массива Палван — Тугай на правом берегу Вахша превратилась в зону хозяйственной

деятельности межколхозного животноводческого объединения Шаартузского района. Конечно, спору нет, животноводство развивать надо, но почему за счет заповедника?

А на другом берегу Вахша в один прекрасный, вернее, печальный день вдруг выросла насосная станция прямо на границе заповедника, и мощные дизельные насосы стали качать — уже прямо из заповедных озер — воду для колхозов «Победа», имени Кирова и других хозяйств Кумсангирского района. Как появилась станция, кто дал разрешение на вторжение в заповедник — до сих пор не известно, хотя такое разрешение могло дать только правительство республики, а правительство его не давало. Казалось бы — велика беда, водичкой попользовались для дела! А в озерах заповедника уровень воды в самые жаркие месяцы падает больше, чем на 2 — два! — метра, пересыхают нерестилища, исчезают водопой, без воды остаются большие массивы растительности. Все живое бежит, скрывается от круглосуточного рева моторов! Вот такие дела в зоне абсолютного покоя.

— Сколько об этом писано-переписано, а все остается по-прежнему, — продолжает печальную повесть Михаил Васильевич Фролов. — И вот еще вырезка: в прошлом году 22 июня рядом с этой насосной появилась вторая — для колхоза имени Саттарова. Катастрофа! Мы — в райком партии, в газеты. Пока воевали — насосы качали воду, потом, наконец, все же удалось добиться их остановки. В печати появилась заметка от 18 февраля 1981 года. Первый секретарь Джиликульского райкома партии товарищ Тагайназаров заверил читателей, что насосы демонтированы. Мы успокоились, а вот на днях получили новое сообщение: снова идет подготовка к монтажу насосов! Завтра с утра, если хотите, мы туда и отправимся...

Вахш — река горная, и даже на равнине его стремительный мутно-желтый поток не может успокоиться: русло реки блуждает, чуть ли

язык. И, наверное, не раз в школе шла беседа о том, что богатство земли — наше общее достояние, что надо беречь, охранять свою землю, жить ее заботой, а не мелкими расчётами.

— Интересно получается, — горячился Михаил Васильевич, когда мы отправились дальше, — вот я, например, сам из-под Смоленска, приехал сюда по распределению после института. И все шесть лет, что я здесь работаю, приходится буквально воевать за Тигровую балку, доказывать на каждом шагу, что Таджикистан без этого заповедника будет уже не тем Таджикистаном: такие утраты не восполняются! А меня хлопают по плечу, говорят: брось ты эти колючки, знаешь, сколько хлопков будет, если балку распахать? Абсурд! А дело к этому идет. В 1974 году у заповедника «отрезали» 189 гектаров земли, в 1976-м — 950 гектаров! Да вот Сергей Николаевич Борисов, заместитель директора заповедника по научной части, он вам расскажет, как это делается...

Сергей Николаевич, дочерна загорелый, в ковбойке, с перепачканными мотоциклетным маслом руками, никак не соответствует представлению о «кабинетном» научном работнике. Зато я хорошо мог представить себе, как он рано утром 19 марта 1980 года мчался на мотоцикле к массиву Кара-Дум по сигналу егеря. А там строим, с опущенными ножами шли бульдозеры на кустарник, на последнее убежище джейранов.

— И ведь как все было продумано, — неторопливо, глухим от давнего волнения голосом рассказывает Борисов, — бульдозеры пошли утром в субботу. Расчет такой: пока мы спохватимся, пока начнем звонить в район, в Душанбе — а дни-то выходные, никого на месте нет! — трактора сделают свое дело. Что нам оставалось? Одни звонили по телефону, а другие буквально легли под бульдозеры. И убеждали трактористов, и стыдили, и даже угрожали — в общем, всем, чем могли, препятствовали «прогрессу». Кто шел на заросли в наступление? Все тот же колхоз имени Саттарова. А в райцентре с нами даже разговаривать отказались — мол, почему бы и не сеять там, где ничего не растет. Пока в Душанбе разбирались, пока пришел запрет на освоение земель в буферной зоне заповедника — было распахано около сорока гектаров. Возможно, под хлопок.

Хлопок... Когда-то зеленые стебельки робко сторонились пустыни, теперь же хлопок всемогущ. Никто не спорит с тем, что хлопок необходим стране, что посевы его следует расширять, но почему за счет заповедника? Можно ли, прикрываясь заботой о хлопке, бездумно уничтожать не меньшую материальную ценность — генофонд живой природы?

— Мы представили счет за нанесенный урон, — продолжал Борисов, — за уничтожение 50 тысяч кустарников, 800 деревьев белого саксаула, редчайших видов лекарственных трав, растений. Чтобы восстановить урон нескольких дней, природе необходимо не менее 500 лет. Разве восполнишь такие потери деньгами? Да и то — прошел год, а ни копейки в счет штрафа не уплачено...

За все платит только сам заповедник. Платит своей землей, жизнями животных и растений, своим покоем, своей уникальностью. Мы колесили из угла в угол Тигровой балки, а из папки Фролова, как иллюстрации к увиденному, появлялись все новые и новые документы. Оказывается, в заповеднике — да, да, прямо на заповедной земле! — уже много лет действует праведный казнь, работают экскаваторы, день и ночь пылят и грохочут самосвалы. Гравий, прямо сказать, не такая уж редкость в долине Вахша, чтобы губить из-за него заповедник, но работникам МПМК Кумсангирского района брать гравий здесь и дешевле и удобнее.

Едем дальше — и натываемся на коровье стадо в зарослях джигдовника. Фролов обреченно лезет в папку за документами, Борисов машет рукой: «Все бесполезно, я первые месяцы, как приехал в заповедник, пытался выгонять коров, так надо мной даже смеяться стали — иди, мол, займись-ка научной работой. Егеря устали акты составлять. А районное начальство считает, что мы препятствуем развитию животноводства».

Потом мне показывают лоцины, куда спойно, без всяких ограничений, приезжает колхозная и совхозная техника на сенокосы. Пока

едем на нутриевую ферму, Фролов демонстрирует цифры: «Представляете, в заповеднике — план по добыче нутрий, промышленно организованный промысел! Я уж не говорю, сколько других животных побочно попадает в капканы». Мне показали кишлаки, построенные вплотную к границе заповедника, я видел десятки тропинок и целых дорог, уходящих в глубь тугаев. Разве мыслимо уследить, кто с какими целями сворачивает в заросли? Много лет решается вопрос о изгородью, и создается впечатление, что республике не под силу поставить пятьдесят километров забора вокруг одного из двух своих заповедников.

— Сейчас принято решение об освоении пустыни Кашка-Кум, — рассказывает Борисов. — Это последний участок пустыни в Таджикистане. Когда-то она была страшной, теперь нуждается в защите. Просто необходим клочок этой территории и для науки и для истории, для сравнения с сегодняшним днем. А для джейранов полное освоение пустыни — катастрофа, они неминуемо погибнут, когда не будет песков. Мы просим прирезать к заповеднику хотя бы шесть тысяч гектаров Кашка-Кум, это ничуть не ощутимая потеря для сельскохозяйственных угодий, тем более что взамен заповедник отдает такую же по площади, но не столь важную для себя территорию. Но надежды, что нам пойдут навстречу, мало.

— Просто руки порой опускаются, — устало констатировал и молодой, энергичный директор заповедника Нозрулло Тухтаев. — Обидно, что у Тигровой балки на деле так мало защитников. Обидно, что у нас нет возможности вести самостоятельную научную работу, что наши сотрудники лишены самого необходимого — надежных средств связи, транспорта, нормальных условий для работы и быта.

— При нынешнем положении дел еще несколько лет — и заповедник потеряет научную ценность, весь смысл своего существования, — считает заведующий Отделом охраны и рационального использования природных ресурсов Академии наук Таджикской ССР Геннадий Николаевич Сапожников. — Наш отдел постоянно ведет наблюдения за Тигровой балкой, и я, как и многие советские и зарубежные ученые, убежден, что утрата заповедника будет невозможной. Тигровую балку надо не только сохранить, но и, на мой взгляд, есть смысл создать совместный с Афганистаном резерват природы, по типу того, как издавна существует советско-польский резерват Беловежская пуща.

...Заключительное интервью я попросил у первого секретаря Джиликульского райкома партии Бегали Тагайназаровича Тагайназарова. Был разгар хлопковой страды, и даже встреча наша произошла на хлопковом поле во время проверки посевов межрайонной комиссией. В такой обстановке и мне и, кажется, даже стоявшему рядом Фролову разговор о проблемах тугаев и солончаков вдруг стал казаться второстепенным, несущественным... Но Бегали Тагайназарович не отрицал, что заповедник оказался в трудном положении и нуждается в поддержке. «Насосы? Нет, новые насосы установлены не будут, существующую установку надо ликвидировать. Карьер? Будем добиваться его закрытия, найдем способ решить и другие вопросы. Нет, Тигровую балку мы в беде не оставим!» Что же, судя по этим словам, Джиликульский райком занял верную, принципиальную позицию в отношении заповедника. Надо надеяться, что этому примеру последуют и другие соседи Тигровой балки в Кумсангирском, Кабодийском районах, что эта публикация в «Огоньке» о невзгодах заповедника будет, наконец, последней.

* * *

Этот материал был уже сдан в набор, когда из Тигровой балки поступила новая информация: колхоз имени Саттарова все-таки установил насосы и пустил их в ход. Гравийный карьер вскоре после приезда корреспондента «Огонька» прекратил работу, но через некоторое время вновь начал действовать. По-прежнему пасется на территории заповедника скот... Создается впечатление, что руководители соседних с Тигровой балкой хозяйств решили самовольно отменить постановление Совета Народных Комиссаров республики от 4 ноября 1938 года о создании заповедника, что нет никакого контроля за исполнением постановления Совета Министров Таджикской ССР от 15 ноября 1976 года «О некоторых мерах по сохранению и улучшению охраны фауны и флоры заповедника «Тигровая балка». Почему же решения не выполняются? «Огонек» ждет ответа от компетентных органов республики по поводу поднятой проблемы и принятия конкретных мер, необходимых для защиты заповедника.

не ежегодно смещается то влево, то вправо, и поэтому вся широкая долина реки изрезана узкими и длинными озерами — старицами. К одному из таких озер мы подъехали на следующий день.

Еще издали видны груды свежей развороченной земли. Валяются обрезки труб, арматуры. В озеро вклинилась большая канава, а очищенный от зарослей берег выровнен и забетонирован. На деревянном помосте два человека, расстелив кошму, пьют чай.

— Ну что, скоро будете хлопок поливать? — поздоровавшись, дипломатично начинает разговор Фролов.

— Завтра насосы поставим, начнем поливать, — отвечает колхозники.

— А вы знаете, что в заповеднике нельзя трубы прокладывать, воду качать?

— Знаем, но председатель сказал: немножко можно. Мы говорили, здесь вода. Отходя, соли много, даже чай некусный. Плоская недалеко Кумсангирский канал, но председатель говорит: надо здесь воду брать, здесь дешево.

— А кто у вас председатель?

— Эшбеков, колхоз Саттарова. Мы трактористы, Джумагельды Ишматов и Джура Очалов, мы знаем, что здесь заповедник, но председателя надо слушать, правда?

Они по-своему правы, эти ребята, которые хотят дать на поля воду. Председатель сказал — колхозу так дешево, а во что это обойдется заповеднику — разговора, наверное, не было. А зря, ведь для них председатель не только администратор: как говорил Джумагельды, еще недавно Эшбеков был у них в школе учителем, преподавал английский

«Нарспи». Сцена из спектакля.

Фото А. Зубкова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Они очень разные, спектакли, привезенные Чувашским академическим драматическим театром имени К. В. Иванова в Москву. На его афише и пьесы чувашских писателей: «После молнии — гром» Н. Терентьева, «Тетушка Праски дочку выдает» А. Чебанова, «Нарспи» К. Иванова... Тут и классика — «Варвары» М. Горького. И современная русская проза — «Деньги для Марии» В. Распутина. И, наконец, пьеса современного польского драматурга К. Хойнского «Ночная повесть»... Очень разные по времени действия и охвату событий, по жанровым особенностям пьесы и спектакли объединены одной мыслью: человек, если он хочет оставаться человеком, не может жить иначе, нежели по законам совести.

Аэроплан — не меньше чем аэроплан! — предлагает Аюнов, глава временного буржуазного чувашского правительства, выдающемуся чувашскому просветителю Ивану Яковлевичу Яковлеву! Лишь бы он оставил молодую Советскую Россию!.. Местные «архиреволюционеры», поспешив зачислить Яковлева в ретрограды, отстранили его от дела просвещения народа; оснований для обид у Ивана Яковлевича, казалось бы, предостаточно. Да только никуда он не поедет из родной страны! Не бросит родной народ в нелегкое время... Иван Яковлевич знает: в Кремле живет Ленин, вождь социалистической революции, глава Советского правительства — великий интернационалист и гуманист; и быть в одном строю с ним — что может быть выше и дороже для подлинного ученого!.

Играющий роль Яковлева Г. Терентьев подчеркивает могучую энергию героя, огромный запас душевных сил. Каждую минуту своего пребывания на сцене герой Терентьева находится в бою: он не дает усталости, унынию, малодушию одолеть себя. Актер создал образ крупный, глубоко личностный — такой, по какому уже давно тоскует наша столичная сцена.

Н. Григорьева мы увидели во время гастролей в ролях незаурядных. Это Председатель колхоза («Деньги для Марии»), человек, которому обида, когда-то нанесенная, не

заслонила белый свет: он исполнен добра и справедливости. Но, конечно же, самая примечательная работа Н. Григорьева в дни гастролей — это образ Ленина в спектакле «После молнии — гром». Он удивительно одухотворен, внутренне подвижен; он непреклонен и решителен в воплощении талантливого мастера чувашской сцены.

Еще и еще раз убеждает актер, что нельзя по-настоящему быть убедительным на сцене в роли Ленина, не стремясь еще и к портретному сходству с ним. К полному не только духовному, но и физическому перевоплощению в образ. Актер со «своим» лицом и обликом, своими повадками и жестами не способен во всей полноте и глубине донести до зрителей мысль Ленина, передать богатство его духовного мира, заставить зрителей поверить в то, что перед ними действительно Владимир Ильич. Это под силу только настоящему художнику сцены, постигающему и передающему образ вождя во всей его конкретности и человеческом богатстве, во всем многообразии и полноте жизненных связей.

Театр — дело сложное и тонкое. И подмена мыслей великого человека мыслями актера, лишенными подлинной значительности и глубины, — увы, случай вовсе не исключительный. Подтверждением тому немало примеров самого последнего времени.

Конечно, не во всем равны спектакли наших гостей из Чувашии. Думаю, что страдают известной иллюстративностью фольклорные, обрядовые сцены в «Нарспи» (режиссер Л. Родионов). Особо наглядный тому пример — сцена «просватыванья» Нарспи богачу Тахтаману, здесь остро недостает трагизма. Главное-то ведь не «праздники», а состояние Нарспи, силой отторгнутой от любимого. Ее взгляда на все происходящее и недостает сцене... Есть затынутость в спектакле «Тетушка Праски дочку выдает» (режиссер В. Яковлев) снова за счет, я сказал бы, любования театра всевозможными плясками... Нельзя не сказать и о слабости самой драматургии.

Есть и отдельные работы, как, скажем, городской голова Редозубов (Б. Данилов) в «Варварах», решенные излишне прямолинейно, упрощенно... Но в целом нет ни одного спектакля, который не заслуживал бы положительной оценки.

Особо хочется сказать о таких работах театра, как «Деньги для Марии» и «Ночная повесть». Оба спектакля поставлены главным режиссером В. Яковлевым. Первый является убедительным подтверждением плодотворности взаимного обмена художественных культур, что и есть отличительная черта нашего театрального искусства сегодня. Сибиряки «обернулись» в спектакле исконными, прирожденными чувашами. Да так накрепко образы литера-

турные слились с образами сценическими, что, как говорится, между ними и тонюсенькой иголки не просунешь.

Бытовой по внешнему колориту спектакль звучит как набатный колокол, напоминая людям о доброте, отзывчивости и чуткости. В конечном счете — о смысле жизни. Ради себя эта жизнь, ради сытного и благополучного счастья или ради людей... Только тот, для кого чужого горя не бывает, кто принимает на свои плечи все чужие беды и печали, имеет право называться человеком. Эта мысль, пронизывая весь образный строй спектакля, раскрывается театром с большой художественной силой.

А написанная около двух десятилетий назад пьеса К. Хойнского воспринимается в постановке Чувашского театра как сегодняшняя, буквально сиюминутная. Зло, утверждает спектакль, тогда сильно, когда не встречает активного сопротивления. Интересы жизни, интересы человека, подлинный гуманизм не приемлют и не терпят пассивности, равнодушия, выжидательной позиции. Очень тонко, тактично сыгранные роли бандитствующих молодчиков: Косого (И. Иванов), Худого (Ю. Кольцов), Ловнача (В. Федоров) — невольно заставляют думать, что именно эти люди — причинившие другим столько зла за несколько часов — среди тех, кто сеял смуту в социалистической Польше.

Обращение к классике — всегда самый строгий экзамен для любого театрального коллектива. Тем более обращение к такой сложной пьесе — и в психологическом плане и в социальном, — как «Варвары» М. Горького. Театр (режиссер В. Яковлев) свой экзамен выдержал успешно. Спектакль пронизан опять-таки мыслью о человечности. О том, что жизнь человеческая может складываться без значительных потерь, только если идет по законам совести.

Труппа Чувашского театра — московские гастролеры показали это очень ярко! — богата своеобразными и сильными актерскими талантами.

В двух ролях удалось мне увидеть народную артистку СССР В. Кузьмину, олицетворяющую своим творчеством лучшие традиции чувашской сцены, возросшие на опыте Московского Художественного театра. Это Старуха («Нарспи») и Комариха («Деньги для Марии»). Первая олицетворяет собою жестоко-сердце, жадность, тупость. Вторая — доброту и участливость. Очень разные, полярные образы. Но как же сочно воплощает их актриса, с какой неистощимой щедростью, доподлинным знанием народной жизни и народных характеров!

Актрисой удивительного обаяния предстала перед зрителями Н. Григорьева. Мы видели ее в трагической роли Нарспи, где трагизм в любой момент мог (пьеса дает к этому основания) обернуться мелодраматизмом. И только художественный такт и вкус, чувство меры позволили актрисе избежать этого и создать образ одухотворенный, исполненный и поэзии и силы протеста. Мы видели Григорьеву в роли Лидии в «Варварах», и трудно было поверить, что эту гордую, полную силы и достоинства женщину играет актриса, которая познакомилась нас с героиней «Нарспи», и с юной Катенькой, полной задора и огня внучкой Яковлева («После молнии — гром»), и с не по годам серьезным мальчишкой Витькой в спектакле «Деньги для Марии».

Не меньшее восхищение вызывает талант перевоплощения актрисы Н. Яковлевой. Мария — сдержанная, стремящаяся жить, но не желающая жить в позоре, в отрыве от тех, кому отдана вся ее жизнь («Деньги для Марии»). И она же — вся словно загадка, жадно ищущая Человека, Героя, бесстрашно идущая навстречу смерти, поняв, что жизнь ее обманула, — Надежда Монахова («Варвары»). Ее полная огня юная революционерка Верук — характер негнбимый и одновременно лирический («После молнии — гром»). Старая мать Сетнера, любимый Нарспи, — олицетворение доброты («Нарспи»). То ли деревенская дурочка, то ли женщина, полная неистощимой выдумки и озорства, в роли Праски («Тетушка Праски дочку выдает»).... Да неужели все это создано одной актрисой, — эти женщины так несхожи меж собой, так искренне, без какой бы то ни было подделки воплощены!

Конечно, я назвал только отдельные имена и работы. Женская часть труппы, правда, показала себя, на мой взгляд, на гастролях разнообразнее, ярче, что ли, чем мужская. Но и среди актеров немало талантливых индивидуальностей разных поколений.

На протяжении последних двадцати лет наблюдаю я за жизнью и поисками коллектива Театра имени К. В. Иванова. И есть все основания говорить о неуклонном его росте, накоплении художественного опыта, развитии творческих принципов. Три спектакля из тех, что привезены в Москву, я смотрел полтора-два года назад в Чебоксарах: «Нарспи», «Деньги для Марии» и «После молнии — гром». Сегодня они заметно выросли, укрепились. Думаю, что эту динамику творческого развития театра по сравнению с его первыми гастролями в столице летом 1974 года ощутили и все московские зрители.

Хочется пожелать театру больше внимания к спектаклям о нынешнем созидательном дне Чувашии, ставшей не только мощной сельскохозяйственной, но и мощной промышленной республикой. Отсутствие таких спектаклей, где действовали бы сегодняшние герои — творцы новой действительности республики, было в дни гастролей заметно...

ЧЕРТЫ НЕВЕДОМОГО

Двадцатый век, двадцатый год со дня полета в космос первого человека Земли, советского гражданина Юрия Алексеевича Гагарина.

12 апреля 1961 года он записал в своем бортовом журнале: «Лучи просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неопишущая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха».

И вот спустя двадцать лет в Киеве состоялась международная художественная выставка «Время—пространство—человек», организованная Союзом художников СССР, ЦК ВЛКСМ и журналом «Техника—молодежи», и экспозиция рисунков ребят из социалистических стран «Дети рисуют будущее».

Киев раскрыл двери Центрального выставочного павильона художникам-фантастам, юным мечтателям, искателям нового, неизведанного, а также первым советским художникам-космологам 20—50-х годов, среди которых были не только представители искусства, но и ученые, конструкторы. Двести работ профессиональных и самодеятельных художников разных поколений и направлений, детские рисунки показали развернутую картину процесса «космизации» человеческого сознания.

Космос вошел в искусство на рубеже XX века как глубокое эмоционально-философское постижение Вселенной в ее реальной беспределности и многообразии

форм. В те годы труды Циолковского и теория относительности Эйнштейна, книги Фламариона, Жюль Верна и Уэллса, творчество М. Чюрлениса и Н. Чекрыгина, работы философов помогли человеку нового века осознать нашу планету как частицу космоса, приблизить Вселенную к Земле, увидеть в зримой форме взаимосвязи, существующие между дальними мирами.

В двадцатые годы в советской живописи эту тему плодотворно развивали молодые московские художники П. Фатеев, А. Сардан, С. Шигелев, В. Черноволентко и Б. Смирнов-Русецкий, объединившиеся в творческую группу «Амаравелла» («Несущий свет»). Большое духовное влияние оказало на них творчество Н. Рериха, а также встреча с замечательным мастером в 1926 году во время его пребывания в Москве. Художники пытались осуществить в своей практике синтез науки и искусства—их творчество явилось своеобразным воплощением идей Циолковского, Чижевского, Вернадского. «Космические излучения вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил... Лик Земли ими меняется, ими в значительной степени лепится... Древние интуиции... о людях, как детях Солнца, гораздо ближе к истине, чем думают»,— писал академик В. И. Вернадский.

Старейший представитель «Амаравеллы» на киевской выставке Б. А. Смирнов-Русецкий в своих картинах создал прекрасный, целостный образ Вселенной, вобравший в себя идеи и мечты людей разных времен. Слово было лучистой тканью звездных миров раскрывается нам в его «Космической геометрии», влечет к себе

волшебный «Свет далекой звезды», уводит в беспредельность горные «Ступени» и сполохи «Огненных мыслей», отражающиеся на небесах. Надолго запоминаются его таинственная «Зеленая планета», голубые «Полусферы», стремительный «Старт».

Художников того поколения занимало не только изображение внеземного мира, но и новое восприятие космических явлений, происходящих на нашей планете. Сегодня, как и полвека тому назад, захватывает воображение свободный полет фантазии в картинах С. Шигелева «Лаборатория космоса» и «Машины в космосе», а также лирико-философские полотна из серии «Путь», отразившие идею восхождения людей к новому, неизведанному.

Рассказы космонавтов, фотографии, позволившие увидеть доселе невидимое, изучение поверхности Луны, атмосферы Марса и Венеры, опыт жизни и работы на орбитальных станциях, достижения радиоастрономии и других наук—реальные успехи научно-технической революции послужили сильным толчком, сообщившим как бы «вторую дополнительную скорость» космическому жанру в искусстве. Вернувшись на Землю, первый космонавт-художник сказал: «Грех не запечатлеть на полотне водопад неземных красок». И на полотнах Алексея Леонова наша планета впервые предстает написанной с натуры, в них—истинное чувство человека, увидевшего Землю и звезды из открытого космоса.

На выставке были показаны работы самых различных направлений, трудно отдать кому-либо из художников особое предпочтение, можно лишь попытаться заглянуть

в этот удивительный мир, в котором поистине найдется место всем—и физикам, и лирикам, и философам.

Вас сразу захватят яркие фантастические пейзажи: «Планета Тауренс», «Искусственное солнце Плутон» Димитра Янкова из Болгарии и «Мир расплавленной планеты» А. Климова из Усть-Каменогорска; вдохновит «Лучезарная чайка» и как бы выплескивающее заряженные частицы материи «Энергетическое поле» В. Казьмина из Москвы; вы задумаетесь, соприкоснувшись с «Параллельным миром» кубинца Пабло Тоскано, и, конечно, не пройдете мимо лирического полотна «Памяти М. К. Чюрлениса» москвича Ю. Миронова. Здесь же отливающий кристалльной «космической» синевой «Космодром» А. Шеко и загадочный многоцветный «НЛО» В. Глухова из Москвы... Все эти и многие другие яркие, талантливые работы занесены теперь в каталог постоянно действующей международной художественной выставки «Время—пространство—человек».

В свое время, беседуя с художниками-фантастами, Николай Константинович Рерих особенно подчеркивал значение культуры и знания в жизни каждого человека, а также огромную роль искусства в грядущем единении народов. «Прекрасное объединит нас»,— говорил он.

Одновременно с произведениями взрослых на киевской выставке было показано творчество подростков. Воображение детей щедро допускает обитаемость других миров, их работы, как правило, вбирают в себя все мечты человека, все лучшее, что есть на нашей Земле.

Гадкий поросенок

Проблема отлова животных, населяющих бесчисленные улицы и дворы современного города, не просто деликатна, она болезненна. Ее почти не затрагивают, к сожалению, специалисты, а журналисты лишь изредка касаются ее, как старой, ноющей раны. Но буквально каждый факт встречи до-

машних животных с работниками санитарного отлова потрясает.

...Три часа пополудни, по московской улице (1-я Киевская) медленно продвигается автомашина, замаскированная под «мусорку». В непривычно просторной кабине—пять парней, их ненормально возбужденные голоса рвутся наружу.

А вот встреча: на тротуаре играют два симпатичных пса. Одного из них молодая хозяйка терпеливо зовет домой: «Тузечка, Тузля! Ну, хватит, завтра встретитесь...» И она безмятежно удаляется к дому (ул. Башиловская, д. 1, корп. 2).

Автомашина с государственным знаком 03-67 МНП при тормозила. В кабине трое: кому выходить на охоту? С гнусной матерщиной отказываются двое; доносится: «С меня будя...» Злой—красные пятна пошли по лицу—на проезжую часть буквально вываливается парень с металлической удавкой в обнаженной руке—рукава фирменной рубки заката-ны. Не обращая внимания на

прохожих, «охотник» грязно кистит на чем свет стоит сотоварищей и прицельным глазом обводит улицу. Хозяйка Тузи далеко, Тузя замер возле дружка, но прохожие, почуя недоброе, мимоходом стали шикать на псов, разгонять их... Огрызаясь, Тузя посеменил к подъезду дома, где ждала рассердившаяся не на шутку хозяйка с поводком. И тут собачий вопль огласил зеленую, по-летнему дремавшую улицу. Заурчал мотор...

— Бабушка! Бабушка! — топала ножками под балконами корпуса 2 девчушка.

— Живодеря! — швырнул камнем вслед машине 03-67 парнишка.

— Гигиена, — махнул рукой прохожий, только что озабоченно разгонявший четвероногих дружков.

— Гигиеной прилюдно не занимаются,—возразила женщина.— На все свое время. На дезинфекцию мест общего пользования, на погоню за бездомными животными...

Живодерня на колесах оста-

новилась за углом, возле винного отдела «Гастронома», что на Башиловской улице, 1. Нетрезвый член экипажа выбрался из кабины. Это тот, кто только что отказался от очередной операции на Киевской, от вылазки за вином он отказаться не посмел... Хотелось узнать от трезвого водителя фамилии членов экипажа, патрулировавших улицы города в тот день (12 августа, среда), но фамилии ничего не дали бы. Дело не в них, а в принципе.

Вопиет неэтичность поведения и поступков подобных экипажей санитарно-гигиенической службы. Днем, на глазах людей подобного делать нельзя! Очевидно, план заставлял дюжих охотников заарканить как можно больше домашних животных? Вот они и хватают их—случайных, с ошейником, просто зазевавшихся. Заигрававшихся.

Их пятеро в машине, а Тузя один. Гадкий поединок...

Н. ШАТОВ

Педсовет

(ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ)

Вступительное собеседование в специальной англо-физико-экономической школе. В коридорах томятся родители, на улице — их машины. Дети носятся и не носятся — в зависимости от воспитания. Педсовет обсуждает кандидатуру только что ответившего Кости Кротова.

— Ну что ж, — говорит директриса, — по-моему, все ясно. Мальчик неразвит, слаб в голове и в коленках, ни к физике, ни к лирике не способен, даже с произношением... Думаю, не возьмем. Так родственникам и скажите. И не надо, не надо излишней жалости — гуманность в том, чтоб сказать родителям правду, одну только правду!.. Кстати, а почему здесь их профессии не указаны?

Все смущенно молчат.

— Видите ли, Инна Аркадьевна, — вклинивается ехидно учительница истории Зотова, — личные дела, как всегда, завуч в сейф от нас убрала, а вчера она срочно на родину уехала, говорит, что к больной матери, и, конечно, забыла оставить ключи!

— Безобразие! — ворчит директриса. — Первый раз так, вслепую, работаю!.. Ну что же, тем лучше — будем объективны к детям...

— Но про Кротова-то я случайно знаю, — продолжает историк, — отец «Гастрономом» вроде заведует.

— «Гастрономом», вот как? Да включите вы там свет — поздно уже, ничего ведь не видно! Странно только: мальчик на вид неплохой, соображает — как же он отвечал-то так скверно, а? Растерялся, должно быть, — нас много, а он один...

— Конечно! — тотчас соглашается подхалимка Зотова.

— Но позвольте! — вскакивает молодая учительница английского. — Он же и языку глух абсолютно, «дабл ю» даже выговорить не смог!

— Не позволю, Татьяна Семеновна, не позволю — вы тоже, небось, не с пеленок «дабл ю» произносить начали!

— Не-ет, не директор он «Гастронома», — вспоминает вдруг кто-то, — у того не Кротов, а Котов фамилия.

— Вы уверены? — нервничает директриса.

— А как же — сколько раз к нему в кабинет хаживала. За спецзаказами.

— Да я и сама вижу, — говорит директриса, — у заведующего «Гастрономом» дитя бы упитанным было, а этот тощий уж больно. Ну где вы такого сына заведующего видали? И с дикцией у него... Нет, мы не будем потакать посредственности — идите и скажите им все как есть. И приглашайте следующего.

Учительница выходит. Входит следующий.

— Так, Петя Зайцев, — рассеянно говорит директриса, — ну, прочитай нам, например, свое любимое стихотворение.

— Мой дядя — самых честных правил! — сообщает всем карапуз Петя, но тут снова вклинивается «историчка»:

— Погодите, погодите — Кротова, значит, его мать? А инициалы как — Ж. С.? Так у нее ж в Министерстве внешней торговли кто-то работает — я ее знаю!

— Внешней? — багровеет Инна Аркадьевна. — Гм! Да выключите вы там свет — рано ж еще, солнце светит... Нет, надо, надо нам всем быть как-то добрее, терпимее — с детьми все же дело имеем, не с клиентами...

— Мой дядя — самых честных... — снова начинает Петя.

— Да погоди, мальчик, — отмахивается директриса, — стань вон пока в уголок и не двигайся. Знаешь, так, — обращается она к Зотовой, — верните мамашу и скажете, что сына мы берем, мальчуган он хороший, где-то даже способный — ему бы только побольше гулять, есть и, конечно, по три раза в день — фонетику. Все поняли?

— Слушаюсь! — отвечает та и вылетает за дверь.

— Э, Инна Аркадьевна, — возвращается она через миг, — Кротова-то она Кротова, да не та — у той, «министерской», и волосы не свои, и шуба искусственная...

— Да-а? Впрочем, я давно подозревала, — обрывает директриса, — костюмчик-то на нем уж больно отечественный! И вообще... Конечно, не та! Так будем принципиальны, товарищи педагоги, — школа у нас специальная, мест мало, сказано «не берем» — и все! Читай, Петя.

— Конечно, не та! — продолжает, захлебываясь, Зотова. — Это же Ломова Жанна Сергеевна, дочка Сергея Платоныча!

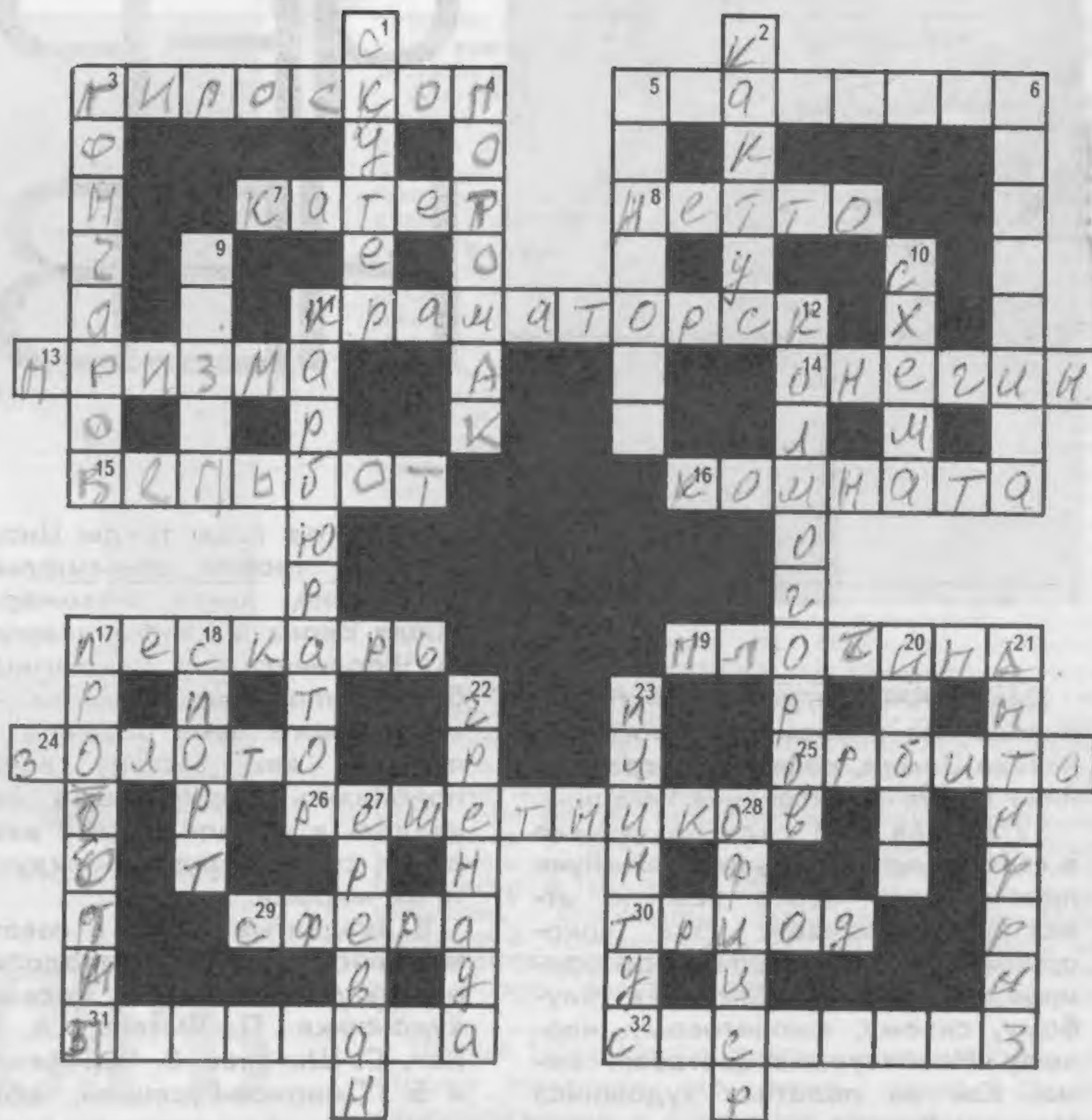
— Сергея Платоныча дочь? — вся расплывается Инна Аркадьевна. — Из райисполкома? А я и не знала! Это она в замужестве, значит, во втором, Кротовой сделалась?

— Значит...

— А я здесь сижу и не знаю. Очень, очень приятно. Надо будет Сергею Платонычу позвонить, с внуком поздравить: золотце мальчик, замечательный! Гордостью школы будет! А с вами, Татьяна Семеновна, я еще разберусь: «дабл ю» ей, понимаешь, не нравился? Завтра же на урок зайду, все произношения лично проверю! — грозит она «англичанке» и торопится во главе педсовета в коридор — лично приветствовать родных и близких Сергея Платоныча.

— А ты, мальчик, — бросает она с порога, — завтра приходи, хотя... мест у нас все равно не осталось.

— Мой дядя! — дрожит от обиды Петя Зайцев в опустевшей комнате, а в это время заведующий роно дрожит от страха, слыша в трубке властный баритон референта Петинного дяди, и илется, илется немедленно выяснять, почему Петенька задерживается к обеду...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Вращающийся прибор, волчок. 5. Бальный танец. 7. Сторона прямоугольного треугольника. 8. Вес товара без упаковки. 11. Город в Донецкой области. 13. Многогранник. 14. Герой романа в стихах А. С. Пушкина. 15. Китобойная шлюпка. 16. Помещение в квартире, доме. 17. Пресноводная рыба. 19. Гидротехническое сооружение. 24. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка. 25. Путь движения планеты. 26. Живописец, народный художник СССР. 29. Поверхность шара. 30. Электронная лампа. 31. Вид искусства. 32. Птица, обитающая в горных районах Европы и Азии.

По вертикали: 1. Быстроходное спортивное судно. 2. Южное растение с колосками. 3. Русский писатель XIX века. 4. Река в США. 5. Выступ в стене, поддерживающий карниз, балкон. 6. Небольшая оперная ария. 9. Плодовое дерево или кустарник. 10. Упрощенный чертеж. 11. Прибор двигателя внутреннего сгорания. 12. Советский математик, академик. 17. Первоисточник художественного образа. 18. Составная часть физической культуры. 20. Снежный барс. 21. Водный раствор, не замерзающий при низких температурах. 22. Стихотворение М. А. Светлова. 23. Планка между полом и стеной. 27. Столица союзной республики. 28. Военнослужащий командного состава.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 1. Сервант. 5. Портик. 6. Кафтан. 9. Рагозин. 10. Губарев. 12. Серпант. 14. Плато. 16. «Нерон». 17. Лайка. 18. Местоимение. 19. Минус. 21. Комуз. 22. Афиша. 23. Дискант. 24. Вельвет. 25. Пунктир. 27. Вургун. 29. Рябина. 30. Васьган.

По вертикали: 1. Секатор. 2. Ролик. 3. Артек. 4. Тубафон. 5. Перрон. 7. Нигрол. 8. Ботанизирка. 10. Ганимед. 11. Велебит. 12. Суриков. 13. Транзит. 14. Патна. 15. Опера. 20. Стасов. 21. Килька. 25. «Пугачев». 26. Рубакин. 28. Нюанс. 29. Рычаг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Люба Климович из Белоруссии уже шестой год работает монтером пути в тресте «Тын-дотрансстрой»: строит дорогу на Чару * Звеносборка на станции Ларба. (См. в номере материал «Рукопожатие над магистралью».)

Фото В. Кузнецова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Димитр Янков (Болгария). «Встреча двух разумов» * О. Кириенко «На Марсе» * Б. А. Смирнов-Русецкий. «Зеленая планета». (См. в номере материал «Черты неведомого».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отдел: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.08.81. Подписано к печати 18.08.81. А 00411. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2066. Заказ № 933.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Бор. Е. - 81.

Нейтронной бомбе — НЕТ!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663